

ИСТОРИОГРАФИЯ

ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

1

ТОМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЫСШАЯ ШКОЛА»

ИСТОРИОГРАФИЯ

ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

1

ТОМ

Под редакцией
проф. В.И. Кузицина

Рекомендовано
Учебно-методическим объединением
по классическому университетскому образованию
Российской Федерации в качестве
учебного пособия для студентов вузов, обучающихся
по направлению и специальности «История»

Москва «Высшая школа» 2008

УДК 930:94(5)
ББК 63.3(0)31
И 90

А в т о р ы:

В.И. Кузишин (руководитель авторского коллектива), О.А. Васильева,
М.А. Дандамаев, М.М. Дандамаева, В.В. Емельянов, Н.В. Козлова,
Н.В. Козырева, И.А. Ладынин, С.С. Соловьёва, И.Р. Тантлевский,
О.В. Томашевич, Ю.Б. Циркин, М.А. Чегодаев, В.А. Якобсон

Р е ц е н з е н т ы:

сектор Востока отдела искусства и археологии Древнего мира
ГМИИ им. А.С. Пушкина (зав. сектором д-р истор. наук С.И. Ходжаш);
д-р истор. наук А.Е. Демидчик
(Новосибирский Государственный педагогический университет)

Историография истории древнего Востока: В 2 т. Т. 1:
И 90 Учеб. пособие / В.И. Кузишин, М.А. Дандамаев, Н.В. Козы-
рева и др.; Под ред. В.И. Кузишина. — М.: Высш. шк., 2008. —
719 с.

ISBN 987-5-06-005240-4

В учебном пособии излагается история изучения в мировом вос-
токоведении в основном с середины XIX в. до конца XX в. забытых
древневосточных цивилизаций, сформировавшихся в долине Нила и в
регионе так называемого «благодатного полумесяца» (в Месопотамии
и Восточном Средиземноморье). Основное внимание уделяется изуче-
нию современного состояния историографии истории древнего Вос-
тока. Предлагаемое пособие является одним из первых в отечественной
и мировой литературе.

*Для студентов университетов, сотрудников научных учреждений,
учителей средних школ, лицеев, колледжей, гимназий и всех интересую-
щихся историей древнего Востока.*

УДК 930:94(5)
ББК 63.3(0)31

ISBN 987-5-06-005240-4 © ОАО «Издательство «Высшая школа», 2008

Оригинал-макет данного издания является собственностью издательства
«Высшая школа», и его репродуцирование (воспроизведение) любым спосо-
бом без согласия издательства запрещается.

Оглавление

Введение. Предмет, источники, периодизация древневосточной историографии (<i>В.И. Кузищин</i>)	5
Раздел I. Древний Египет	17
Глава 1. Дешифровка Ж.Ф. Шампольона и становление египтологии как научного направления в XIX—XX вв. Формирование египтологических школ (<i>О.В. Томашевич</i>)	17
§ 1. Древний Египет в сочинениях античных и средневековых авторов	17
§ 2. Становление египтологии как научной дисциплины (1822—1884)	21
§ 3. Классический период в развитии египтологии (1884—1939)	36
§ 4. Изучение истории и культуры древнего Египта во второй половине XX в.	79
Глава 2. Проблемы политической истории и хронологии древнего Египта. Древний Египет и окружающий мир в зарубежной и отечественной историографии (<i>И.А. Ладынин</i>)	120
§ 1. Политическая история и хронология	120
§ 2. Древний Египет и окружающий мир	131
Глава 3. Общество и государство в древнем Египте в зарубежной и отечественной историографии. Проблема древнеегипетской идеологии царской власти (<i>И.А. Ладынин</i>)	199
§ 1. Общество и государство в древнем Египте в зарубежной историографии	199
§ 2. Общество и государство в древнем Египте: отечественная историография XX в. (советский и постсоветский периоды)	232
Раздел II. Древняя Месопотамия	276
Глава 1. Основные этапы и направления изучения истории древней Месопотамии (<i>С.С. Соловьёва</i>)	276
§ 1. Путешествия	276
§ 2. Дешифровка клинописи	277
§ 3. Археологическое изучение	281
§ 4. Основные направления работы зарубежных исследователей	291
§ 5. Ассириология в России	296
Глава 2. Историография истории древней Месопотамии с древнейших времен до конца II тыс. до н.э. (<i>Н.В. Козырева, § 4 — Н.В. Козлова</i>)	310
§ 1. Хронология и периодизация	312
§ 2. Географические названия	315
§ 3. Историография истории Месопотамии V—IV тыс. до н.э.	317
§ 4. Возникновение и развитие письменности в Месопотамии IV—III тыс. до н.э.	331

§ 5. Основные направления изучения политической и социально-экономической истории Месопотамии III тыс. до н.э.	359
§ 6. Историография истории Месопотамии старовавилонского периода.	422
§ 7. Историография истории Вавилонии средневавилонского периода (вторая половина II тыс. до н.э.)	451
Глава 3. История Ассирии в свете ассириологических исследований XIX–XX вв. (<i>В.А. Якобсон</i>).	457
§ 1. Основные источники по истории Ассирии и развитие ассириологических исследований в XIX и XX вв.	486
§ 2. Староассирийский период (XX–XVI вв. до н.э.).	488
§ 3. Среднеассирийский период (XV–XII вв. до н.э.).	491
§ 4. Новоассирийский период. Создание и гибель мировой империи (IX–VII вв. до н.э.).	501
Глава 4. Новоассирийские архивы: расширение базы ассириологических исследований в конце XX в. (<i>М.А. Дандамаев</i>)	521
Глава 5. Нововавилонское царство в современной историографии (<i>М.А. Дандамаев</i>).	532
§ 1. Элементы исторического мышления в Вавилонии	533
§ 2. Археологические исследования	535
§ 3. Историография XIX и начала XX в.	538
§ 4. Основные направления современных исследований.	540
Глава 6. Ассирия и Вавилония в античной традиции (<i>М.М. Дандамаева</i>)	551
Глава 7. Религия древней Месопотамии в современной историографии (<i>В.В. Емельянов</i>).	572
§ 1. Основные тенденции в исследовании месопотамской религии.	572
§ 2. Основные проблемы в изучении месопотамской религии	579
Раздел III. Восточное Средиземноморье в древности	629
Глава 1. Историография Финикии, Угарита и Сирии (<i>Ю.Б. Циркин</i>)	629
§ 1. Историография Финикии до 60-х гг. XX в.	629
§ 2. Современный этап финикийской историографии.	640
§ 3. Исследования Угарита и Сирии III–II тыс. до н.э.	652
§ 4. Историография неохеттских и арамейских государств Сирии.	657
Глава 2. Историография истории древнего Израиля и Иудеи (<i>И.Р. Тантлевский</i>).	663
§ 1. Библейская историография	664
§ 2. Иудейская историография эпохи эллинизма и раннеримского периода.	677
§ 3. Историография истории Израиля и Иудеи в период поздней античности, средние века и в XVI–XVII вв.	685
§ 4. Изучение истории евреев в XVIII–XIX вв.	689
§ 5. Историография истории древнего Израиля и Иудеи в XX в.	692
§ 6. Некоторые основные направления современных исследований по истории древнего Израиля и Иудеи.	695

ГЛАВА 2

Историография истории древней Месопотамии с древнейших времен до конца II тыс. до н.э.

История древней Месопотамии — это предмет изучения ассириологии. Возникнув немногим более 150 лет назад, ассириология, как и другие гуманитарные науки, прошла сложный путь становления и развития и в настоящее время является энергично развивающейся областью знания. Документальный базис ассириологии и охватываемая ею сфера познания постоянно расширяются, а предмет ее исследования все более дифференцируется. Ежегодно выходят тысячи публикаций по самым разным проблемам истории и филологии древней Месопотамии и других стран древнего Востока, заимствовавших из Месопотамии клинописную систему письма. Большая часть этих статей и монографий, количество которых постоянно растет, перечисляется в ежегодных выпусках «Клинописной библиографии» (*Keilschriftbibliographie*) в журнале «*Orientalia*» (Roma). Впервые эти библиографические выпуски появились в 1940 г., в 2003 г. вышел выпуск под номером 61. Настоящей энциклопедией знаний по ассириологии является издание «*Reallexikon der Assyriologie*» (Berlin), где в алфавитном порядке располагаются статьи обзорного характера по всем терминам, географическим названиям и именам, встречающимся в исследованиях по ассириологии. В каждой статье собраны все имеющиеся сведения о рассматриваемом объекте: упоминания в клинописных текстах, проблемы, связанные с изучением, основная литература. Пока составители этого монументального сборника добрались до буквы О.

Работы историографического характера, к сожалению, являются в ассириологии крайне редко [Buccellati, 1973]. В значительной степени это объясняется тем, что объем уже накопившихся и постоянно пополняющихся источников (прежде всего, конечно, клинописных документов, но также и памятников

материальной культуры) непомерно велик. Специалисты не в состоянии обработать и осмыслить весь имеющийся материал, и огромное количество неизданных памятников оседает в музеях в ожидании будущих исследователей. Изредка появляются публикации, касающиеся истории изучения отдельных проблем ассириологии [Jones, 1969] и работы обобщающего характера [Postgate, 1996; Bauer, Englund, Krebernik, 1998; Sallaberger, Westenholz, 1999].

В отечественной науке было опубликовано несколько историографических обзоров по истории древнего Востока, касающихся, в том числе, и изучения ранней истории Месопотамии. Прежде всего, это серьезная монография Н.М. Постовской, в которой детально разобран и описан процесс изучения истории древнего Востока, в том числе и истории древней Месопотамии, в СССР в период с 1917 по 1959 гг. В книге дается подробный анализ всех наиболее значительных отечественных публикаций по всем аспектам истории древней Месопотамии: политической, социально-экономической, истории культуры и идеологии, в ней рассматриваются также отдельные филологические работы, так как в данной области знаний филология неразрывно связана с историческими исследованиями [Постовская, 1961].

Краткий, но очень информативный очерк истории ассириологии и историографии истории древней Месопотамии, в том числе и самого раннего периода, опубликован И.М. Дьяконовым в разделе библиографии в первом томе «Истории древнего Востока» [Дьяконов, 1983]. Во введении к первому тому «Истории древнего мира» им же рассмотрены дискуссионные проблемы общественного развития в период древности, которые дебатировались в отечественной науке 50–70-х гг. XX в. главным образом на материале ранней истории Месопотамии [Дьяконов, 1989]. Существуют также два подробных библиографических указателя, в которых перечислены почти все работы отечественных исследователей, посвященные изучению древнего Востока [Работы, 1984; 1986].

В предлагаемом читателю кратком очерке историографии автор, ввиду огромного количества и объема существующих публикаций, предполагает уделить основное внимание обзору мало известных отечественному читателю зарубежных исследований по проблемам политической и социально-экономической истории ранней Месопотамии (V тыс. — середина II тыс. до н.э.). Поскольку историография отечественной науки относительно хорошо

разработана, автор считает возможным не останавливаться подробно на анализе работ отечественных исследователей, отсылая интересующихся этим вопросом читателей к вышеупомянутым публикациям.

§ 1. Хронология и периодизация

О проблемах хронологии древней Месопотамии подробно рассказано И.М. Дьяконовым во введении к монографии Э. Бикермана, посвященной вопросам хронологии древнего мира [Дьяконов, 1975].

Разделение истории древнего мира на три этапа, первый из которых (с древнейших времен и до середины II тыс. до н.э.) можно условно назвать периодом ранней древности, предложено И.М. Дьяконовым во введении к первому тому «Истории древнего мира» [Дьяконов, 1989]. Н. Постгейт, автор самой интересной и популярной в настоящее время работы по истории ранней Месопотамии, помещает период, который он называет «Early Mesopotamia», примерно в те же временные рамки: с V тыс. до середины II тыс. до н.э. [Postgate, 1996].

Хронология Протописьменного и предшествующих периодов основана на данных археологии. Начиная примерно с 3000 г. до н.э. и далее появляется возможность приблизительно устанавливать датировки для Месопотамии не только на основании исследования памятников материальной культуры, но и используя такие исторические источники, как Шумерский царский список, строительные надписи, исторические синхронизмы, списки датировочных формул (система датировки, при которой каждый год получает свое особое название, датировочную формулу, существовала в Месопотамии со времени Саргона Аккадского и до конца I вавилонской династии) и т.п. Все установленные таким образом датировки, безусловно, являются относительными.

Точкой отсчета для установления хронологии древней Передней Азии, в том числе и ранней истории Месопотамии, начиная с середины II тыс. до н.э. и далее вглубь веков является запись астрономического наблюдения над восходом планеты Венеры по отношению к восходу Солнца времени вавилонского царя Аммицадуки. Эти наблюдения оказалось возможным привязать к астрономической дате, но не одной, а целой серии такого рода

дат с возможной ошибкой около 64 лет в ту или другую сторону. В настоящее время большинство исследователей придерживается так называемой «средней хронологии», предложенной Сидни Смитом (в отечественной науке такую хронологию предложил В.В. Струве). В соответствии со «средней хронологией» восхождение Хаммурапи на престол датируется 1792 г., а разрушение Вавилона хеттами 1595 г. [Smith, 1940]. От условной средней даты правления Хаммурапи (1792–1750) исторические события отсчитываются в ту или другую сторону. В настоящей работе все датировки даются по Н. Постгейту [Postgate, 1996].

В хронологии ранней истории Месопотамии существуют два исторических пробела неизвестной продолжительности: время между падением династии Аккада и возвышением Ура и промежуток времени между первым разрушением Вавилона и окончательным утверждением касситской династии.

Периодизация истории Месопотамии интересующего нас временного отрезка, также как и ее точная хронология, представляет собой сложную и до конца не решенную проблему. В таблице приведены основные варианты периодизации и хронологии этого периода, предлагаемые разными исследователями:

{Дьяконов, 1983}	{Postgate, 1996}
Убейд: последняя треть V тыс. — первая половина IV тыс. до н.э.	Халаф-Убейд 5000–4000 Протописьменный период 4000– 3000 до н.э.:
Протописьменный (ПП) период 3000–2750 до н.э.:	Урук 4000–3200 до н.э. Джемдет-Наср 3200–3000 до н.э. Досаргоновский период 3000–2350 до н.э.:
ПП I (Урук V–IVb) 3000–2850 до н.э.	РД I 3000–2750 до н.э.
ПП II (Урук III/II = Джемдет- Наср) 2850–2750 до н.э.	
Раннединастический (РД) период 2750–2315 до н.э.:	РД II 2750–2600 до н.э.
РД I 2750–2615 до н.э.	
РД II 2615–2500 до н.э.	РД III 2600–2350 до н.э.
РД III 2500–2315 до н.э.	

Первые деспотии в Двуречье:

Династия Аккада 2316–2150 до н.э.?

Династия Аккада 2350–2150 до н.э.

(Кутии)

III династия Ура 2112–2003 до н.э.

III династия Ура 2150–2000 до н.э.

(Амореи)

Старовавилонский период 2000–1600 до н.э.:

I династия Исина 2017–1794 до н.э.

Династии Исин–Ларса 2000–1800 до н.э.

Старовавилонский период 2004–1595 до н.э.

I династия Вавилона 1800–1600 до н.э.

(Касситы)

Периодизация самого раннего отрезка ранней истории Месопотамии (до династии Аккада) основана, главным образом на археологических данных. Периоды Урук и Джемдет-Наср и отдельные этапы Раннединастического периода различаются между собой на основании изменений, которые удалось проследить в археологических ансамблях каждого из этих периодов. Достаточно ли важны эти изменения с исторической точки зрения, чтобы стать основой для периодизации, остается неясным. Более того, сомнению подвергается и основательность археологических данных, использованных для периодизации. Некоторые исследователи сомневаются и в самом факте отдельного существования периода Джемдет-Наср и РД III [Mieroop, 1997].

Принятая система периодизации ранней истории Месопотамии остается весьма относительной и во многом зависит от качества и количества археологических находок. Свой собственный отдельный период в этой системе получает династия, правление которой отмечено находками многочисленных и разнообразных документальных архивов. Так, в отдельный период выделено время правления III династии Ура, которое составляет немногим более ста лет, но от которого дошло до нас огромное количество документов. В то же время, целый ряд последовательных династий, от которых дошло до наших дней очень мало текстов, включаются в один общий период, что может быть не совсем правомерно.

§ 2. Географические названия

В истории древней Месопотамии фигурирует огромное количество топонимов. Не всегда исследователи используют их последовательно. В некоторых случаях нам известно и древнее и современное название географического пункта, и в одной и той же работе он может упоминаться под разными названиями, древним и новым. В других случаях известен только древний топоним, но он не локализуется (Аккад), либо только современный топоним, так как мы не знаем, как этот пункт назывался в древности (Абу-Салабих). Представляется поэтому необходимым привести список основных древних топонимов и их современных соответствий, фигурирующих в ранней истории Месопотамии в тех вариантах, которые известны в настоящее время [Postgate, 1996: 27]:

Древние города	Современные городища
Аваль	Тель-ас-Сулейме
Адаб	Тель-Бисмайя
Бад-Тибира	Тель-аль-Мада'ин
Борсиппа	Бирс-Нимруд
Гирсу	Телло
Дер	Тель-Акар
Дильбат	Тель-Длехем
Забала	Тель-Ибзейх
Иду или Туттуль	Хит
Кеш (?)	Тель-аль-Вилайя
Кисига (?)	Тель-аль-Лахм
Кисурра	Абу-Хатаб
Киш	Тель-Ингарра + Тель-Ухаймир
Куталла	Тель-Сыфр
Куту	Тель-Ибрахим
Лагаш	Аль-Хиба
Ларса	Сенкере
Марад	Ваннат-эс-Са'дун
Машкан-Шапир	Тель-Абу-Дувари
Ме-Туран	Тель-Хаддад
Нерибтум	Ишчали
Ниппур	Нуффар
Пузриш-Даган	Тель-Дрехем

Сиппар	Абу-Хабба + Телль-эд-Дер
Сирара	Зургул
Суза	Шуш
Тутуб	Хафадже
Умма	Телль-Джох
Ур	Телль-аль-Мукайяр
Урук	Варка
Шадуппум	Телль-Хармал
Шуруппак	Телль-Фара
Эреш (?)	Абу-Салабих
Эриду	Абу-Шахрейн
Эшнунна	Телль-Асмар

Иногда возникает путаница из-за смешения географических названий и названий политических структур. Вавилония как политическая структура появилась только во II тыс. до н.э., а Вавилония как географическое название в исторических работах обозначает территорию Южной Месопотамии, т.е. район Двуречья к югу от Багдада. Эта территория, в свою очередь, делится на Южную Вавилонию (Шумер) и Северную Вавилонию (Аккад). Условная граница между ними проходит немного севернее Ниппура, как раз на этой границе располагался древний город, современное название которого Абу-Салабих.

В последние века III тыс. до н.э. южная равнина Месопотамии, судя по свидетельствам письменных источников, называлась «Шумер и Аккад». Эти слова в аккадском контексте (*māt Šumeri u Akkadī*) соответствовали в шумерском контексте словам **ki-en-gi** и **ki-uri**. Тот факт, что в разных языках эти понятия выражены разными словами, говорит о сложности ситуации, которая подробно обсуждена у Крауса [Kraus, 1970]. Можно предположить, что слово Шумер относилось к южной половине месопотамской равнины, а слово Аккад — к северной, так что «разделительная полоса» проходила по городу Ниппуру [Wilcke, 1973]. Есть и такое предположение: словом **ki-en-gi** вначале обозначали окрестности города Ниппура, располагавшегося в центре Южной Месопотамии (Römer, 1999: 9).

Слово **ki-en-gi** трактуется по-разному: «земля князя» (< ***ki-egi** [Römer, 1999]), «земля шумерского языка» (< ***ki-eme-gi(r)** [Postgate, 1994: 4]). Однако единое мнение по этому поводу пока не

выработано. Значение слов **ki-urî** исследователи также затрудняются объяснить. После Раннединастического периода это словосочетание стало отождествляться с названием города, языка или династии Аккада и обычно переводится как «Аккад» или «земля Аккада».

§ 3. Историография истории Месопотамии V–IV тыс. до н.э.

В отечественной литературе история Месопотамии V–IV тыс. до н.э. подробно описана И.М. Дьяконовым в его общих работах по истории древней Месопотамии [Дьяконов, 1983], исследованию этого периода посвящена монография Е.В. Антоновой «Месопотамия на пути к первым государствам» [Антонова, 1998], значительное место уделено этому периоду в публикациях отечественных археологов Н.О. Бадера, Н.Я. Мерперта и Р.М. Мунчаева, которые в течение 14 сезонов вели раскопки в Синджарской долине на северо-западе Ирака, исследуя группу памятников VIII–IV тыс. до н.э. [Бадер, 1989; Мунчаев, Мерперт, 1981].

Период Убейд: основные направления изучения. Считается, что убейдская культура — непосредственная предшественница шумерской. Первые серьезные исследования самого раннего периода истории (предыстории) Месопотамии связаны с раскопками на холме Эль-Убейд, расположенном в семи километрах от древнего города Ура. В 1918–1934 гг. здесь работала совместная англо-американская археологическая экспедиция во главе с сэром Леонардом Вулли [Woolley, 1924; 1956]. Здесь в самых глубоких слоях были найдены памятники неизвестной до этого археологической культуры, в том числе своеобразная цветная керамика. Эта культура получила название Убейд по названию места раскопок, где впервые была обнаружена.

В 40-е годы XX в. раскопки убейдских поселений в Месопотамии вели С. Ллойд и Фуад Сафар [Lloyd, Safar, 1943; 1948], а в 60–70-е — Р. Адамс, Х. Ниссен [Adams, Nissen, 1972], Д. и Дж. Оутс [Oates, Oates, 1976], а также другие известные археологи, в том числе российские (см. выше). Основные центры убейдской культуры, раскопанные археологами в Месопотамии: Эль-Убейд, Ур, Урук, Эреду, Телль-Оуейли около Ларсы [Huot, 1971], Телль-Укайр на юге; Телль-ас-Саввана, Арпачия, Тепе-Гавра, Ниневия на севере. Подробное описание раскопок убейдских поселений в Месопотамии было опубликовано Дж. Оутс [Oytes, 1984].

Основные направления изучения Убейда связаны с характером сохранившихся источников — исключительно археологических. Среди них: изучение структуры поселений, развития храмовой и жилой архитектуры, изменений в области материальной культуры и технологии, особенностей погребальных обрядов, распространения убейдской культуры за пределами Месопотамии («экспансия Убейда»). Много публикаций посвящено также вопросу о том, кто населял Южную Месопотамию в период Убейд.

На основании многочисленных археологических свидетельств время раннего Убейда — около 5000 г. до н.э. — считается временем появления первых земледельческих поселений на юге Месопотамии [Postgate, 1996: 3]. Археологический материал, полученный в ходе раскопок, позволил проследить весь процесс возникновения и развития поселений в убейдский период. Раскопки Эреду времени Убейда обнаружили четкую границу между самыми нижними слоями, где население добывало себе пропитание главным образом охотой и рыболовством, и последующими слоями, которые уже содержали сельскохозяйственные орудия [Safar, 1981].

Большое значение в изучении поселений убейдского периода имели работы Р. Адамса. Исследования, проведенные этим выдающимся археологом, показали, что в убейдский период значительно вырос уровень дифференциации между поселениями: 10–15 крошечных поселений, до 1 га площадью, приходилось на несколько крупных площадью 10 га и более. Поселения располагались в основном вдоль рек и притоков, но уже и вдоль небольших, не более 5 км в длину, каналов [Adams, Nissen, 1972].

Зарождающаяся иерархия убейдских поселений сопровождалась дифференциацией в размерах отдельных домов и появлением следов очень скромного возрастания богатств в отдельных хозяйствах. Внутри самых больших по площади домов археологи нашли печати, оттиски печатей и так называемые «прототаблички». По мнению М. Ротман, анализ печатей и оттисков печатей убейдского периода, которые были найдены археологами в «частных» домах Тепе-Гавра, показал, что они применялись для контроля в домашнем ремесленном производстве [Rothman, 1994]. Таким образом, по мнению исследователя, начало потери социального единообразия в убейдский период становится все более явным.

Большое внимание вопросу о политическом и социальном устройстве общества Убейда уделено в работах К. Ламберга-

Карловски. Поскольку прямые данные, освещающие эти проблемы, отсутствуют, все предположения исследователя по этому поводу строятся на основании изучения археологических свидетельств. При раскопках убейдских слоев, как отмечает автор, уже с самого начала периода можно обнаружить следы возникновения и развития новых общественных и хозяйственных институтов. Это выражается в появлении все возрастающих по размеру складов и хранилищ, общественных зданий, значительном росте плотности населения [Lamberg-Karlovsky, 1996].

Важным направлением исследования убейдской культуры было изучение храмов и храмовой архитектуры. Во многих убейдских поселениях севера и юга Месопотамии были найдены большие постройки площадью до 200 кв. м, которые могли быть храмами [Roaf, 1995: 427]. Исключительно интересными оказались раскопки в Эреду, который в более поздний период известен как культовый центр бога мудрости Энки. Найденное здесь небольшое прямоугольное строение (24×12 м), стоявшее на искусственной террасе, несомненно, было храмом. Археологи, датировавшие это сооружение самым концом убейдского периода, обнаружили, что оно было лишь одним звеном в длинной цепи построек, планы которых им удалось проследить на 18 горизонтах обитания, вплоть до примитивной «часовенки», стоявшей на песчаной дюне [Ллойд, 1984: 44]. Храм продолжил свое существование и в последующий период Урук (см. ниже). Сооружения, очень похожие на храм в Эреду, были найдены также при раскопках убейдских слоев в поселениях Телль-Укайр и Тепе-Гавра.

Одной из отличительных особенностей убейдской культуры, как будто «выпадающей» из общей линии развития, считается вытянутое положение погребенных. В предшествующие ей и следующие за убейдской культурой периоды покойных укладывали в погребение в скорченной позе. И.М. Дьяконов высказал предположение, что изменение погребальных обрядов могло быть связано с приходом нового населения (подробнее о гипотезах относительно населения Убейд и шумерах см. ниже). Пришельцы, по его мнению, смешались с аборигенами, которые усвоили некоторые принесенные ими культурные традиции, в том числе и погребальный обряд [Дьяконов, 1983: 87]. По мнению археолога Дж. Оутс, много лет проработавшей на раскопках в Месопотамии, изменения погребального обряда в период Убейд могли быть результатом

незначительных колебаний в представлениях о загробной жизни [Oates, 1984].

Одним из самых удивительных и пока непонятных проявлений убейдской культуры является, по мнению многих исследователей, ее «экспансия» на другие территории. К концу своего существования она распространилась далеко за пределы Южной Месопотамии. Отдельные памятники убейдской культуры найдены в Северной Сирии, в Малой Азии, Иране, на западном берегу Персидского залива, острове Бахрейн, в Саудовской Аравии. Археологи затрудняются пока объяснить причину того, что убейдские памятники, прежде всего керамика, встречаются на столь обширной территории [Burkholder, 1971; 1972].

Это явление пока недостаточно исследовано. К. Ламберг-Карловски считает, что в период раннего Убеида мирная экспансия с юга Месопотамии направлялась на юг (западное побережье Персидского залива и далее на запад в глубь территории), на север (в Северную Месопотамию) и на северо-запад (в Юго-Восточную Анатолию). «Экспансия Убеида» была явлением типологически сходным с более поздней «экспансией Урука» (см. ниже). Такого рода феномены в архаических обществах являются, по мнению К. Ламберг-Карловски, показателем развития в направлении государственности [Lamberg-Karlovsky, 1996].

Многое в истории Месопотамии периода Убеид остается пока неясным и непонятным, тем не менее, совершенно очевидно, что именно активное развитие убейдской культуры в значительной степени подготовило почву для становления шумерской цивилизации.

Какая этническая группа населяла Месопотамию в этот период и на каком языке говорили люди, принимавшие участие в сооружении первых общественных зданий (храмов) в период Убеид, нам неизвестно. Этот вопрос вызвал самые разные предположения, однако до сих пор он остается открытым, поскольку данные археологии не дают достаточных оснований для его решения.

Вопрос о характере убейдского населения тесно связан с «шумерской проблемой» (см. одноименный раздел): ответом на вопрос, когда и откуда на юг Месопотамии пришли шумеры.

Период Урук: основные направления изучения. Самые важные этапы трансформации раннего земледельческого общества в первую городскую цивилизацию мира приходится, вероятно, на период

Урук, который последовал за периодом Убейд. Именно в это время в Южной Месопотамии интенсивно развивается сельскохозяйственное производство, основанное на ирригации, появляются города с монументальной архитектурой, развивается искусство украшения монументальных сооружений, специализация и стандартизация ремесленной продукции, возникает письменность, вероятно расширяются торговые горизонты.

Урбанизм. Бесчисленные холмы, разбросанные по территории современного Ирака и Северной Сирии, скрывают останки многочисленных крупных и мелких городов, некогда существовавших здесь сотни и тысячи лет. Месопотамия была не только самой древней городской цивилизацией, но и самым урбанизированным обществом древности. Любое изучение урбанизма и его роли в мировой истории невозможно без привлечения материалов Месопотамии. Совершенно уникальным является тот факт, что археологические и письменные памятники из Месопотамии, которыми располагают исследователи, отражают процесс существования городов на протяжении трех тысячелетий.

Исследователи неоднократно задавались вопросом, почему города впервые возникли именно в Месопотамии, причем в ее южной части, Вавилонии, и каким образом это произошло. Поскольку этот процесс происходил в Протописьменный период, то единственным источником информации на этот счет могут быть данные археологии, которые позволяют проследить, как небольшие сельские поселения, возникшие на юге Вавилонии около 5000 г. до н.э., постепенно к 3500 г. до н.э. превратились в первые города. Урбанизация происходила на территории, явно неподходящей для постоянного обитания: естественных осадков здесь было очень мало, и земледелие было невозможно без искусственного орошения.

Огромное значение для изучения истории периода Урук и, прежде всего, истории урбанизма в IV тыс. до н.э. имели работы Р. Адамса и Х. Ниссена, которые в 60–70-е гг. XX в. вели археологические исследования в районе древнего Урука и его окрестностей. По предложенной ими типологии в период Урук на территории Южной Месопотамии существовали четыре типа поселений, различавшиеся по занимаемой ими площади: деревни (0,1–6 га), небольшие города (6–25 га), мелкие и крупные городские центры (50 га и больше). Археологические изыскания позволили

проследить, как постепенно менялось количество поселений и их размеры: число маленьких и очень маленьких поселений уменьшалось и одновременно росло число крупных и очень крупных поселений, которые уже можно считать городами. К середине IV тыс. таких городов на территории Южной Месопотамии было, вероятно, несколько десятков [Adams, Nissen, 1972].

Исследование системы урукских поселений позволило проследить передвижение населения на территории Южной Месопотамии в течение периода Урук. По мнению Р. Адамса, население, проживавшее в середине периода Урук на севере аллювия вокруг Ниппура и Адаба в конце периода стало переселяться на юг, осваивая территорию вокруг Урука. Используя условную цифру плотности населения 125 человек на 1 населенный гектар, Р. Адамс подсчитал, что с середины и до конца периода население севера аллювия уменьшилось с 38,5 до 21,3 тыс. чел., а население юга соответственно возросло с 20 до 41 тыс. чел. [Adams, 1981].

Рассматривая процесс эволюции городского общества, Р. Адамс выдвинул гипотезу, что возникновение городов было результатом процесса, который состоял из трех основных стадий [Adams, 1966]. Первой было появление специализации в производстве пищи. Хозяйства, ранее снабжавшие себя всеми продуктами, стали специализироваться на производстве определенного вида пищи, либо рыбы, либо продуктов животноводства, либо зерна, и, соответственно, стали заниматься одним видом деятельности: рыболовством, разведением скота или земледелием. Такая специализация потребовала создания центральных институтов, которые играли роль посредника между хозяйствами в обмене и распределении продуктов.

Второй важной стадией, по Р. Адамсу, была замена родственных кланов социально-экономическими группами. И, наконец, третьей стадией была секуляризация власти, когда контроль над экономикой перешел из рук храмов в руки военной элиты.

Мнение о том, что толчком для начала процесса урбанизации в Южной Месопотамии явились экологические факторы, разделяют и другие исследователи. Как считает М. Мироп, территория Вавилонии была заселена задолго до того, как возникло ирригационное земледелие. Здесь было много природных ресурсов, которые, несомненно, использовались населением: пастбища для скота в долинах рек, огромное количество рыб и диких животных

в болотистых поймах. Когда уровень технологии возрос настолько, что стало возможным ирригационное земледелие, оно, как считает М. Мироп, не заменило собой разведение скота, рыболовство и охоту и не вытеснило их. Одни группы населения Южной Месопотамии перешли к занятиям земледелием, а другие продолжали заниматься традиционными видами деятельности и производить разные продукты питания. Необходимость поддерживать постоянный обмен продуктами между группами привела, вероятно, к появлению специальных структур, которые стали быстро развиваться. Именно эти структуры стали фундаментом будущих городов. Особенности экологических условий Южной Месопотамии после двух тысяч лет развития привели к возникновению городов, которые уже в середине IV тыс. до н.э. стали главной экономической и политической силой на этой территории, и, никогда не исчезая, сохранили свое значение до конца истории месопотамской цивилизации [Mieroop, 1995].

Возникшие города были не только центрами экономического обмена, в их рамках постепенно развивалась политическая и военная власть и идеология. В плане экономики исключительно важной была роль городов как распределительных центров. Именно города были средоточием главных административных структур государства, здесь были сосредоточены важнейшие храмовые и дворцовые учреждения. Из состава городского населения в случае необходимости набиралось ополчение.

Население города, по мнению ряда исследователей, состояло из нескольких, теоретически равных по своим правам групп горожан, каждая из которых была представлена на высшем уровне управления чиновником, назначенным из ее числа царем, или избранным самими членами группы. Каждый житель города входил в состав какой-либо из этих групп. Голос отдельного индивидуума не имел никакого значения, поскольку администрация в вопросах сбора налогов, призыва на общественные работы и воинскую службу имела дело, по-видимому, только с представителями отдельных групп [Mieroop, 1995; Stone, 1999].

Отношения власти и горожан были, вероятно, разными в различных регионах и в различные периоды истории. По мнению Т. Якобсена, основная линия развития шла от большей свободы в ранний период к усилению тоталитаризма, по мере того как политические объединения на территории Месопотамии возрастали

в размерах. Кульминацией этого процесса исследователь считал чудовищные по масштабам империи Ассирии и Вавилонии I тыс. до н.э. [Jacobsen, 1957].

Другие исследователи придерживаются противоположного мнения: по мере того как территории, находившиеся под властью месопотамских царей, возрастали, и увеличивалось население, роль горожан и проблема их взаимоотношений с царями становилась для государства все более важной [Mieroop, 1995].

Городские печати. Экспедицией Л. Вулли, работавшей в Уре в 20–30-е годы XX в., в слоях, датированных временем РД I или РД II, были найдены оттиски печатей, оставленные на комьях глины, закрывавших горлышки сосудов или скреплявших веревки, которыми связывали тюки. На печатях были вырезаны пиктографические знаки, обозначающие названия городов.

Гораздо позднее при раскопках в Джемдет-Насре и Телль-Укайре было найдено несколько табличек (не меньше шести) с уникальными оттисками печатей, очень похожими на печати из Ура, но более раннего времени [Moorey, 1976]. На каждом из этих оттисков перечислены названия 10 городов. Несколько названий удалось отождествить. Это Урук, Ур, Ларса и Забалам, находившиеся в Южной Вавилонии, и Урум, располагавшийся в Северной Вавилонии. В отличие от более поздних печатей из Ура, в которых упоминаются только южные города, на печатях времени Урук III / Джемдет-Наср упоминается по крайней мере один северный город.

Полная публикация и исследование всех найденных печатей представлены в работе Р. Мэттьюса [Matthews, 1993]. Первый подробный разбор архаических печатей из Урука и Ура, их функций и значения для изучения истории периода был опубликован Х.Т. Райтом [Wright, 1969]. По мнению Х.Т. Райта, единственным объяснением существования такого рода печатей может быть предположение о том, что перечисленные на печати города имели какие-то общие экономические интересы и поддерживали некоторую экономическую кооперацию. Печати отражают существование определенной хозяйственной системы, которая связывала между собой главные хранилища городов, так что эта цепочка простиралась от одного края аллювия до другого [Wright, 1969].

Вероятно, эта система межгородской кооперации, преимущественно экономического характера, контролировала состояние общего фонда ресурсов, что подтверждает старую гипотезу

Т. Якобсена о существовании в самый ранний исторический период союза шумерских городов [Jacobsen, 1957].

Происхождение этой системы относится, по-видимому, к периоду значительно более древнему, чем самые первые известные нам оттиски архаических печатей. П. Штайнкеллер датирует ее возникновение серединой периода Урук и предполагает, что именно эта система организовывала и координировала «урукскую экспансию» [Steinkeller, 1993: 115].

Экспансия Урука. Важным прорывом в изучении ранней истории древнего Ближнего Востока и роли в ней Шумера явились археологические открытия 70-х годов XX в. в Северной Сирии, которые заставили переосмыслить и целый ряд синхронных археологических материалов из других районов Ближнего Востока. Оказалось, что во многих местах Северной Сирии, Северной Месопотамии, Юго-Западного Ирана во второй половине IV тыс. до н.э. появились новые поселения, по своему археологическому ансамблю полностью повторявшие материалы того же времени из Шумера (культура Урук). Некоторые исследователи даже называли эти поселения шумерскими колониями. Этот «шумерообразный» ансамбль исчезает на периферии Шумера достаточно внезапно к концу IV тыс. до н.э., когда в самом Шумере уже была создана письменность, и шумерский урбанизм достиг своего расцвета. Это важнейшее открытие внесло радикальные изменения в наше понимание исторических процессов, происходивших в IV тыс. до н.э. на территории Северной Сирии и Северной Месопотамии, и тех контактов, которые существовали в этот период между этими регионами и Шумером.

Тщательное изучение археологических данных показало, что, начиная примерно с 3300 г. до н.э. в течение 100–200 лет тысячи людей эмигрировали из Южной Месопотамии в отдаленные регионы Ирана, Северной Сирии и Анатолии. Основанные ими на новых землях поселения (колонии, как называют их некоторые исследователи) были во всех своих аспектах буквально зеркальным отражением тех поселений в Южной Месопотамии, которые колонисты оставили у себя дома.

За какие-нибудь сто лет с 3300 г. до н.э. несколько городов на периферии Месопотамии в различных культурных зонах были заселены (колонизованы) шумерийцами. Хабуба-Кабира на Евфрате в Северной Сирии, Годин-тепе в горах Загроса на северо-западе

Ирана, Сузы в Юго-Восточном Иране содержат остатки материальной культуры, полностью идентичной позднеурукской культуре Шумера. Однако спустя сто или двести лет все эти колонии были покинуты.

Археологи объясняют этот феномен следующим образом: новопоселенцы должны были контролировать торговые пути и добывать природные ресурсы, которые отсутствовали в Месопотамии. Другими словами, экспансия шумерского центра была направлена на экономическую эксплуатацию и колонизацию периферии. Наиболее полное исследование «урукской экспансии» принадлежит Ж. Альгазе, собравшему в своей работе весь имеющийся материал на эту тему. По мнению автора, общество Урука вынуждено было расширять свою территорию из-за отсутствия натуральных ресурсов и вследствие роста экономики. Экспансия привела к созданию на периферии Месопотамии чего-то вроде «неформальной империи» или «мировой системы», которая была основана на неэквивалентном обмене и иерархически организованном международном разделении труда. Деятельность этой системы направлялась и контролировалась центром [Algaze, 1989; 1993].

Один из ведущих специалистов в области древневосточной археологии К. Ламберг-Карловски не согласен с таким объяснением [Lamberg-Karlovsky, 1996]. Он приводит следующие аргументы: 1) нет никаких археологических свидетельств того, что в «колониях» использовали местные ресурсы для широкомасштабного производства, хранения или распределения продукции, предназначенной для Южной Месопотамии; 2) нет данных о резком возрастании в этот период в Южной Месопотамии привозных материалов или предметов из них в период «урукской экспансии»; 3) нет свидетельств о каких-либо конфликтах между «колонистами» и местным населением; 4) поселения «колонистов» были экономически самодостаточными и не требовали поддержки центра.

По мнению К. Ламберг-Карловски, «территориальная экспансия и создание колоний на отдаленных от центра территориях — это характерная черта в процессе создания государственности», и такого рода феномен сопровождал переход к государственности многих архаических обществ [Lamberg-Karlovsky, 1996: 93].

По мнению П. Штайнкеллера, причиной «урукской экспансии» не являлась нужда в ресурсах [Steinkeller, 1993]. Это было чисто коммерческое предприятие, которое П. Штайнкеллер сравнивает

с ассирийскими колониями в Северной Сирии и Анатолии II тыс. до н.э. Доказательством этого, по его мнению, является существование «городских печатей», найденных на документах Урук III / Джемдет-Наср (см. выше).

«Урукская экспансия» просуществовала 100–200 лет, закончившись довольно внезапно, не позже чем в период Урук IV. Причины ее окончания объясняют по-разному. По мнению Ж. Альгазе, главной причиной конца экспансии был рост местных политических структур на периферии, затронутой «урукской экспансией». П. Штайнкеллер предлагает другое объяснение: конец «урукской экспансии», скорее всего, был связан с массовым продвижением в Сирию и Верхнюю Месопотамию семитских народов. Один из этих народов, вероятно, предки аккадцев, мигрировал в район Диялы и Северную Вавилонию, постепенно оседая здесь и усваивая городской образ жизни. Гипотеза П. Штайнкеллера хорошо объясняет причину прекращения «урукской экспансии». Это объясняет и конец шумерского пребывания на территориях к северу от Ниппура, что как будто отражено в исчезновении с шумерских городских печатей названий северных городов, которые были на них в предшествующий период (см. выше).

Продвижение нового населения на территорию Сирии и Верхней Месопотамии, которое началось уже в период Урук IV, явилось вполне основательной причиной не только сокращения, но и полного прекращения деятельности урукских анклавов на периферии, особенно если считать, что это было коммерческое предприятие.

Хозяйственная, социальная и политическая сферы. Важнейшие нововведения периода Урук — города с мощными стенами, монументальная архитектура храмов, оросительные системы, возникновение письменности — безусловно, отражают изменения, происходившие в хозяйственной и социальной сфере и предполагают существование централизованного контроля над трудовыми и материальными ресурсами общин.

И. Ренгер, изучивший свидетельства архаических текстов и данные археологии, пришел к выводу, что они указывают на существование уже в этот период в Южной Месопотамии крупных административных хозяйств. Их масштабная деятельность отражена в многочисленных административных документах из Урука и Джемдет-Насра (древнее название неизвестно), т.е. охватывает

и юг, и север Южной Месопотамии. Несколько документов, касающихся организации полевых работ, упоминают площади полей, которыми располагали эти крупные хозяйства. В одном документе из Урука общая площадь полей составляет 952 га, в другом документе из Джемдет-Насра — 2120 га [Renger, 1995].

По мнению П. Штайнкеллера, в Южной Месопотамии в это время существовала система независимых городов-государств, возникших вокруг храмовых хозяйств, с полукolleктивным способом владения и производства, со слабой, явно теократической системой власти [Steinkeller, 1993]. Важным доказательством в пользу такого понимания социально-экономической структуры Урука исследователь считает наличие «городских печатей».

Большое значение для понимания характера общественного устройства Урука имели исследования урукской керамики. С начала периода позднего Урука, помимо обычной керамики (черных и красных обожженных сосудов) появляется много сосудов своеобразной формы со скошенными краями, которые археологи называли *beveled-rim bowls*. Первым обратил внимание на них Х. Ниссен [Nissen, 1970]. Эти сосуды в огромном количестве изготавливались вручную с помощью специальной формы. В некоторых местах такого рода сосуды составляют три четверти всей найденной керамики. Форма этих стандартных сосудов, вероятно, послужила прототипом для знака **GAR**, обозначавшего меру емкости, примерно около 1 л [Edzard, 1974].

По мнению Х. Ниссена, массовое производство сосудов стандартной формы, емкость которых соответствовала объему ежедневного зернового рациона работника, свидетельствует о существовании распределительных элементов в экономике Урука [Nissen, 1988: 83—85]. Вероятно, это самый ранний пример функционирования системы, которая впоследствии существовала в Южной Месопотамии на протяжении многих веков: системы административного обеспечения части населения выдачами натуральных продуктов или распределительной системы.

Предписанные системы передачи и хранения информации по Д. Шмандт-Бессерат. Небольшие глиняные, реже каменные, значки-фишки (tokens) геометрической формы, «простые токены» (plain tokens), появляются на Ближнем Востоке уже в слоях, датированных VIII тыс. до н.э. По мнению Д. Шмандт-Бессерат, которая много десятилетий занимается исследованиями в этой области, их

появление было связано с переходом населения этой территории к оседлому земледелию и скотоводству, тем более, что и район распространения токенов совпадает с районом domestikации растений и животных [Schmandt-Besserat, 1982]. Появление запасов сельскохозяйственной продукции, складов для их хранения, по-видимому, потребовало и создания системы учета.

Система использования токенов при хозяйственных подсчетах или передаче продуктов из одних рук в другие существовала на Ближнем Востоке с VIII по IV тыс. до н.э. без особых изменений, так как не происходило кардинальных изменений в экономике. При этом использовались, главным образом, «простые токены».

Около 3300 г. до н.э., когда в Южной Месопотамии стали появляться города, резко возросли потребности учета [Schmandt-Besserat, 1986; 1992]. Появляются более сложные варианты токенов (complex tokens). Глиняные фишки либо просверливали насквозь, вероятно, чтобы надеть на веревку, либо на их поверхность наносили разное число насечек, иногда оба способа применяли одновременно. Помимо простых геометрических форм: круга, прямоугольника, треугольника, появляются complex tokens в форме параболы, ромба.

Каждый токен выражал определенное числовое и качественное значение, а все вместе они составляли определенную систему учета. Если «простые токены» использовались для обозначения основных продуктов хозяйства — мер зерна или количества животных, то «сложные токены» использовали для обозначения предметов, изготовленных руками человека: количества хлебов, сосудов масла, рулонов тканей [Schmandt-Besserat, 1990]. Таким образом с помощью системы токенов конкретная информация переводилась в абстрактный знак и ее понимание не требовало знания языка.

И «простые», и «сложные» токены постепенно вышли из употребления с появлением письменных документов (о связи токенов со знаками протоклинописи см. ниже в разделе «Предпосылки появления письменности. Теория Д. Шмандт-Бессерат»).

Шумерская проблема. Шумерская проблема, т.е. вопрос о происхождении (прародине) шумеров и их языковой и этнической принадлежности, явилась предметом многочисленных и ожесточенных дискуссий, выявивших явный конфликт между рассуждениями филологов и выводами археологов. В 1969 г. Т. Джонс издал сборник, в который включил наиболее интересные и важные

публикации по шумерской проблеме, существовавшие к тому времени [Jones, 1969].

Сама проблема возникла из-за неопределенности того исходного момента, с которого обитателей Южной Месопотамии можно именовать шумерами. Филологи чаще всего разделяют мнение об иммиграции шумеров в Месопотамию в период Урук ([Гельб, 1982; Landsberger, 1974]; ср. ниже «Письменность и язык. Шумерский вопрос»). Их аргументы основаны на предполагаемых следах более ранних, чем шумерский, языков, которые как будто отражены в ряде топонимов, а также в лексике, которая дошла до нас в клинописных текстах.

Однако эта гипотеза была воспринята неоднозначно. Археологи указывают на ненадежность исходной предпосылки и на отсутствие свидетельств того, что эти топонимы действительно употреблялись до изобретения письма. Кроме того, имеются неопровержимые доказательства культурной преемственности между убейдским и следующим за ним урукским периодами. Очень важным обстоятельством является также и то, что в самом Телль-эль-Убейде, Укайре и Эреду последовательность культур хронологически начинается с типично убейдских поселений.

Важнейшим примером последовательности и преемственности культурного развития на юге Месопотамии является доказанная археологами на основании изучения храма из Эреду преемственность между культурой Убейда и следующей за ней культурой Урук, относительно шумерского характера которой у большинства исследователей нет сомнений. Последовательное существование и функционирование в Эреду культового здания удалось проследить на протяжении более чем 10 археологических слоев с 5000 до 3000 г. до н.э., т.е. с начала периода Убейд до конца периода Урук [Heinrich, Seidl, 1982].

Таким образом, данные археологии делают гипотезу о смене автохтонного населения иноплеменными пришельцами маловероятной. Культурная преемственность, которая явно прослеживается в материальных памятниках, заставляет некоторых исследователей считать, что «шумерами были, по крайней мере, уже создатели убейдской культуры на юге Двуречья конца V — начала IV тыс. до н.э.» [Дьяконов, 1983: 93].

В любом случае, было ли шумерским население Убейда, или шумеры появляются в Южной Месопотамии только в период

Урук, вопрос о прародине убейдского или урукского населения остается открытым. Собственные предания шумеров указывают, как будто, на восточное или юго-восточное их происхождение. Отдельные особенности шумерской культуры дают некоторые основания предполагать, что шумеры пришли в Месопотамию откуда-то извне. Главными из этих особенностей считаются мореходное искусство и обычай строить высокие многоступенчатые храмы.

Попытки ответить на вопрос о прародине шумеров тесно связаны с вопросом о происхождении и родственных связях шумерского языка. Шумерский язык периодически сопоставляли почти со всеми известными языками, но ни одно из этих сопоставлений не было принято наукой. В публикации 1996 г. И.М. Дьяконов высказал мнение, что «прашумерский язык попал в Переднюю Азию до контактов с несемитскими афразийцами и, конечно, до ухода всей афразийской семьи в Африку — по одному из двух приемлемых в настоящее время сценариев истории этой языковой общности». Что касается места происхождения шумеров, то оно продолжает оставаться загадкой. Но несомненно, что прашумеры должны были когда-то жить вне контактов с языками, окружавшими их в историческое время [Дьяконов, 1996]. В следующем, 1997 г. журнал «Mother Tongue» в своем третьем номере отвел специальный раздел для публикаций, посвященных происхождению шумерского языка. И.М. Дьяконов передал в журнал свою статью о возможных связях между шумерским и одним из древних языков Индии — языком мунда [Diakonoff, 1997]. В двух других статьях, опубликованных в этом номере, шумерский язык сравнивается с ностратическим [Bomhard, 1997] и с языками дене-кавказской группы [Bengtson, 1997]. Тем не менее все теории о родственных связях шумерского языка по-прежнему остаются на уровне гипотез.

§ 4. Возникновение и развитие письменности в Месопотамии IV–III тыс. до н.э.

Изучение письменных памятников Месопотамии IV–III тыс. до н.э. История клинописной системы письма, охватывающая несколько тысячелетий, началась на юге Месопотамии, в одном из древнейших центров шумерской культуры, городе Уруке, около 3200 г. до н.э. Самые ранние письменные памятники происходят

с территории храма Инанны, богини-покровительницы Урука, называемом Эана, что в переводе с шумерского языка означает «Дом неба». Эти документы записаны на глиняных или каменных табличках письмом, которое принято называть «протоклинописным». В более позднем, собственно клинописном письме знаки представляют собой различные сочетания «клинышков» — клинообразных штрихов, оставляемых на глине тростниковой палочкой, — тогда как для протоклинописного письма характерна пиктографическая, т.е. рисуночная, форма знаков. К протоклинописным документам обычно применяют термин «архаические». До сих пор окончательно не решен вопрос о том, говорили ли авторы архаических текстов на шумерском языке, на котором написано большинство текстов III тыс. до н.э., или на одном из более древних языков, существовавших в Месопотамии еще до появления здесь шумеров.

История изучения ранних памятников письменности развивалась, однако, в обратном порядке: от собственно клинописных шумерских текстов к архаическим (подробно см. таблицу на с. 334—336). В 80-х гг. XIX в. французские археологи раскопали древний город Гирсу, расположенный к северо-востоку от Урука. В последующие два десятилетия там было найдено около 60 тыс. текстов в ходе регулярных раскопок, а также около 20 тыс. — нелегальными «археологами», хозяйничавшими на городище между сезонами. В основном это были хозяйственные документы и исторические (закладные и посвятельные) надписи на шумерском языке второй половины III тыс. до н.э. В 90-е гг. XIX в. появились первые издания новошумерских документов из Гирсу, а в начале XX в. — старошумерских. Эти открытия и публикации положили начало исследованию шумерской письменности и делопроизводства. В 1905—1907 гг. вышла книга Ф. Тюрю-Данжена — издание шумерских и аккадских царских надписей III тыс. до н.э., — имевшая колоссальное значение для изучения шумерского языка.

Первые годы XX столетия ознаменовали находки немецких археологов на городище Фара к северо-западу от Урука. За два сезона здесь были найдены сотни текстов, значение которых для изучения истории клинописи трудно переоценить. Помимо хозяйственных документов, существенную часть (около 25 %) среди них составляли так называемые «лексические списки» (тематические перечни знаков, обозначающих профессии и должности,

сосуды, металлические и деревянные предметы, млекопитающих, рыб, птиц, географические названия, богов и т.д.) и литературные тексты, которые их первый издатель А. Даймель опубликовал под общим названием «Школьные тексты из Фары». Публикации А. Даймеля в начале 20-х гг. XX в. включали более 200 хозяйственных и «школьных» текстов из Фары, а также список «архаических» знаков (LAK) к этим текстам, который наряду с составленным Ф. Тюр-Данженом еще в 1898 г. списком клинописных знаков III тыс. до н.э. (REC) до сих пор не утратил своей научной ценности. По археологическим данным тексты из Фары датируются Раннединастическим (РД) периодом IIIa (ок. 2600 г.); с точки зрения же истории письменности, их вместе с текстами, найденными более чем полвека спустя на городище Абу-Салабих, выделяют в отдельный период, называемый периодом Фары по месту первых находок. А. Даймель в 1922 г. высказал предположение, что тексты периода Фары по палеографии (форме знаков) на 100–200 лет старше царских надписей Ур-Нанше, первого правителя I династии Лагаша, т.е. самых ранних текстов старошумерского (РД IIIb) периода [Deimel, 1922: 4–5]; такого мнения в целом придерживается и современная наука [Krebernik, 1998: 259].

Архаические тексты конца IV тыс. впервые попали на глаза ученым почти одновременно с текстами из Фары. В начале XX в. несколько десятков текстов, позже датированных слоем Урук III, было найдено местными жителями на городище Джемдет-Наср в Северной Вавилонии и затем разными путями оказалось в Европе. В середине 20-х гг. С. Лэнгдон раскопал в Джемдет-Насре около 200 текстов того же периода и опубликовал их в 1928 г. Шумерская, как безоговорочно полагал сам автор публикации, письменность стала таким образом древнее на полтысячелетия [Langdon, 1928].

Подавляющее большинство архаических табличек происходит из Урука. С 1928 г. в Уруке регулярно (с перерывами на мировую войну и локальные военные конфликты) работает немецкая археологическая экспедиция. Первые массовые находки протоклинописных текстов были сделаны здесь в 1929–1931 гг. на территории храмового комплекса Эана, в слоях Урук IV–III. Следует отметить, что при датировке текстов палеографические критерии с самого начала преобладали над стратиграфическими, поскольку попытки связать найденные таблички с определенными археологическими

Дата	Период ¹	Основные архивы	Кол-во	Жанр ²	Раскопки ³
3200–3000	Архаический (слои Урук IV–III = конец периода Поздний Урук и период Джемдет-Наср)	Урук	5000	Адм., лекс.	С 1928 г. — Германия
		Джемдет-Наср	245	Адм.	Нелегальные раскопки в начале XX в.; середина 1920-х гг. — С. Лэнгдон
		Неизвестного происхождения	85	Адм.	Нелегальные раскопки
		Т. Укайр, Ларса(?), Т. Асмар и другие	80	Адм.	Нелегальные раскопки; Т. Укайр: 1940–1941 гг. — С. Ллойд и Ф. Сафар
3000–2750	Архаический (РД I)	Ур	410	Адм.	1920-е гг. — Британский музей и Пенсильванский университет: сэр Л. Вулли ⁵
2600–2500	Фара (РД IIIa)	Фара	2000	Адм., лекс., лит.	1900–1903 гг. — Германия; 1931 г. — Пенсильванский университет
		Абу-Салабих	500	Адм., лекс., лит.	1963–1965 гг. — университет Чикаго
2500–2350	Старошумерский (РД IIIb)	Гирсу	1800	Адм., надп.	С 1880-х до середины 1930-х гг. — Франция: Э. де Сарзек и другие; нелегальные раскопки ⁶
		Адаб, Ниппур, Умма и другие	650	Адм., надп.	Нелегальные раскопки; Ниппур: 1889–1890 гг. — Пенсильванский университет; с 1948 г. — Пенсильванский университет и университет Чикаго ⁸
		Эбла ⁹	около 20000	Адм., лекс., лит.	1974–1978 гг. — итальянская археологическая миссия в Сирии
2350–2150	Староаккадский (саргонский)	Гирсу, Ниппур, Умма и другие	более 5000	Адм., надп.	Нелегальные раскопки; см. также примеч. 6 и 8.
2150–2000	Новошумерский	Гирсу	около 80 000 (более 40 000 опубл.)	Адм., надп.	См. примеч. 6.
		Ниппур			См. примеч. 8.
		Пузриш-Даган			Только нелегальные раскопки (с 1909 г.)
		Умма			Только нелегальные раскопки (с 1911 г.)
		Ур			См. примеч. 5.

Коллекции	Публикации
Переднеазиатский музей, Берлин	[Falkenstein, 1936; Green, Nissen, 1987; Englund, Nissen, 1993; Englund, 1994]
Музей Ашмолеан, Оксфорд	[Langdon, 1928; переиздание: Englund, Grégoire, 1991]
Коллекция Эрленмайеров ⁴	[Nissen et al., 1990]; готовится переиздание П. Дамеровом и Р. Энглуном
Разные коллекции	[Englund, 1996]
Британский музей, Лондон; музей Пенсильванского университета	[Burrows, 1935]
Переднеазиатский музей, Берлин; коллекция Хильпрехта, Йена; Стамбульский музей; музей Пенсильванского университета	[Deimel, 1923; 1924; Jestin 1937; 1957] (см. также обзор: [Krebernik, 1998: 337–377])
Музей университета Чикаго	[Biggs, 1974; Biggs, Postgate, 1978]
Лувр, Париж; Британский музей, Лондон; Переднеазиатский музей, Берлин; Эрмитаж, Санкт-Петербург; разные коллекции	Адм.: [Thureau-Dangin, 1903; Никольский 1908 (переизд.: Selz 1989); Allotte de la Fuÿe 1908–1920; Genouillac 1909; Hussey 1912 (переизд.: Selz 1993); Förtsch 1916 (переизд.: Bauer 1972a)]; серия статей А. Даймеля в журнале «Orientalia» 1922–1931 гг.; [Marzahn, 1991; 1991a]; надп.: первая — [Thureau-Dangin, 1905/7]; ⁷ последняя — [Frayne, 2001] (ср. обзор: [Bauer, 1998: 567–569])
Музей Алеппо и другие музеи Сирийской Арабской Республики	Серии ARET и MEE ¹⁰
Разные коллекции	Адм.: см.: [Foster, 1982a, 1993]; ¹¹ надп.: [Frayne, 1993]
Британский музей, Лондон; Стамбульский музей; Лувр, Париж; Переднеазиатский музей, Берлин; Иракский музей, Багдад; музей Йельского университета; музей университета Чикаго; музей Пенсильванского университета; Эрмитаж, Санкт-Петербург; ГМИИ им. А. С. Пушкина, Москва; разные коллекции	Адм.: см.: [Sigrist, Gomi, 1991; Sallaberger, 1999: 351–370]; надп.: [Edzard, 1997; Frayne, 1997]

¹ В данном обзоре по истории письменности за основу взяты названия периодов, принятые при классификации письменных памятников: архаический период, период Фары, старошумерский, староаккадский и новошумерский периоды; в скобках даны названия периодов, принятые в исторической науке (ср. таблицу в разделе «Хронология и периодизация ранней истории Месопотамии»).

² Жанры: адм. — административные документы, лекс. — лексические списки, лит. — литературные тексты, надп. — закладные и посвятельные «царские» надписи.

³ Цель настоящего обзора — дать читателю представление о том, когда и кем была найдена и введена в научный оборот основная масса текстов из соответствующего архива. В таблице перечислены лишь важнейшие раскопки, крупнейшие коллекции и основные публикации текстов (более подробно см.: [Bauer et al., 1998; Sallaberger, Westenholz, 1999]). Следует иметь в виду, что, начиная со второй половины XIX в., все городища на территории современного Ирака постоянно «раскапывались» местными жителями, часто в периоды между сезонами регулярных археологических раскопок; таблички попадали в руки торговцев древностями и через них на полки антикварных магазинов Европы. Нелегальные раскопки на протяжении многих десятилетий были одним из главных источников пополнения музейных и частных коллекций Европы и Америки (особенно это касается текстов второй половины III тыс. до н.э.).

⁴ Ныне в государственной собственности города Берлина.

⁵ В ходе англо-американских раскопок в Уре были найдены и тексты последующих периодов, например, несколько тысяч новошумерских документов эпохи III династии Ура.

⁶ В ходе раскопок французской экспедиции, а также нелегальных раскопок в Гирсу были найдены и десятки тысяч текстов староаккадского и новошумерского периодов.

⁷ Эта публикация включает в себя также надписи двух последующих периодов; ниже больше не упоминается.

⁸ В ходе американских раскопок в Ниппуре было найдено также большое количество староаккадских и новошумерских текстов.

⁹ В данной работе не учтены тексты раннединастического периода, найденные в последние десять лет немецкой археологической экспедицией в Северной Сирии при раскопках городища Телль-Бейдар. Заслуживают упоминания также около сорока текстов из Мари, современные эблаитским архивам (см.: [Charpin, 1987; 1990b]).

¹⁰ Многотомная серия «Archivi Reali di Ebla, Testi» (ARET) выходит в Риме с 1985 г.; серия «Materiali epigrafici di Ebla» (MEE) выходит в Неаполе с 1979 г.

¹¹ В рамках настоящего обзора не представляется возможным перечислить тысячи публикаций староаккадских и новошумерских документов, поэтому мы даем лишь ссылки на описание архивов саргоновского периода, сделанное Б. Фостером [Foster 1982a; 1993], и каталог опубликованных текстов эпохи III династии Ура, составленный М. Сигристом и Т. Гоми с дополнениями В. Саллабергера и Р. де Маайера [Sigrist, Gomi, 1991; Sallaberger, 1999: 351–370].

слоями чаще всего оказывались неудачными. Помимо погрешностей археологов, тому существовали и объективные причины: слои IV и III в Уруке перемешались из-за каких-то событий, происшедших на рубеже этих эпох, поэтому восстановление археологического контекста тут было связано с большими трудностями; таблички были выброшены как отработанный материал еще в древности, и нередко мы можем судить лишь о том, не позже какого момента они были написаны (этот момент принято называть *terminus ante quem*). Однако по внешнему виду знаков и форме документов протоклинописные урукские тексты четко делятся на более ранние (слой IV) и более поздние (слой III); самые древние по палеографии таблички были найдены в руинах так называемого «красного здания» (в пределах Эаны), которые принято датировать слоем IVa (ок. 3200 г. до н.э.). Необходимо упомянуть, однако, точку зрения Д. Зюренхагена, который датирует «красное здание», а следовательно, и найденные в нем таблички, слоями IVc–b, — его теория делает протоклинопись старше на несколько веков [Englund, 1998: 34–38].

А. Фалькенштейн, с первого же сезона принимавший участие в урукских раскопках, опубликовал в 1936 г. 600 архаических текстов и представил первое исследование протоклинописи: обзор жанров архаических текстов (хозяйственных документов и лексических списков), описание техники изготовления и форматов архаических табличек, палеографический очерк. А. Фалькенштейн отождествил 50 числовых и 890 идеографических знаков и сопоставил многие из них с более поздними клинописными знаками [Falkenstein, 1936].

С начала 80-х гг. в Берлине под руководством Х. Ниссена осуществляется издание всех 5 тыс. архаических текстов из Урука. Берлинская группа ученых — Х. Ниссен, Р. Энглунд (ныне в Лос-Анжелесе), П. Дамеров и другие — комплексно изучает протоклинописные памятники и зафиксированные в них административные механизмы. В 1987 г. Х. Ниссен и М. Грин был издан список архаических знаков (ZATU): при его составлении был использован материал большого количества протоклинописных лексических списков — на основе сопоставления их с более поздними (периода Фары) экземплярами тех же списков стало возможным формальное отождествление архаических знаков с клинописными. На сегодняшний день ZATU является единственным изданным

списком архаических знаков, которым принято пользоваться при чтении протоклинописных текстов, однако он неоднократно подвергался критике, прежде всего, за необоснованное объединение под одним номером графически сходных знаков без учета контекста — в результате список содержит 60 числовых и всего 770 (вместо, как считает, например, Р. Энглунд, 1900!) идеографических знаков. Другим недостатком ZATU считается тот факт, что почти всем знакам были приписаны шумерские чтения, исходя опять же из сравнения с более поздними клинописными знаками, тогда как мы не располагаем достаточными данными о языке архаических текстов [Englund, 1998: 66–68].

В настоящий момент издание протоклинописных памятников из Урука, в основном, завершено; готовится полный каталог текстов. На базе берлинского проекта под руководством Р. Энглунда и П. Дамерова развивается проект электронной обработки не только архаических, но и вообще всех письменных памятников Месопотамии IV—III тыс. до н.э., который позволит вывести исследование клинописной системы письма на качественно новый уровень.

Помимо текстов из Урука и Джемдет-Насра, от архаического периода дошло еще около 80 документов с городища Телль-Укайр (к северо-западу от Джемдет-Насра), из Ларсы (к югу от Урука) и других древних административных центров, а также 85 документов неизвестного происхождения из бывшей частной коллекции Эрленмайеров. Почти все эти документы поступили в музеи и частные собрания из нелегальных раскопок, и их принадлежность к соответствующим архивам была установлена на основе встречающихся в них одинаковых комбинаций знаков, обозначающих топонимы, имена или должности чиновников. Началом Раннединастического периода (РД I) датируются 410 текстов, найденных в Уре и опубликованных Э. Барроузом в 1935 г., которые по палеографическим и языковым признакам принято относить к архаическому периоду.

Таковы источники, на основе которых в последние десятилетия появилась возможность изучать экономические и интеллектуальные процессы, связанные с возникновением и развитием письменности. Появление письменности — информационная революция, сыгравшая огромную роль в истории человечества. Кто и зачем изобрел письменность? Каковы были предпосылки

этого события? Как письменность, в свою очередь, повлияла на ход культурно-исторического развития? Эти вопросы находятся в центре внимания ученых с тех пор, как стали доступны для изучения основные архивы IV—III тыс. до н.э.

Предпосылки появления письменности. Теория Д. Шмандт-Бессерат. Большое распространение в современной науке получила точка зрения Д. Шмандт-Бессерат, согласно которой изобретение письменности в Месопотамии можно рассматривать как усовершенствование уже существовавших бюрократических механизмов [Schmandt-Besserat, 1977; 1981; 1992]. Первые протоклинописные памятники представляют собой, прежде всего, административные записи (85 %). Они демонстрируют развитую и последовательную систему знаков и ведения документации, которая вряд ли могла возникнуть столь внезапно. Некоторые исследователи полагают, что должны были существовать пиктографические предшественники протоклинописи, не дошедшие до нас по тем или иным причинам [Lieberman, 1980]. Д. Шмандт-Бессерат исследовала артефакты, найденные в большом количестве по всей территории древнего Ближнего Востока в предписменных археологических слоях, и пришла к выводу, что эти артефакты: токены и печати (см. выше «Предписменные системы передачи и хранения информации по Д. Шмандт-Бессерат»), глиняные конверты и так называемые «числовые» и «число-идеографические» таблички — использовались для хранения и передачи информации в дописьменные эпохи, т.е. являлись инструментами дописьменного делопроизводства, из которых в конце IV тыс. до н.э. и произошла протоклинопись.

Работы Д. Шмандт-Бессерат вызвали горячие споры по поводу содержащихся в них общих выводов и резкую критику в адрес использованной в них методологии. Однако даже авторы в целом негативных рецензий на эти работы неоднократно отмечали, что теория Д. Шмандт-Бессерат, подтверждающая возникновение протоклинописи в сфере экономики и делопроизводства, должна быть признана правильной, несмотря на большое количество некорректных обобщений и ошибок в деталях [Damerow, 1993; 1995; Englund, 1998: 46–55].

Д. Шмандт-Бессерат рассматривает токены как «визуальные символы», передающие важные элементы экономической информации. Критики ее теории указывают, однако, на невозможность

связать любые токены с делопроизводством; археологический контекст далеко не всегда позволяет установить их подлинные функции: токены находят, например, в детских захоронениях, где они вряд ли служили административному учету.

Особую роль в изучении дописьменных бюрократических механизмов и в теории Д. Шмандт-Бессерат играют глиняные конверты с токенами внутри и оттисками печатей снаружи. Именно такие конверты определенно доказывают функционирование токенов в административном контексте. Дальнейшее развитие Д. Шмандт-Бессерат представляет себе следующим образом: на поверхности конвертов иногда видны вдавленные знаки, по форме и числу точно соответствующие токенам внутри; похожие знаки (возможно, числовые или, по предположению Д. Шмандт-Бессерат, идеографические обозначения) на следующем этапе стали оттискивать просто на плоских кусках глины, получивших в науке название «числовых» табличек. Как и конверты, «числовые» таблички печатались. Последним шагом к изобретению письменности было появление так называемых «число-идеографических» табличек, содержавших, помимо «числовых» обозначений, изображения животных, сосудов, связок фруктов или кусков полотна.

Д. Шмандт-Бессерат показала, что все перечисленные инструменты дописьменного делопроизводства были широко распространены не только в собственно Месопотамии, но также на территории современного Ирана (Сузы, Чога-Миш) и Сирии (Хабуба-Кабира, Джебель-Аруда). В Уруке, к сожалению, невозможно четко разделить дописьменные и ранние письменные слои; зато в Сузах ясно видна хронологическая последовательность: конверты с токенами — «числовые» таблички — «число-идеографические» таблички — документы, написанные протоэламским письмом.

Наиболее спорными считаются выводы Д. Шмандт-Бессерат о происхождении знаков протоклинописи из трехмерных символов — токенов. Эти выводы, часто цитируемые в научно-популярной литературе, основаны лишь на визуальном сходстве символов без учета контекста, тогда как для сравнения с письменными знаками имеет смысл привлекать только токены, найденные в административном контексте, т.е. в глиняных конвертах, что сильно ограничивает возможности поиска аналогий. Большинство токенов в конвертах происходит из Сузианы; и большая часть параллелей

установлена на данный момент между токенами и знаками протоэламской письменности. Вообще, конверты с токенами плохо изучены; большая часть их попросту не вскрыта и нуждается в исследовании методами компьютерной томографии, которые, однако, не всегда дают желаемый результат, например, не удастся разглядеть орнамент на токенах внутри. Типологически токены, вероятно, являются предшественниками числовых обозначений, но в Уруке нет ни одного прямого соответствия токенов протоклинописным числовым знакам.

Выводы Д. Шмандт-Бессерат противоречат эволюционному взгляду на происхождение и развитие письменности от пиктографии к абстракции [Гельб, 1982]. Однако на данном этапе изучения этого вопроса следует признать, что поиск абстрактных знаков, восходящих к токенам, в архаическом репертуаре дал минимальные результаты, и в целом у нас нет оснований ставить под сомнение эволюционную теорию И. Гельба.

Экономический и «философский» аспекты появления письменности. Общепринятым на сегодняшний день является мнение, что письменность в Месопотамии возникла в государственном секторе экономики как реакция на усложнение экономических процессов и общественных отношений, как ответ на потребность хранить и обрабатывать более дифференцированную информацию [Nissen et al., 1990]. Одной из предпосылок возникновения письменности было сложение начальных форм государственности в Месопотамии IV тыс. до н.э., закрепивших разделение труда и централизованное распределение излишков производства. Потребность расширить пространственно-временные границы экономики, т.е. не просто запомнить информацию, но и спланировать дальнейшее развитие с целью сохранить стабильность в обществе и уменьшить экономический и социальный риск — эта потребность делала необходимым усовершенствование механизмов делопроизводства, и именно она породила письменность [Selz, 1999; 1999/2000].

Экономические резоны, однако, нисколько не умаляют того факта, что изобретение письменности является одним из важнейших интеллектуальных достижений человечества, которое предполагало колоссальную мыслительную работу и поистине философское осмысление действительности и, в свою очередь, привело к серьезным мировоззренческим изменениям. Работы последних десятилетий по анализу различных систем протоклинописных

числовых обозначений [Friberg, 1978–1979; Damerow, Englund, 1987; Englund, 1988] показали необычайно высокий уровень математической и абстрактной мысли в Месопотамии в момент возникновения письменности (см. ниже «Числовые знаки протоклинописи»).

В недавних научных работах, посвященных проблеме происхождения письменности, подчеркивается значение ранних лексических текстов в истории клинописи [Glassner, 2000; Selz, 2000]. Их часто интерпретируют просто как учебные тексты — упражнения, необходимые для подготовки писцов-чиновников, — тогда как они, скорее, представляли собой «научные» трактаты по категоризации окружающего пространства. Ж.-Ж. Гласснер не отрицает связи письменности с экономикой, однако высказывает мнение, что возникла она не только и не столько из административных нужд и, возможно, вообще за рамками крупных государственных хозяйств. Ж.-Ж. Гласснера интересуют интеллектуальные предпосылки появления письменности, «философское» измерение. Он вводит понятие сознательной «воли к письменности» («Wille zur Schrift»).

По мнению Г. Зельца, экономические потребности сыграли ведущую роль в возникновении письменности, однако их нельзя противопоставлять интеллектуальным потребностям осмысления мира, поскольку сама экономическая, административная система была составной частью представлений о миропорядке. В своих работах Г. Зельц большое внимание уделяет тем процессам, которые развивались именно благодаря изобретению письменности, таким как возможность классифицировать явления окружающей действительности, эмпирическое мышление, «объективация» ментальных и словесных образов.

Письменность, в отличие от визуальной символики, влечет за собой большую точность, однозначность высказывания, иерархизацию понятий и явлений, большую степень абстрагирования и, таким образом, подрывает основы ассоциативного мышления («additives Denken»), для которого важнее всего *полнота* высказывания, т.е. максимальное количество интерпретационных возможностей. С развитием письменности возрастает ее «лингвистическое» качество, зато снижается «ассоциативное». Г. Зельц высказывает интересную точку зрения, что «значительная часть месопотамской науки — будь то лексические списки в собственном

смысле или же разные ученые манипуляции со словом и письмом — отражает стремление сохранить дописьменные функции знаков» и вернуться к ассоциативному способу постижения мира ([Selz, 2000: 179], см. также: [Selz, 1999; 2002]).

Собственно месопотамские представления о появлении письменности. В ассириологической литературе изобретателя протоклинописи условно называют *Literatus Sumericus Urukeus* — термин, впервые введенный М. Пауэллом [Powell, 1981]. Согласно древней месопотамской традиции, этим изобретателем был Энмеркар, правитель Урука; в шумерском литературном тексте «Энмеркар и владыка Аратты» сказано, что при нем в Уруке появилось первое письменное сообщение [Cohen, 1973]. Из того же текста мы знаем, что сам Энмеркар был неурукского происхождения — он родился в горах, в стране Аратта, т.е., вероятно, где-то в Восточном Иране. Будучи уже царем Урука, он отправил гонца к правителю далекой Аратты с сообщением о своем превосходстве; это сообщение было записано на глине, чтобы облегчить задачу гонца. Если сформулировать то же самое современным языком, то получится, что письменность была изобретена с целью преодоления пространственных и временных границ, а также освобождения информации от информанта; при этом речь шла об улучшении связей месопотамского города Урука с иранской территорией, а сам автор первого письменного сообщения был, по всей видимости, иранского происхождения, но правил в Уруке [Glassner, 2000: 22ff.; Selz, 2000; 2001].

Исследователи отмечают, что древняя традиция самым любопытным образом согласуется с новыми научными данными о параллельном развитии инструментов дописьменного делопроизводства в иранском и месопотамском культурных пространствах. В последние годы все чаще высказывается предположение, что в Эламе письменность возникла раньше, чем в Уруке [Boehmer, 1999; Glassner, 2000]; все больше фактов свидетельствуют против теории о влиянии месопотамской письменности на протоэламскую [ср.: Вайман, 1972a]. Анализируя результаты «ирано-шумерской» дискуссии, Г. Зельц, однако, высказывает мнение, что, хотя предшественники письменности («Vorläufer der Schrift»): цилиндрические печати и глиняные конверты с токенами — впервые появились и развивались, очевидно, на иранской территории, тем не менее собственно письменность была, по всей вероятности, все же изобретена в Месопотамии [Selz, 2001]. Вопрос о соотношении

и возможном взаимодействии протоклинописи и протоэламской письменности в настоящее время остается открытым.

Протоклинопись как система знаков. Классическую клинопись принято называть словесно-слоговой системой письма. В ней выделяют три принципиально разные по функции категории знаков: 1) логограммы, обозначающие слова, 2) силлабограммы, обозначающие слоги и являющиеся фонетическими индикаторами, и 3) детерминативы, являющиеся семантическими индикаторами, т.е. показывающие, к какой группе явлений (боги, топонимы, деревянные предметы) относится данное слово. Наличие в протоклинописи знаков 2-й и 3-й категорий спорно; протоклинописные знаки называют обычно логограммами или идеограммами. Термин «логографическая письменность» применительно к протоклинописи употребляется, например, в работах А. Фалькенштейна [Falkenstein, 1936], И. Гельба [Гельб, 1982] и И. Фридриха [Фридрих, 1979]; «идеографической» эту систему письма называют А.А. Вайман [Вайман, 1976], И.М. Дьяконов [Дьяконов, 1976; 1983] и М. Пауэлл [Powell, 1981]. Последний, опираясь на теорию Д. Шмандт-Бессерат, подчеркивал мнемонический характер протоклинописи, повлиявший и на более позднюю клинописную систему, «словесные» знаки которой часто обозначают не одно слово, а несколько разных, связанных ассоциативно (например, «плуг» — «пахать» — «земледелец»).

По графической форме протоклинописные знаки традиционно делят на следующие типы [ср.: Edzard, 1976–1980]: 1) изображение предмета целиком в буквальном смысле («птица», «рыба», «рука», «кувшин», «плуг») и в переносном (встающее из-за гор солнце — «день», поднесенный ко рту горшок с хлебной похлебкой — «пропитание»); 2) изображение части предмета по принципу «pars pro toto» (голова коровы — «корова», голова быка — «бык», голова осла — «осел», вульва — «женщина»); 3) абстрактные знаки, являющиеся, возможно (по теории Д. Шмандт-Бессерат), изображениями на плоскости трехмерных символов; 4) знаки, не поддающиеся интерпретации. В особую группу следует выделить числовые знаки протоклинописи (см. ниже «Числовые знаки протоклинописи»).

Протоклинопись располагала весьма скромным репертуаром логограмм (или идеограмм), однако была невероятно продуктивна. Новые знаки могли создаваться за счет преворачивания (иногда

на 180°) или штриховки уже существующего знака, а также путем комбинирования двух и более разных знаков (часто один знак вписывался в свободное поле другого, уточняя таким образом его значение: например, сосуд + его содержимое). В протоклинописи засвидетельствовано около 900 простых, производных, знаков. Такая база позволяет, по мнению Р. Энглунда, считать протоклинопись логографической, а не идеографической системой письма [Englund, 1998: 68].

Выше уже упоминалась эволюционная теория И. Гельба, согласно которой клинопись развивалась от пиктографии к абстракции, от рисуночной формы знаков к более схематичной. В целом такой же точки зрения придерживается и берлинская группа ученых (Х. Ниссен, Р. Энглунд, П. Дамеров): большинство знаков изначально представляло собой изображения предметов или их частей, обозначавшие как сами эти предметы, так и действия, связанные с ними. Уже на самой ранней стадии развития, при переходе от слоя Урук IV к слою Урук III, наблюдаются следующие изменения внешнего вида знаков: выпрямление линий, абстрагирование рисунков, упрощение отдельных элементов и стандартизация ориентации знака на плоскости [Englund, 1998: 69–72].

Ж.-Ж. Гласснер высказывается, с одной стороны, против теории Д. Шмандт-Бессерат по поводу происхождения протоклинописных знаков из токенов, а с другой — и против прямолинейного объяснения их как рисунков, схематичных или усеченных изображений конкретных предметов. Он описывает сложный процесс создания репертуара знаков, у истоков которого стояла «аналитическая концептуализация действительности»; выделяет так называемые «рамочные» знаки как особый класс семантических индикаторов; указывает, что расширение репертуара знаков путем изменения ориентации и различных комбинаций происходило отнюдь не механически, но было основано на комплексе ассоциаций. Помимо широко применявшейся редупликации знаков для выражения, по-видимому, разных типов множественности, по мнению Ж.-Ж. Гласснера, существовали следующие виды ассоциативных комбинаций: дескриптив (баран + наполненный семенем тестикул — «баран-самец»), аддитив (женщина + гора — «рабыня»)*,

* Интерпретация этой идеограммы спорна: более вероятно значение «рабыни (и) рабы», изображены соответственно женские и мужские гениталии [Englund, 1998: 176].

синтаксическая связь (солнце + идти — «выходить»). Ж.-Ж. Гласснер, как и многие другие исследователи, полагает, что ассоциации могли быть также фонетического характера [Glassner, 2000].

Направление письма. Вопрос о том, в каком направлении писали и читали клинописные тексты, естественно, интересовал ученых с момента возникновения ассириологии. На основе текстов, прежде всего, I тыс. до н.э., в том числе надписей на монументальных памятниках (например, на рельефах из дворцов ассирийских царей), в науке сложилась традиция читать клинопись слева направо и сверху вниз. Любой ассириолог, беря в руки клинописную табличку, начинает чтение с верхней строки слева направо, а затем, дочитав до конца последней строки, т.е. до нижнего правого угла, лицевой стороны, переворачивает табличку по горизонтальной оси (как страничку перекидного блокнота) и продолжает чтение оборотной стороны с верхнего левого угла. Если же табличка поделена не только на горизонтальные строки, но и на вертикальные колонки, то на лицевой стороне следует сначала читать по строчкам (графам) сверху вниз крайнюю левую колонку, затем таким же образом все остальные колонки слева направо, а на обороте — начиная с верхней строки крайней правой колонки, все колонки справа налево (каждая строчка при этом все равно читается слева направо). Таковы ассириологические правила.

Однако еще в XIX в. было замечено, что на ранних монументальных памятниках (например, на знаменитой стеле со сводом законов царя Хаммурапи начала II тыс. до н.э.), где имеются изображения людей и предметов, надписи располагаются таким образом, что для прочтения их по ассириологическим правилам следует повернуть сам памятник на 90° против часовой стрелки (например, положить стелу Хаммурапи на левый бок). Кроме того, при первом же знакомстве с текстами III тыс. до н.э. (а позднее — с памятниками архаической письменности) стало очевидным, что многие клинописные знаки восходят к рисункам конкретных предметов, но для того, чтобы воспринимать их как рисунки, необходимо мысленно развернуть надпись на 90° по часовой стрелке: при таком повороте горизонтальные строки превращаются в вертикальные колонки, которые следует читать сверху вниз и справа налево.

В 1898 г. Ф. Делич выдвинул теорию, согласно которой, в первых, клинописное письмо, на определенном этапе своего

развития окончательно утратив связь с пиктографией, изменило направление, а во-вторых, направление письма (и чтения) до середины II тыс. до н.э. зависело от материала, на котором была сделана надпись: на глиняных табличках писали «горизонтально» (т.е. так, как принято читать в ассириологии), на каменных же монументальных памятниках, дольше сохранявших более архаичную форму знаков, — «вертикально» (т.е. так, что каждый знак мог адекватно восприниматься как рисунок); лишь позднее направление, в котором писали и читали клинописные тексты, было унифицировано в сторону «горизонтального» [Delitzsch, 1898].

Теория Ф. Делича оказалась удивительно популярной. Однако в последние десятилетия все чаще подвергается сомнению второй ее аспект (зависимость направления письма от материала). Так, например, Д.О. Эдзард отмечал, что подобному явлению не существует параллелей ни в одной другой письменности [Edzard, 1976—1980]. С. Пикьони, изучив разнообразные предметы, чья ориентация в пространстве не вызывает сомнений, т.е. не только стелы, но и, например, сосуды с надписями, пришел к выводу, что «вертикальное» направление письма было нормой для всех видов письменных памятников (независимо от материала) с момента возникновения клинописи на протяжении всего III и первой половины II тыс. до н.э. О «горизонтальном» направлении письма можно говорить лишь начиная с касситской эпохи [Picchioni, 1984]. Однако в большинстве ассириологических работ, в том числе и в данном обзоре, при описании клинописных текстов принято по традиции исходить из «горизонтального» расположения надписи.

Числовые знаки протоклинописи. Подавляющее большинство письменных памятников IV—III тыс. до н.э. из Месопотамии являются хозяйственными документами, в которых зафиксировано, сколько и какие предметы (продукты, товары, животные, люди) имеются в наличии или были переданы от одного лица другому, выданы или получены. Числовые обозначения составляют неотъемлемую часть таких документов. От прочих знаков — обозначений предметов, титулов, административных терминов и т.д. — их легко отличить как по внешнему виду, так и по расположению на табличке.

Вплоть до последних веков III тыс. до н.э. числовые знаки отбивали на глине тупым концом стилоса либо перпендикулярно

поверхности — тогда получался маленький (●) или большой (●●) круг (в зависимости от диаметра стилоса), либо под углом — тогда отпечатывался маленький (▴) или большой (▴▴) полукруг. Прочие же знаки сначала процарапывали на табличке заостренным концом стилоса, а впоследствии стали писать специальным трехгранным стилосом. На табличке числовые обозначения помещались всегда в начале строки или графы, тогда как другие знаки располагались в оставшемся пространстве графы, в ранние периоды почти всегда в произвольном порядке.

Начиная с архаического периода и до конца существования месопотамской цивилизации в текстах засвидетельствована шестидесятиричная система исчисления: ▴ = 1, ● = 10, ▴▴ = 60, ●● = 3600; «600» обозначалось посредством вписывания знака «10» в знак «60». При обозначении любого числа знаки писались по убывающей: например, число 7456 можно было записать двумя ● (7200), четырьмя ▴ (240), одним ● (10) и шестью ▴ (6) именно в таком порядке. Характерной чертой административных документов были суммы: например, «был 51 (●●●●●▴) телянок, родилось еще 12 (●▴▴), итого 63 (▴▴▴▴) телянка» или «было 120 (▴▴) сосудов с пивом, выдали 34 (●●●▴▴▴▴), итого осталось 86 (▴●●▴▴▴▴▴▴) сосудов». Именно суммы дают основания судить о величинах, соответствующих отдельным знакам.

Однако шестидесятиричная система была далеко не единственной, которой пользовались жители Месопотамии. С. Лэнгдон полагал, что в архаическую эпоху, наряду с шестидесятиричной системой, в которой исчисляли разрозненные объекты, существовала, во-первых, система измерения площадей, тоже сохранившаяся практически без изменений в последующие периоды, а во-вторых, «десятиричная» система, в которой мерили зерно [Langdon, 1928]. Для «десятиричной» системы была характерна последовательность числовых знаков ● > ● > ▴, которую С. Лэнгдон, а потом и А. Фалькенштейн интерпретировали следующим образом: в одном ● содержится 10▴, а в одном ● — 10● [Langdon, 1928; Falkenstein, 1937]. Однако в конце 1970-х гг. шведский историк математики Й. Фриберг заново исследовал архаические документы по подсчетам количества зерна и сделал вывод об ошибочности такой интерпретации. Он предложил понимать ● в системе измерения количества зерна как знак, содержащий 6▴, и его толкование подтвердилось при проверке всего корпуса

протоглинописных текстов [Friberg, 1978—1979; Englund, 1998: 114—117].

Для исчисления разрозненных объектов в архаический период существовало, по-видимому, две различные системы числовых обозначений — шестидесятиричная и двушестидесятиричная: в первой, как уже отмечалось выше, следующей после «60» единицей, имеющей самостоятельное графическое выражение, является «600» (а затем «3600»), во второй — «120». Первым на это обратил внимание российский шумеролог А.А. Вайман [Вайман, 1974/1989]. В современной науке принято считать, что шестидесятиричную систему использовали для исчисления людей и животных, продуктов животноводства, кусков полотна, рыбы (поштучно), деревянных и каменных предметов, сосудов и различных емкостей; а двушестидесятиричную — для исчисления зерновых и других продуктов, выдаваемых в качестве рационов, например хлебов или сыров [Damerow, Englund, 1987: 126—135; Englund, 1998: 118—120].

В 1980-е гг., одновременно с изданием протоглинописных текстов из Урука, берлинские ученые — прежде всего историк математики П. Дамеров совместно с ассириологом Р. Энглундом — приступили к всестороннему исследованию архаических числовых систем. На обширном урукском материале им удалось отождествить как минимум пять основных и еще несколько производных систем числовых обозначений. К основным относятся шестидесятиричная и двушестидесятиричная системы, системы измерения количества зерна («зерновая») и площадей («полевая»), а также до сих пор до конца не расшифрованная так называемая система EN. Для производных систем характерно использование тех же числовых знаков с теми же величинами, что и в основных системах; эти знаки, однако, на графическом уровне отличаются дополнительными элементами, которые так или иначе указывают на объект исчисления.

У каждой производной системы была своя сфера применения. Так, например, системы, производные от «зерновой», использовались каждая для измерения определенной зерновой культуры или категории зерна: та, где числовые знаки снабжены двумя горизонтальными штрихами, вероятно, для измерения эммера; та, где знаки с косым штрихом, — для измерения солода; та, где поверхность знаков покрыта точками, — для измерения молотого зерна. В числовом

знаке, таким образом, могла быть заключена информация об исчисляемом [Damerow, Englund, 1987; Englund, 1998: 118–120].

В целом, протоклинописное письмо допускает совмещение в одном и том же знаке числового и идеографического значения. «Идеограммами» для некоторых зерновых продуктов служили числовые знаки «зерновой» системы по принципу: величина, соответствующая числовому знаку, выражает количество зерна, содержащееся в данном продукте. И наоборот, идеограмма **GAR**, обозначавшая некий зерновой продукт или вообще «рацион» (знак, по-видимому, изображает сосуд стандартной формы, в котором выдавалась дневная норма пропитания на человека), могла использоваться как «числовой» знак: ей соответствовала величина $\frac{1}{30}$ от **Д** в «зерновой» системе числовых обозначений [Englund, 1998: 188ff.].

Одним из главных достижений архаической математической мысли является создание системы измерения времени, которая легла в основу в том числе и наших современных представлений о времени. А.А. Вайман первым реконструировал систему архаических обозначений времени: идеограмма **U₄** «солнце, день», если ей предшествовали один или несколько горизонтальных штрихов, обозначала «год» (один или несколько), если в нее были вписаны числовые знаки шестидесятиричной системы — «месяц» (один, десять и т.д.), если же вслед за ней были написаны повернутые на 90° вправо знаки, по-видимому, той же шестидесятиричной системы, то она обозначала «день» (один, десять и т.д.) [Вайман, 1976: 581]. Впоследствии было замечено, что таким образом могли обозначаться как количественные (один год, месяц, день), так и порядковые (первый год, месяц, день) представления о времени. С точки зрения административного учета, месяц состоял из 30 дней, а год — из 12 месяцев [Englund, 1998: 122–126].

Уже в архаическую эпоху было разработано и графически зафиксировано соотношение между системами измерения зерна и времени. Для административного учета необходимо было подсчитывать, сколько зерна потребуется, чтобы прокормить одного работника в течение определенного промежутка времени. Знак **GAR** обозначал дневной рацион зерна и одновременно служил «числовым» знаком в «зерновой» системе, его числовая величина равнялась $\frac{1}{30}$ от **Д**. Количество зерна, обозначаемое знаком **Д**, соответствовало месячному рациону одного работника, и именно

этот знак был вписан в U_4 для обозначения одного месяца; он же обозначал величину «1» в шестидесятиричной системе исчисления [Englund, 1988; 1998: 126, 180–181]. Таким образом, время могло быть пересчитано в зерно, а зерно — во время. Уже на самом раннем этапе развития письменного делопроизводства были заложены основы невероятно сложных вычислений абстрактного рабочего времени (человекоднев), известных по документам последних десятилетий III тыс. до н.э.

Письменность и делопроизводство. Письменность с самого начала своего существования служила делопроизводству и подчинялась его законам. Развитие протоклинописи можно проследить по форматам документов [Вайман, 1972; Green, 1981]. Дописьменные инструменты делопроизводства позволяли фиксировать отдельные хозяйственные операции; появление же письменности открывало возможности для запоминания и обработки информации, касающейся более сложных экономических действий.

Самые ранние таблички из Урука содержат часто лишь короткие записи, передающие одну единицу информации: числовой знак, идеограмма для продукта, имя и/или должность чиновника, отвечающего за данный продукт, — все это записывалось в одной графе, на одной стороне таблички. Документы следующего уровня сложности состоят из нескольких граф — в каждой графе записывалась одна единица информации, а в конце подводился итог: подсчитывалось общее количество продуктов, и соответствующий административный термин (например, «пропитание», «выдача», «поступление») обозначал характер данной хозяйственной операции.

По мере дальнейшего усложнения форматов, поверхность таблички начали делить не только на графы, но и на колонки — соответственно увеличивалось число единиц информации, содержащейся в документе. Появились многоступенчатые суммы: например, при подсчете количества солода и молотого зерна, необходимого для изготовления пива, писец сначала перечислял разные количества этих продуктов, поступившие от разных чиновников, затем подсчитывал, сколько солода и зерна поступило от каждого чиновника, затем — сколько всего имеется солода и сколько зерна, а в конце выводил общую сумму того и другого продукта.

Изучение форматов документов имеет большое значение для понимания административных механизмов, их породивших. Суть

документа нередко становится ясна именно исходя из его структуры, даже если мы не знаем, что означают те или иные термины. Формат документа указывает на иерархию единиц информации. Анализируя документы периода Урук III, мы можем говорить о «синтаксисе» таблички, который при интерпретации текстов этого времени заменяет нам синтаксис языка [Englund, 1998: 56–64].

Письменность и язык. Шумерский вопрос. Протоклинопись, судя по всему, великолепно справлялась со своей основной задачей: хранить и передавать информацию с помощью общепринятой системы знаков. Вопрос о том, входило ли в ее задачи отражать также и языковую форму передаваемого сообщения, до сих пор остается открытым в науке. В любом случае, эта задача, по-видимому, была второстепенной: не только в протоклинописных, но и в ранних клинописных текстах III тыс. до н.э. язык редко проступает сквозь маску идеографических написаний.

Существование шумерского языка и шумеров как народа, стоявшего у истоков месопотамской цивилизации, не сразу было признано в науке (см. разделы «Шумерская проблема», «Шумеры и аккадцы»). Однако к моменту, когда появились первые публикации протоклинописных текстов (конец 20-х – 30-е гг. XX столетия), уже никто не сомневался в том, что ранние клинописные тексты (вплоть до конца III тыс. до н.э.) написаны, в основном, на шумерском языке. При сравнении этих шумерских текстов с архаическими с самого начала очевидной была преемственность письменной традиции и принципов делопроизводства.

Благодаря текстам из Фары, удалось проследить развитие знаков от архаических к собственно клинописным. Сходство архаических форматов документов и некоторых числовых систем с более поздними давало основания говорить о непрерывной бюрократической традиции, начиная с момента появления письменности. Поэтому вполне естественным выглядело предположение об изобретении клинописи именно шумерами, и начались поиски доказательств в пользу такого предположения в самих протоклинописных памятниках. В последние годы, однако, все чаще высказываются сомнения в шумероязычности архаических текстов и звучат предостережения против попыток обосновать ее на уровне фонетического (слогового) компонента письменности. С точки зрения Р. Энглунда, мы не можем с уверенностью судить о том, на каком языке написаны архаические таблички, и поэтому,

несмотря на огромное количество материала, нельзя сказать, что протоклинопись дешифрована в классическом смысле этого слова [Englund, 1998: 65–66].

Уверенность многих исследователей протоклинописи, что ее изобретением мы обязаны шумерам, восходит к С. Лэнгдону, который выделил в текстах из Джемдет-Насра сочетание знаков **EN E₂ TI** и интерпретировал его как **en-lil₂-ti** «Пусть бог Энлиль даст жизнь!». Такая фраза могла бы представлять собой шумерское имя собственное и свидетельствовать о мультивалентности знака **TI** уже в архаическую эпоху: этот знак, первоначально обозначавший слово «стрела», мог использоваться для написания слова «жить/животворить» только в шумероязычной среде, так как только в шумерском языке слова **ti** «стрела» и **ti(-l)** «жить/животворить» являются омофонами [Langdon, 1928].

Интерпретация С. Лэнгдона, однако, не признается современной наукой. Во-первых, знак **TI** не встречается с именами других божеств ни разу больше во всем корпусе архаических текстов; во-вторых, сочетание знаков **EN E₂ TI**, скорее, можно трактовать как **e₂ en-ti** «дом бога Энти» или **e₂ ebih (EN.TI)** «дом страны Эбих» (сочетание **EN.TI** засвидетельствовано в текстах из Урука и Джемдет-Насра как самостоятельная единица); в-третьих, знаки **EN E₂** не могут означать «Энлиль», поскольку имя этого бога в архаический период должно было писаться знаками **EN KID** (в соответствии с написанием топонима «Ниппур» — города, где почитали Энлиля). Таким образом, этот первый «фонетический» аргумент в пользу шумерского языка протоклинописи теряет свою силу [Englund, 1998: 74–76].

А.А. Вайман, первым опровергший мнение С. Лэнгдона, выдвинул, в свою очередь, более весомое «фонетическое» доказательство шумероязычности архаических текстов — мультивалентность знака **GI**, которым в шумерских текстах могли записываться слова **gi** «тростник» и по созвучию **gi(4)** «возвращать(ся)». В архаических документах этот знак нередко употребляется в качестве административного термина — А.А. Вайман интерпретировал его как «возврат, поступление» [Вайман, 1976], однако такое толкование вызывает у некоторых исследователей серьезные сомнения [Englund, 1998: 76–77].

В рамках настоящего обзора невозможно рассмотреть другие «фонетические» аргументы, приводимые часто в подтверждение

шумероязычности первых письменных памятников Месопотамии [Krispijn, 1991–1992; Krebernik, 1994; Steinkeller, 1995; Glassner, 2000; Selz, 2002]. Однако, по мнению Р. Энглунда, все попытки выявить в протоклинописном репертуаре знаков фонетические элементы, которые могли бы указать на шумерский язык, следует признать либо спорными, либо несостоятельными. Сомнению подвергается само наличие фонетических элементов в архаической письменности [Englund, 1998: 77].

Попытки установить языковую принадлежность архаических текстов предпринимались не только на уровне фонетики. Так, например, М. Пауэлл предложил объяснение на уровне числовых знаков: поскольку шестидесятиричная система исчисления хорошо засвидетельствована в архаическую эпоху, а именно этой системе соответствуют названия чисел (количественные числительные) в шумерском языке, то, следовательно, и письменность с такими числовыми знаками могли изобрести только шумеры [Powell, 1972].

Исследования последних десятилетий по архаическим числовым системам показали, что подобная аргументация не выдерживает никакой критики. Во-первых, в протоклинописи было несколько различных систем числовых обозначений (см. выше). Во-вторых, шумерские количественные числительные больше 60, построенные по принципу «60×2», «60×3», «60×10», известны из поздних лексических текстов (не раньше I тыс. до н.э.) и, скорее, описывают шестидесятиричные числовые знаки, нежели объясняют их возникновение. В-третьих, шумерские числительные меньше 60, встречающиеся в текстах III тыс. до н.э., такие как 10, 20, 30, 40, 50, 60, дают основания предполагать двадцатиричную систему исчисления, которая как раз не засвидетельствована в архаической письменности [Englund, 1998: 77–78].

На уровне идеографических знаков в пользу шумероязычности архаических текстов свидетельствует присущая протоклинописи редупликация знаков для выражения различных типов множественности, характерная и для шумерского языка [Englund, 1998: 73]. С другой стороны, серьезным аргументом против шумероязычности являются имена собственные. Многие протоклинописные документы содержат списки имен, ни одно из которых не поддается интерпретации с точки зрения принципов шумерской ономастики [Englund, 1998: 79].

В этом отношении чрезвычайно интересно сравнение текстов из Урука и Джемдет-Насра конца IV тыс. до н.э. с архаическими текстами из Ура, датируемыми началом Раннединастического периода. Их разделяет лакуна примерно в двести лет. После этого перерыва мы находим в документах из Ура значительное количество сочетаний знаков (прежде всего, в именах собственных), хорошо объяснимых с точки зрения шумерского языка. В связи с этим можно предположить, что шумеры пришли на юг Месопотамии накануне периода РД I; с точки зрения археологии, такое предположение, возможно, подтверждается тем обстоятельством, что именно в это время в строительстве впервые начал применяться плано-конвексный кирпич — типичный элемент архитектуры последующих эпох [Englund, 1998: 81].

Проблема языковой принадлежности протоклинописных памятников непосредственно связана с проблемой первого появления шумеров в Месопотамии (см. выше раздел «Шумерская проблема»). Следует отметить, что данные археологии в большинстве своем все же противоречат выводу об отсутствии шумеров в долине Тигра и Евфрата в IV тыс. до н.э. Планировка храмов и других монументальных сооружений, типология керамики, изображения на цилиндрических печатях — все это демонстрирует непрерывность культурной традиции на юге Месопотамии в IV—III тыс. до н.э., которую не отрицают даже самые непримиримые скептики в отношении шумероязычности архаической письменности [Englund, 1998: 73].

Что же касается изобретения письменности, то еще во времена, когда шумерский язык текстов из Урука и Джемдет-Насра представлялся бесспорной истиной, А.Л. Оппенгейм писал: «Вполне вероятно, что шумеры приспособили для своих нужд уже существовавшую систему и технику письма. Эта система принадлежала, видимо, более ранней, исчезнувшей цивилизации, местной или иноземной, которая имела, а может быть и нет, отношение к иностранному элементу в шумерском словарном запасе, к топонимике региона и, возможно, к именам почитавшихся там божеств» [Оппенгейм, 1980: 48]. В последние годы в шумерологической литературе неоднократно обсуждался вопрос о трудностях графической реализации скоплений согласных в начальной или конечной позиции шумерских слов [Civil, 1982; Schretter, 1993]. По мнению Р. Энглунда, эти трудности могли быть связаны с несоответствием

клинописной системы письма фонетической структуре шумерских слов, что увеличивает вероятность заимствования шумерами письменности у другого народа [Englund, 1998: 78–79].

Развитие слогового компонента в клинописи III тыс. до н.э. Использование клинописи для семитских языков. Кто бы ни изобрел клинопись, не подлежит сомнению, что именно шумеры, которые доминировали на юге Месопотамии (в Южной Вавилонии), по крайней мере, с периода РД I (XXX в. до н.э.), передали эту систему письма семитским народам, обитавшим как в самой Месопотамии (Северной Вавилонии), так и за ее пределами (в Северной Сирии), а те, заимствовав письменность у шумеров, приспособили ее для записи текстов на восточноемтских языках. Именно такое использование клинописи для языков совершенно другого строя серьезным образом повлияло на саму ее структуру и дало толчок к ее дальнейшему развитию.

Переходный этап между архаическим периодом развития письменности в Месопотамии с его преимущественно идеографической системой записи и рисуночными знаками и последующими эпохами собственно клинописного письма, основанного на совмещении идеографического и фонографического принципов, представлен текстами из Фары и Абу-Салабиха, датированными XXVI в. до н.э. На этом этапе, помимо административных документов и лексических списков, появляется значительное количество литературных текстов. В Фаре преобладают хозяйственные записи (75 %), зато в Абу-Салабихе они составляют всего лишь около 5 % всех текстов, остальное приходится на долю лексических и литературных памятников.

Фара находится прямо в центре Южной Вавилонии, на пути из Урука в Ниппур. Абу-Салабих же расположен примерно в 20 километрах северо-западнее Ниппура, т.е. как раз на границе между Южной и Северной Вавилонией, разделявшей в III тыс. до н.э. шумерскую (на юге) и семитскую (на севере) культурные территории (см. ниже раздел «Дихотомия Севера и Юга»). По совокупности причин в современной науке принята точка зрения, согласно которой на юге говорили и писали преимущественно по-шумерски, по крайней мере, вплоть до староаккадского периода (XXIV в. до н.э.), на севере же ранние формы аккадского языка играли исключительно важную роль задолго до воцарения династии Аккада.

В Абу-Салабихе, как более северном центре, семитское влияние ощущалось гораздо сильнее, чем на юге, в Фаре. Это проявлялось на разных уровнях: в наличии здесь семитоязычных текстов, в высоком проценте семитских имен собственных (40% в отличие от 3%, которые составляли семитские имена в Фаре), и наконец, в том, что новые элементы клинописной системы письма впервые были засвидетельствованы именно в этом архиве [Krebernik, 1998: 260–270].

Использование клинописи для передачи семитского языка привело к тому, что в ней постепенно развивается фонетический (слоговой) компонент. В период Фары складывается силлабарий — набор знаков, которые применяли в качестве силлабограмм, т.е. фонетических знаков. Такие знаки стали употреблять для более точной передачи языковой формы высказывания при составлении текстов как на семитском, так и на шумерском языке. На юге — там, где господствовал шумерский язык, — решающим фактором для развития слогового компонента клинописи явилась необходимость записывать иноязычные (в основном, семитские) имена собственные, топонимы, имена богов, а также заимствованные слова. Свою роль сыграла и потребность письменно фиксировать литературные произведения, в которых, в отличие от административных и лексических текстов, важен синтаксис, а значит, и возможность написания морфем [Krebernik, 1998: 271–298].

Репертуар силлабограмм был поначалу крайне ограничен. Исследователи периода Фары отмечают, однако, что в текстах из Абу-Салабиха он гораздо шире и разнообразнее, чем в текстах из самой Фары [Biggs, 1974; Krebernik, 1998: 284]. Так, в Фаре нет ни одного примера передачи закрытого слога типа СГС (С — согласный, Г — гласный) с помощью знаков СГ-ГС; в репертуаре силлабограмм изначально отсутствовали знаки типа ГС. Впервые они появляются в Абу-Салабихе, где использовались для записи семитских слов: например, слово */līm/* «тысяча» записывалось как *li-im* [Krebernik, 1998: 271]. Знаками типа ГС для записи аккадских слов окончательно научились пользоваться в староаккадский период; для записи же, например, морфем в шумерских текстах ими пользовались чрезвычайно редко вплоть до конца новошумерской эпохи. Следует еще раз подчеркнуть, что в Абу-Салабихе, на границе Южной и Северной Вавилонии, силлабарий развивался быстрее, чем в более южной Фаре; и влияние семитского населения,

процент которого здесь был, без сомнения, выше, чем на юге, играло в этом процессе, очевидно, не последнюю роль.

Специфика текстов на семитском языке могла проявляться и без участия фонетического компонента, на уровне идеографических написаний. Так, понятие «дополнительная цена» в документах о продаже недвижимости, написанных на шумерском языке, выражалось как **nig₂-diri**, в аналогичных же семитоязычных — идеограммой **NIG₂.KI.GAR**, объяснимой, исходя из аккадского *iškinū* (**GAR** = *šakānum*). И. Гельб видел в такого рода написаниях свидетельства рано выделившейся из общей клинописной традиции «северной» ветви клинописи, характерной для так называемой «кишской цивилизации» (см. ниже раздел «Дихотомия Севера и Юга»; также [Krebernik, 1998: 260–261]).

Особое место в истории развития клинописи III тыс. до н.э. занимают письменные памятники из древнего города Эблы, раскопанного в 1974–1978 гг. итальянской археологической экспедицией в Северной Сирии (см. «Дихотомия Севера и Юга»). Открытие дворцовых архивов Эблы, давших науке около 20 тыс. хозяйственных, лексических и литературных текстов, датируемых серединой III тыс. до н.э., ознаменовало новую эру в изучении Раннединастического периода, в том числе и в изучении клинописной системы письма.

Большая часть текстов была записана так называемыми «шумерограммами», т.е. клинописными знаками в значении идеограмм. Исследователи отмечают, что репертуар знаков в Эбле заимствован преимущественно из «северной» ветви клинописи. В ряде текстов, однако, применялись силлабограммы, позволившие ученым реконструировать семитские языковые формы, которые в научном обиходе нередко называют «эблаитским языком». Основная масса этих форм дает возможность квалифицировать «эблаитский» язык (диалект) как восточnoseмитский, родственный староаккадскому [Krebernik, 1996; ср. Gelb, 1977; 1981; Дьяконов, 1985]. Интересно, что для записи эблаитских слов нередко использовали и так называемые «аккадограммы»: союз «и», по-аккадски звучавший как /u/ и записывавшийся в месопотамской клинописной традиции как *u₃*, в Эбле мог писаться тем же знаком, хотя — как видно из параллельно засвидетельствованного написания этого союза знаком **PI** — звучал там как /wa/ [Krebernik, 1996].

Чрезвычайно важными следует признать палеографические исследования внутри эблаитского корпуса текстов. Они демонстрируют выработку в Эбле собственного, отличного от месопотамского, стиля письма, что позволяет заново поставить вопрос о связях и взаимовлияниях в отношениях Эблы, Мари и так называемой «кишской цивилизации» [Sallaberger, 2001].

Возвращаясь на территорию собственно Месопотамии, отметим, что, в целом, клинопись оставалась все-таки по преимуществу идеографической (логографической) системой письма до эпохи Эанатума, третьего правителя I династии Лагаша, т.е. примерно до середины XXV в. до н.э. Грамматические показатели в шумерских текстах выписывались нерегулярно; даже те из них, которые могли быть написаны, исходя из репертуара силлабограмм, часто отсутствовали. Лишь начиная с середины старошумерского периода постепенно выработались правила шумерской орфографии, которых, в целом, придерживались и в последующие эпохи, сложился стандартный набор знаков для написания морфем. Начиная со староаккадского периода, клинопись широко использовалась для составления текстов на аккадском языке, а впоследствии уже у аккадцев ее заимствовали и другие народы древнего Ближнего Востока (хетты, хурриты и др.).

§ 5. Основные направления изучения политической и социально-экономической истории Месопотамии III тыс. до н.э.

Краткий очерк политической истории Месопотамии в III тыс. до н.э. Раннединастический период. Начало III тыс. до н.э. — это время существования в Шумере городов-государств, в которых понятия территории и политической структуры, по-видимому, совпадали. Ранние надписи говорят о гегемонии города Киша над севером Вавилонии (Аккадом) в период 2700–2500 гг. до н.э., а возможно, и позже, гегемонии, которая временами распространялась и на юг Вавилонии (Шумер). Начиная примерно с 2500 г. до н.э. Шумер был, вероятно, поделен на четыре крупных городских союза (группировки): Урук — Ларса — Бад-тибира, Ур, Умма — Забалам, Лагаш — Гирсу — Нина. Ур периодически терял свою самостоятельность и входил в группу Урука [Cooper, 1986; 1989].

Примерно с середины III тыс. до н.э. шумерские города стали все чаще вступать в военные конфликты друг с другом. Сначала гегемония одного города над другими не означала, по-видимому, какого-либо вмешательства во внутренние дела этих городов. Представители местных городских династий оставались на своих постах, сохранялось поклонение местным богам, в подчиненных городах не было никаких следов присланного из города-гегемона военного или административного персонала.

Постепенно конфликты становились все более ожесточенными, затрагивая также города на территории Аккада, иногда распространяясь даже за пределы Месопотамии: оппонентами правителя Лагаша Эанатума выступали Элам и даже Мари. Приграничный конфликт между Лагашем и соседним городом Уммой длился на протяжении жизни нескольких поколений. Благодаря случайной удаче в ходе археологических раскопок, исследователи получили возможность проследить развитие этой ситуации в мельчайших деталях [Соорег, 1983b]. Этот конфликт разрешился около 2350 г. до н.э. Победителем оказался город Умма, объединившийся с городами Урук и Ур. Правитель этого нового объединения Лугальзагеси разрушил Лагаш и впервые объединил под своей властью весь Шумер.

Династия Аккада. Это объединение продержалось недолго. Вскоре Лугальзагеси потерпел поражение от Саргона Аккадского. Саргон, объединив под своей властью всю Месопотамию, создал новое государство, столицей которого стал город Аккад, находившийся, возможно, поблизости от Киша. Город Аккад дал свое имя и династии Саргона, и языку, на котором Саргон говорил, и стране, в которой он жил. Царствование Саргона продолжалось 55 лет. Уже в его правление начались первые восстания покоренных территорий, которые ему пришлось подавлять.

Наследовавшие ему сыновья, Римуш, а затем Маништушу, погибли в результате дворцовых заговоров, но внук Нарам-Син успешно продолжал завоевательную политику Саргона, став героем многих легенд и преданий. Границы государства, которым он управлял, охватывали не только всю Вавилонию, но и Северную Месопотамию, Сирию и Западный Иран. Ряд военных операций Нарам-Сина запечатлен на его стелах и памятниках, дошедших до наших дней. Знаменитая стела Нарам-Сина, найденная при раскопках в Сузах (сейчас хранится в Лувре, впервые была издана в:

Mémoires du Délégation en Perse. P., 1900. V. 1, табл. X), запечатлела победу Нарам-Сина над горными племенами Луристана (луллубеями). Эти памятники представляют особый интерес, поскольку сохранилось очень мало скульптурных изображений аккадского времени.

Известно, что во все время правления Аккадской династии и в отдаленных провинциях, и в Шумере постоянно происходили мятежи и восстания против центральной власти. Аккадское государство просуществовало немногим более ста лет, после чего оно распалось, и на территории Южной Месопотамии вновь образовалось множество мелких независимых политических структур, которые оказались легкой добычей горных племен с востока. Именно кутии, северные соседи луллубеев, против которых так упорно боролся Нарам-Син, опустошили земли Аккада. Это произошло в правление преемника Нарам-Сина, Шар-кали-шарри. Власть Аккада рухнула, и государство Саргона распалось. Месопотамия управлялась полуанонимными варварами, которые оставили после себя очень мало памятников и надписей [Halla, 1957–1971].

В исторической науке долгое время Аккад рассматривался как стартовая точка процесса политического развития Месопотамии, в настоящее время период династии Аккада представляется, главным образом, как кульминация длительного процесса предшествующего развития [Liverani, 1993]. Причиной этого изменения во взглядах является существенное расширение знаний и о периоде Аккада, и о предшествующем периоде истории Месопотамии. Большая литература посвящена этническим проблемам Месопотамии III тыс. до н.э., существование которых зачастую не учитывалось ранее. При этом саргоновский период рассматривается не изолированно, а в контексте всей истории Месопотамии III тыс. до н.э. (см. раздел «Шумеры и аккадцы»).

Утверждение, что в период правления саргоновской династии культура Юга (Шумера) широко распространилась на север и северо-запад, также пришлось пересмотреть, поскольку было доказано, что на Севере задолго до Саргона уже существовали письменность и городская культура (см. раздел «Дихотомия Севера и Юга»). Скорее, в этот период происходил процесс комплексного взаимовлияния культур всего региона Месопотамии и Северной Сирии.

Показателем нового исторического подхода к изучению истории аккадского периода является значительная переоценка характеров

исторических личностей того времени. Историки начала века, да и некоторые работавшие позднее, считали Саргона лидером, успешно порывавшим со старыми традициями и коренным образом изменившим государственные институты. В пионерской работе Х. Гютербока, посвященной традициям Аккадской династии, фигуры Саргона и Нарам-Сина трактуются двояко: Саргон как удачливый основатель новой династии, каким он воспринимался и в древности, в то время как Нарам-Син был *Unheilsherrscher*, чьи амбиции и дерзость привели династию к краху [Güterbock, 1934]. Современные исследователи несколько изменили точку зрения. Саргон сейчас считается «пре-саргонидом», а настоящими новаторами, по-видимому, были наследники Саргона Нарам-Син и Шар-кали-шарри. Взгляд на Саргона по-прежнему преимущественно позитивный, в то время как взгляд на Нарам-Сина изменился [Liverani, 1993].

Традиция, которая рассматривала Нарам-Сина как человека чрезмерно самоуверенного, не уважающего божественные предсказания и наказанного за это набегами варварских орд на страну, которой он управлял, долгое время не подтверждалась никакими историческими свидетельствами, а посвященный этой теме текст «Проклятие Аккада» как будто даже противоречил известным нам историческим фактам [Соорег, 1983а]. Однако опубликованные в последнее время новые данные показывают, что литературные тексты, описывающие завоевания Нарам-Сина и мощное восстание против него, имеют, по-видимому, историческую базу, а скептицизм исследователей относительно достоверности их исторического содержания, возможно, не совсем оправдан [Foster, 1990; Kutscher, 1990].

Причиной крушения Аккадской империи некоторые авторы считают серьезные климатические изменения, произошедшие в последней четверти III тыс. до н.э. «Широкомасштабные изменения климата», затронувшие территорию от Юго-Восточной Европы до Индии, превратили огромные территории в пустыни и привели в движение огромные массы населения, вынудив их искать новые места для обитания. В частности, это касается и кутиев, которых эти же авторы локализуют к северу от равнины Хабур и/или долины Диярбакыра. Сокращение водных ресурсов Евфрата к 2400 г. до н.э., по-видимому, поставило предел экстенсивному развитию сельского хозяйства в Шумере [Courty, Weiss, 1993].

Другая причина падения Аккадского государства, которая рассматривается исследователями, это агрессивная политика Аккада в отношении периферии, которая вызвала там серьезную дестабилизацию. В конце концов, эта дестабилизация выплеснулась из периферии внутрь страны в форме нашествия кутиев [Liverani, 1993].

III династия Ура. После падения Аккадской династии власть в Месопотамии перешла в руки кутийских вождей. Они называли себя царями, но, скорее всего, их избирали на определенный срок на собрании воинов племени. Кутии, по-видимому, сами не правили в Месопотамии, но были заинтересованы в получении дани, которую собирали для них местные аккадские и шумерские правители [Дьяконов, 1959; Hallo, 1957–1971]. В Шумерском царском списке не упоминаются соперники кутиев, но есть много свидетельств того, что задолго до их окончательного изгнания в разных городах Месопотамии правили местные династии.

Большое количество надписей и памятников материальной культуры сохранилось от времени правления так называемой II династии Лагаша, среди представителей которой наиболее известен Гудеа. Надписи, составленные от его имени, и скульптурные изображения его самого и членов его семьи послужили источником для многочисленных исследований [Edzard, 1997]. Относительно точного времени правления этой династии существуют разные точки зрения. Одни исследователи считают, что II династия Лагаша правила при кутиях до воцарения III династии Ура [Дьяконов, 1983], другие уверены, что правление этой династии совпадало по времени с правлением основателя III династии Ура Ур-Намму и даже его сына Шульги [Steinkeller, 1988].

В конце XXIII в. до н.э. Утухегаль, правитель Урука, сумел прогнать кутиев, и ситуация в Шумере несколько стабилизировалась. Наместник Утухегалья в Уре (и, вероятно, его родственник) Ур-Намму после трагической гибели Утухегалья основал в Уре новую династию, которая около ста лет правила всей Месопотамией и соседними восточными территориями. Современные исследователи условно называют эту династию «третьей династией Ура» (Ур III).

Ур-Намму принял титул «царя Шумера и Аккада», что свидетельствовало о притязании на власть над всей Вавилонией. Однако, судя по некоторым текстам, реально он контролировал только

Южную Вавилонию [Steinkeller, 1987]. Даже если допустить, что Ур-Намму действительно объединил Вавилонию, нет никаких сомнений, что настоящим основателем государства III династии Ура был его сын и наследник Шульги. Есть серьезные основания полагать, что так называемые Законы Ур-Намму, создание которых, как следует из их условного названия, приписывалось Ур-Намму, на самом деле принадлежат Шульги [Yildiz, 1981; Kramer, 1983].

Во второй половине правления Шульги, которое длилось 48 лет, государство III династии Ура вступило в период быстрой территориальной экспансии, которая была направлена, главным образом, на восток от Тигра и в Юго-Западный Иран. Процесс подчинения этих территорий и включения их в состав государства III династии Ура, который начался в 24 году правления Шульги, был завершен вскоре после его смерти.

Завоевательная внешняя политика сочеталась с активной политикой внутри государства. Именно в это время была проведена серия важнейших политических, административных и экономических реформ, в результате которых Вавилония превратилась в высоко централизованное бюрократическое государство.

Изучение письменных памятников времени Шульги и всего периода III династии Ура привело исследователей к заключению, что все эти реформы были проведены согласно заранее продуманному грандиозному плану, автором которого был, несомненно, сам Шульги. Об этом говорит и краткость периода, за который они были осуществлены (менее 20, а скорее 10 лет), и исключительная согласованность всех уровней государственных структур III династии Ура.

В сфере экономики наиболее важным результатом реформ Шульги был переход всех храмовых хозяйств под фактический контроль государства. Шульги, как до него аккадские цари, создал новую категорию земли: землю короны. Эта земля распределялась в виде наделов за службу между воинами и другим зависимым персоналом.

Полное описание административной и экономической организации государств III династии Ура требует чтения и анализа тысяч хозяйственных и юридических документов, сохранившихся от того времени. Пока эта работа не сделана, читатели могут рассчитывать только на предварительный и достаточно спорный очерк на эту тему [Steinkeller, 1987; Sallaberger, 1999].

На рубеже III и II тыс. до н.э. сложные внутренние проблемы, а также сильное давление соседей с востока и запада привели к крушению государства. К 2000 г. Южная Месопотамия снова представляла собой систему относительно независимых городов-государств. Один из этих городов Исин выступил наследником III династии Ура и продолжателем его традиций во II тыс. до н.э.

Шумерский царский список. Одним из важнейших источников по истории Месопотамии III тыс. до н.э. является текст, который условно называется «Шумерский царский список». Название отражает содержание текста; в древности он не имел отдельного названия и обозначался, как и другие литературные или исторические тексты, по словам первой строки.

Шумерский царский список представляет собой перечень царей и царских династий, которые, по мнению составителей списка, поочередно и последовательно правили в ряде городов Месопотамии от начала мира и до времени составления списка — конца III тыс. до н.э. (или его копирования, начала II тыс. до н.э.?). Указывается имя царя, продолжительность его правления. Иногда эта запись сопровождается небольшими примечаниями, касающимися личности или деяний данного царя. В конце перечня правителей каждой династии подводится общий итог продолжительности ее правления, т.е. продолжительности пребывания царственности в данном городе.

Содержание текста примерно таково. В начале времен по воле богов с небес спустилась царственность (**nam-lugal**), и затем она последовательно переходила из города в город, поскольку одновременно только один город мог быть местом ее пребывания. До Потопа у власти поочередно находились правители пяти городов: Эреду, Бад-тибира, Ларак (археологически не известен), Сиппар, Шуруппак. Судя по данным археологии, эти города были заселены и существовали еще в Протописьменный период. Согласно одной из редакций списка 8 (по другому варианту 10) царей царствовали в них 241 200 лет. Затем произошел Потоп и воцарился хаос. Во второй раз царственность спустилась с небес в город Киш. Послепотопные города: Киш, Урук, Ур, Адаб, Акшак и, в конце, Исин (в пределах Южной Месопотамии) и Мари, Аван, Хамази (за пределами Южной Месопотамии). Сроки правления первых послепотопных царей остаются фантастически длительными,

но, начиная с последнего правителя I династии Урука Урнунгаля, сына Гильгамеша, они становятся вполне реальными.

Впервые текст Шумерского царского списка с подробными филологическими и историческими комментариями был издан Т. Якобсеном [Jacobsen, 1939a]. Эта публикация положила начало многолетним дискуссиям по самым разным проблемам, связанным с чтением и пониманием этого текста и других его вариантов и копий.

Относительно времени составления списка существуют две основные точки зрения: 1) время III династии Ура, т.е. конец III тыс. до н.э. и 2) время I династии Исины, т.е. начало II тыс. до н.э. Т. Якобсен считал, что данные орфографии, стилистические и концептуальные особенности текста позволяют отнести составление самой ранней версии списка к правлению Утухегалю и III династии Ура [Jacobsen, 1939a]. По мнению Ф. Крауса и ряда других исследователей, царский список был составлен при царях I династии Исины [Kraus, 1952]. П. Михаловски высказал предположение, что он был составлен как политическая хартия, которая должна была придать легитимность правлению династии Исины, претендовавшей на роль преемников III династии Ура [Michalowski, 1983]. К. Вильке привел серьезные аргументы в пользу мнения, что самая ранняя версия текста была создана при Ур-Намму или Шульги [Wilcke, 1989].

По-разному исследователями решался и вопрос о значении царского списка как исторического источника. Т. Якобсен считал, что тщательный и критический анализ литературных и идеологических тенденций списка дает возможность произвести достаточно точную реконструкцию истории Шумера, начиная с правления Этаны, царя I династии Киша [Jacobsen, 1939a: 165ff.]. Однако, по мнению П. Михаловски, «нет никаких оснований доверять фактам, описанным в Шумерском царском списке» [Michalowski, 1983: 243ff.], и в настоящее время невозможно создать на его основе связный текст, который отражал бы историческую реальность. Скептицизм в этом отношении проявил и Д. Эдзард [Edzard, 1981].

Наиболее взвешенным представляется мнение по этому поводу Я. Клейна, который считает, что какие бы источники не использовал составитель списка для описания последовательности династий (так же, как и для заметок по тому или иному поводу,

которыми сопровождаются многие имена), эти источники были относительно объективны и надежны, хотя, несомненно, были отобраны и подверглись определенной обработке в духе существовавшей тогда идеологии [Klein, 1983: 123–129]. Таким образом, Я. Клейн соглашается с Т. Якобсеном в том, что критический подход к тексту позволит найти в нем некоторые реальные исторические факты.

По мнению И.М. Дьяконова, список не являлся «первоисточником». Он представляет собой ретроспективный свод исторических событий, составленный значительно позже того, когда эти события реально происходили. С точки зрения современного исследователя он имеет ряд явных изъянов: фантастическая продолжительность правления отдельных правителей, особенно допотопных, ряд названных в нем последовательными династий на самом деле правили одновременно, каждая в своем городе и т.п. Однако игнорировать список как исторический источник нельзя, тем более что целый ряд сведений, содержащихся в нем, были подтверждены данными других документов того времени [Дьяков, 1983].

Тщательные исследования текста списка позволили выявить в нем много нового и ранее неизвестного. Одной из важных особенностей, отличающих его, является то, что царственность здесь переходит не от династии к династии, а от одного города к другому. Термин «династия» употребляется исследователями условно, так как далеко не всегда между правителями была родственная связь.

По мнению В. Халло, географический принцип, лежащий в основе шумерского списка, противоположен принципу генеалогическому, лежащему в основе аккадских царских списков. Именно города стоят в центре внимания автора текста, и шумерский список надо рассматривать «не столько как список царей, сколько как список городов» [Hallo, 1982].

Явное отсутствие в тексте генеалогического принципа неоднократно вызывало удивление исследователей. Шумерский царский список «утверждает легитимность ситуации, согласно которой город по воле богов располагает на некоторое время царственностью, после истечения этого временного периода царственность переходит к другому городу, но в списке абсолютно отсутствует представление о легитимности передачи власти в рамках отдельной семьи» [Lambert, 1974a].

Среди многочисленных публикаций по этой проблеме важное место занимает исследование К. Вильке [Wilcke, 1989]. Автор тщательно проанализировал текст, проследив базовые принципы географии и генеалогии, которые были заложены в шумерском тексте при его создании в период Ур III до того, как он стал использоваться как политическая хартия царей I династии Исины. По его мнению, география упомянутых в тексте городов, служивших местом пребывания царственности, указывает на границы государства III династии Ура и подвластные ей территории. К. Вильке выдвинул предположение о том, что в основе лежала искусственно созданная генеалогическая система. Все упоминавшиеся в списке цари были соединены в единую линию предков царей III династии Ура, но не в смысле непрерывного биологического родства, а в плане непрерывной преемственности в наследовании статуса царственности.

По мнению К. Вильке, в оригинале текста «допотопная» часть, по-видимому, отсутствовала, она была добавлена позднее. Изначально, по мнению этого исследователя, шумерский список состоял из двух частей. Первая часть начиналась в мифическом прошлом после Потопа с периода анархии, затем продолжилась I династией Киша, и постепенно переходила в историческое время с династией из Аккада и III–IV династиями Урука. Вторая часть также начиналась с периода анархии, который был вызван тираническим правлением кутиев после падения династии Аккада. В обеих частях царственность с севера переносилась на юг усилиями Урука и затем переходила в Ур. В первой части Ур обретал царственность только на время, но во второй, несомненно, предполагалось, что царственность останется в Уре навсегда [Wilcke, 1989].

В дополнение к тексту Шумерского царского списка, изданному Т. Якобсеном, впоследствии было найдено и опубликовано еще несколько его копий и фрагментов [Civil, 1969]. Одна из ниппурских копий Шумерского царского списка, обнаруженная в музее Хайфы и опубликованная Я. Клейном, содержит интересные добавления и разночтения, в том числе новый синхронизм между Энмебарагеси, царем I династии Киша, и Думузи, царем I династии Урука, который, по-видимому, отражает неизвестный ранее вариант исторической традиции о Гильгамеше. В этой же статье имеется и подробная библиография изучения текста Шумерского царского списка [Klein, 1991].

При сравнении Шумерского царского списка и «*Babyloniaca*» Бероса — вавилонского историка, жившего в IV в. и написавшего историю Месопотамии по-гречески — обнаруживаются интересные совпадения, особенно в освещении самого раннего, допотопного, периода [Burstein, 1978].

Исследователи Шумерского царского списка обратили внимание на полное отсутствие в тексте упоминаний о таких важных шумерских городах, как Лагаш и Умма. Возможно, это было вызвано политическими разногласиями между этими городами и Уром. Большой интерес в этой связи представляет опубликованный Э. Солльберже текст, условно названный «Правители Лагаша» [Sollberger, 1967]. Он представляет собой оригинальную композицию, созданную, вероятно, в середине старовавилонского периода как лагашский вариант шумерского списка, возможно даже как пародия на классический урский вариант.

Так же, как в шумерском списке, в тексте описывается зарождение и развитие цивилизации и идет перечень правителей. Хронологические рамки текста — от Потопа до правления Гудеа. Однако если в шумерском списке царственность последовательно переходит от города к городу, в лагашском варианте все правители происходят из Лагаша и правят непрерывно от времени Потопа. В списке правителей можно выделить отдельные «династии»: внутри каждой из них у правителей имена сходного типа и у всех правителей «династии» один «личный бог». О смене «династий» можно судить именно по смене «личного бога» правителей. Э. Солльберже отмечает, что составитель текста, как ни странно это может показаться, по-видимому, плохо представлял себе исторические реалии Лагаша: в тексте много явных ошибок, имена правителей в большинстве своем либо перепутаны, либо написаны неправильно. Тем не менее текст «Правители Лагаша» представляет собой исключительный исторический интерес.

Совсем недавно был опубликован еще один ранее неизвестный вариант текста Шумерского царского списка, исключительно интересный и важный по содержанию, который издатель условно обозначил как Урский шумерский царский список [Steinkeller, 2003]. Происхождение таблички, на которой сохранилась примерно половина записанного текста, неизвестно. Издатель, исходя из содержания текста, предполагает, что он мог быть написан в Адабе.

Судя по датировочной формуле, заканчивающей текст, данный вариант был записан во второй половине правления царя Шульги. Что касается времени создания текста, то издатель предлагает гипотетический вариант трехэтапного развития текста: оригинал был создан в аккадский период, вторая переработанная версия записана в Уруке во времена Утухегалья, третья (опубликованная П. Штайнкеллером) версия была доработана в Адабе и записана здесь в правление Ур-Намму или Шульги.

Текст Урского шумерского царского списка значительно отличается от уже известного варианта. В нем перечисляется гораздо меньше династий, более сжатые формулировки, отсутствуют примечания к именам правителей. Именно этот текст или его вариант, как считает автор, был постепенно переработан, по-другому структурирован, дополнен отдельными нарративными фрагментами и дошел до нас в виде текста Шумерского царского списка, изданного Т. Якобсеном.

Как считает П. Штайнкеллер, различие в содержании двух списков отражает разные представления их авторов о ходе исторического процесса. Если в шумерском прошлое рассматривается как цепь, состоящая из отдельных постоянно повторяющихся звеньев (**bala**): царственность постоянно циркулирует внутри определенного круга городов, переходя от города к городу, то в урском, по мнению издателя, прошлое понимается как линейный однопавленный процесс.

Шумеры и аккадцы. Немногим более ста лет назад творцами месопотамской цивилизации считались аккадцы (авилоняне и ассирийцы), а о существовании шумеров вообще не было известно. Шумер как страна и шумеры как народ не оставили никаких заметных следов в той исторической литературе, которая была доступна энтузиастам и ученым, начавшим в середине XIX в. раскопки в Месопотамии в поисках дворцов ассирийских и вавилонских царей, упоминавшихся в Библии.

Один из первых исследователей клинописи Э. Хинкс еще в 1852 г. высказал предположение, что клинопись имела несемитское происхождение, судя по непригодности этой системы письма к передаче семитского языка. Это предположение подтвердилось, когда через несколько лет среди ассирийских табличек, найденных Г. Раулинсоном в Ниневии, оказались двуязычные тексты (билингвы), в которых параллельно уже достаточно хорошо

дешифрованному аккадскому тексту шел текст на совершенно неизвестном науке языке. Далеко не сразу удалось определить, как следует называть неизвестный язык и какому народу он принадлежал.

Термин «шумерский» впервые был предложен Ю. Оппертом еще в 1869 г., но окончательно его правильность была доказана им в 1889 г., после чего понятия «Шумер» и «шумеры» («шумерийцы») окончательно вошли в научный обиход [Cooper, 1993]. Конец 80-х гг. XIX в., когда были сделаны первые многочисленные находки шумерских текстов, можно считать началом зарождения новой отрасли гуманитарного знания — шумерологии, одной из самых молодых ветвей исторической науки.

Признание шумеров древнейшим населением Месопотамии, строителями первых городов и создателями письменности в корне меняло установившиеся к тому времени представления о древней истории этого региона. Цивилизация Месопотамии, которую ранее рассматривали как воплощение духовной и практической деятельности единого (аккадского) этноса, предстала как результат симбиоза двух совершенно разных по языку этнических групп.

Сами понятия «Шумер» и «шумеры», как только они появились в исторической науке, стали предметами ожесточенных споров, отражавших не столько столкновение мнений, сколько столкновение разных идеологических позиций. Особенно острым стал вопрос о приоритетах, о роли каждого из этносов в создании цивилизации, о характере их взаимодействия: было ли оно мирным или существовали конфликты. Это и неудивительно, учитывая, что вопрос о взаимодействии и сосуществовании разных этнических групп был большим вопросом для Европы, по крайней мере, со второй половины XIX в.

В последней четверти XIX в. в научных кругах велись оживленные, иногда даже ожесточенные дебаты относительно того, существовали ли шумеры вообще. Большинство исследователей утверждали, что шумеры создали цивилизацию Месопотамии, изобрели клинописное письмо, которое они передали вместе с другими элементами цивилизации семитам: вавилонянам и ассирийцам, пришедшим в Месопотамию после них. Меньшинство настаивало на том, что месопотамская цивилизация была создана семитским народом, а шумерские тексты были в действительности семитскими текстами, написанными *in a hieratic mode*.

Организатором и главой этого «анти-шумерского» движения был ведущий специалист Франции в области языкознания Йозеф Галеви. Именно ему принадлежала теория о том, что шумерский язык, язык создателей клинописного письма, вовсе не был языком, а был просто более примитивным способом написания для аккадского языка. И. Галеви утверждал, что все памятники месопотамской цивилизации были творением единой расы — семитской — и что ни географические названия Месопотамии, ни свидетельства библейских и классических авторов, ни традиции самих ассирийцев и вавилонян не показывают присутствия каких-либо иных этнолингвистических групп, помимо семитов, в ранней Месопотамии. Названия Шумер и Аккад отражали географическое или политическое разделение территории, но не этнолингвистическое. При отсутствии упоминаний о других этнолингвистических группах все институты ассирио-вавилонской цивилизации должны пониматься как достижения семитов, в том числе и система клинописного письма [Соорег, 1993].

Основная масса месопотамских материалов, которые были доступны для изучения в то время, когда И. Галеви выдвинул свою теорию, происходила из Ассирии I тыс. Шумерская проблема стала постепенно решаться только с 1884 г., когда начали появляться материалы III тыс. до н.э. из раскопок французской экспедиции в Телло. Впервые археологи раскапывали сам Шумер. Однако результаты появились не сразу.

В 1889 г. Фридрих Делич объявил о своем согласии с И. Галеви в первом издании своей аккадской грамматики [Delitzsch, 1889], в его поддержку также склонялся и Ф. Тюрро-Данжен. В 1897 г. на международном конгрессе востоковедов в Париже ассириологов даже попросили проголосовать поднятием рук за или против существования шумерского языка. Против проголосовали только двое — Ф. Тюрро-Данжен и Я. Иеремиас [Соорег, 1993]. Однако количество ранних текстов, найденных в Месопотамии все увеличивалось, и их изучение достаточно быстро заставило и этих выдающихся исследователей отвергнуть идеи И. Галеви [Delitzsch, 1898; Thureau-Dangin, 1905/1907]. Сам И. Галеви, тем не менее, вплоть до своей кончины в 1917 г. продолжал отстаивать свою позицию, публикуя огромное количество статей и монографий на эту тему.

Десятилетия напряженной работы археологов, лингвистов, историков, среди которых было немало выдающихся ученых,

привели к тому, что постепенно были выявлены и исследованы основные этапы ранней истории Месопотамии (до конца III тыс. до н.э.) и выработан более или менее общепринятый взгляд на роль и место шумеров и аккадцев в истории Месопотамии и всего древнего Ближнего Востока.

В обобщающей работе Л.В. Кинга [King, 1910] ранняя история Месопотамии рассматривалась как драматический конфликт между шумерами и семитами (аккадцами), в ходе которого шумеры были полностью истреблены. Предположение о существовании «расового» конфликта между шумерами и аккадцами на несколько десятилетий стало ведущим в науке вплоть до выхода в 1939 г. статьи Т. Якобсена [Jacobsen, 1939]. Выдающийся исследователь подошел к решению этого вопроса с чисто гуманистических позиций. Он доказывал, что нет никаких свидетельств существования этнических конфликтов между двумя древними народами, а исследователи, настаивавшие на их существовании, находились под сильным влиянием современной им политической обстановки.

Предположение Т. Якобсена о сильном влиянии на исследователей окружавшей их идеологической атмосферы в определенной степени относится и к нему самому. Многие ассириологи, затрагивавшие, как и сам Т. Якобсен в своих трудах 30–60-х гг. XX в., проблему взаимоотношений двух древних народов, находились под сильным влиянием того отвращения, которое они испытывали к идеологии нацизма и его теории расового превосходства. Они полностью разделяли распространенные среди европейской интеллектуальной элиты того времени идеалистические настроения и надежду на то, что этнические разногласия можно решать мирными путями [Соопер, 1993]. Тезисы Т. Якобсена были поддержаны многими видными исследователями, и проблема казалась окончательно решенной.

Тема взаимоотношений шумеров и аккадцев оказалась на некоторое время попросту закрытой, так как само обращение к ней, попытка выявить и исследовать различия между двумя древними народами, могло послужить поводом для обвинения в приверженности к последователям расовой теории. Лишь спустя десятилетия после выхода статьи Т. Якобсена стали появляться публикации, авторы которых решились вновь затронуть эту проблему.

Показательной в этом отношении была 9-я международная ассириологическая конференция (Женева, 1960), посвященная

вопросам взаимовлияния шумерской и аккадской культур [Дьяконов, 1963]. Тезис Т. Якобсена об отсутствии каких-либо расово-этнических различий между шумерами и аккадцами и конфликтов на этой почве никем не опровергался. Действительно, как отмечал И.М. Дьяконов, в древних обществах «этническая общность, хотя объективно и существует, но либо вовсе не осознается, либо не играет политической роли», и таким образом тезис Т. Якобсена правилен а priori и не может быть опровергнут [Дьяконов, 1963: 174]. Однако отсутствие расово-этнических противоречий и конфликтов на этой почве, по мнению многих выступавших, вовсе не означало полное отсутствие различий между этническими группами.

По мнению Д.О. Эдзарда, контакты между двумя древними народами, шумерами и аккадцами, начались с момента их появления в Двуречье, когда происходила совместная или одновременная колонизация долины Двуречья аккадцами и шумерами. Первые занимали север, а вторые юг Нижней Месопотамии. При этом аккадские политические традиции (централизованное государство под властью царя) отличались от шумерских (теократическое государство). Между двумя этносами происходили постоянные контакты и взаимное смешение, которое, в конечном счете, привело к аккадизации населения Месопотамии при ведущей роли шумерской культуры [Edzard, 1960].

Д.О. Эдзарду первому принадлежала гипотеза о том, что шумерскому теократическому государству был чужд институт рабства, и само слово «раб» в применении к чужаку военнопленному было заимствовано шумерами из аккадского языка. Следуя за А. Фалькенштейном, он поддерживал и предположение о том, что шумеры, в отличие от аккадцев, не знали частной собственности на землю [Edzard, 1957: 9, n. 3].

Выдающийся ассириолог И. Гельб, выступая на конференции, заявил, что Т. Якобсен, смешивая «расу» с «этносом», «ломится в открытую дверь», упрекая ряд видных западных историков древности в расизме. При том, что в древней Месопотамии, безусловно, отсутствовал расовый антропологический антагонизм, говорить об отсутствии этнических конфликтов было бы неверно. Как указал И. Гельб, с начала III тыс. до н.э. в Южной Месопотамии наблюдается наличие двух этносов: шумерского на юге и аккадского на севере. В середине III тыс. до н.э. началось оттеснение шумерского элемента и усиление аккадского. Начиная с периода Аккада

(XXIV–XXIII вв.) шумерский юг «должен был терпеть сильное проникновение аккадского влияния». Аккадское государство было деспотическим, тогда как шумерские государства таковыми не были. Аккадские цари вели двойственную политику, поддерживая древние шумерские культы, и в то же время уничтожая шумерские города. Именно это, по мнению И. Гельба, являлось свидетельством существования «этнического конфликта», т.е. конфликта между двумя народами, завоевателями и завоеванными, который имел политические корни и не привел к этническому антагонизму между этими народами. Период III династии Ура исследователь считал временем шумерского ренессанса, а в старовавилонский период произошла «полная ассимиляция шумеров и аккадцев в один вавилонский этнос» [Дьяконов, 1963: 174–178].

Предмет спора, касавшегося взаимоотношений двух древних народов, был, по-видимому, сформулирован недостаточно корректно; основные термины (раса, этнос) разными исследователями понимались по-разному. Само выражение «этнический конфликт» вызывало у поколения, пережившего Вторую мировую войну и все ужасы фашизма, совершенно определенные ассоциации, особенно если один из этносов, участвовавших в предполагаемом конфликте, был семитским, и не давало возможности достаточно объективно отнестись к предмету спора, уточнить понимание терминов и спокойно проследить логику доказательств. Тезис Т. Якобсена о том, что шумеры и аккадцы различались только по языку, по-прежнему разделялся многими исследователями [Kraus, 1970; Becker, 1985].

Активное развитие мировой исторической науки в сочетании с массой выдающихся археологических открытий, сделанных на территории древнего Ближнего Востока во второй половине XX в., внесли существенные коррективы в представления о ранней истории этого региона, показали, что ситуация была во многом гораздо более сложной и многообразной, чем представлялось ранее, и вызвали к жизни огромное количество работ по самым разным аспектам данной тематики.

Изменилось и понимание процесса развития Шумера, взаимоотношений Шумера и Аккада и той роли, которую Шумер и Аккад сыграли в истории Месопотамии и всего древнего Ближнего Востока. Исследователи вплотную подошли к созданию новой парадигмы ранней истории Месопотамии.

Дихотомия Севера и Юга. К началу 1960-х гг. ранняя история Месопотамии и всего древнего Ближнего Востока выстраивалась в достаточно ясную и последовательную схему: поскольку древнейшие памятники (и письменные и памятники материальной культуры), найденные здесь, принадлежали шумерам, шумерская цивилизация считалась древнейшей цивилизацией Ближнего Востока. Отсюда свет цивилизации распространялся по всему миру. Шумер, окруженный со всех сторон кочевыми племенами семитов, культурно доминировал в Вавилонии и на огромных территориях к западу от нее, от Персидского залива до побережья Средиземного моря.

Эти взгляды, наиболее четко сформулированные С. Крамером, с чьим именем связывают возникновение школы «История начинается в Шумере» [Kramer, 1963], разделялись большинством исследователей того времени. Однако с начала 1970-х гг. теория «паншумеризма» постепенно начала терять свои позиции. Это было связано с рядом выдающихся археологических открытий, сделанных на огромной по протяженности территории от Северной Сирии до Ирана и берегов Персидского залива.

Большинство современных исследователей ранней истории Месопотамии проводят четкие различия между двумя регионами внутри Южной Месопотамии (Вавилонии): между верхней (Северная Вавилония, Аккад) и нижней (Южная Вавилония, Шумер) частями аллювия. Термин «Вавилония» выглядит сейчас в некотором роде анахронизмом, но его удобно использовать как географическое название территории Месопотамии от места, где ближе всего сходятся Тигр и Евфрат на юг до Персидского залива.

Оказалось, что север и юг Вавилонии, по крайней мере, уже в начале Раннединастического периода представляли собой разные системы, которые в своем политическом и социально-экономическом развитии шли совершенно разными путями. Не будет преувеличением сказать, что последующая история Месопотамии, по крайней мере до 1500 г. до н.э., определялась различной природой этих двух систем.

Первым заметил эти различия и начал их исследование выдающийся американский ассириолог И. Гельб. Еще в 1960 г. он опубликовал статью, в которой высказывал мнение о существовании в Раннединастический период так называемой «кишской традиции» (Kish Tradition), отдельной и от родственной ей аккадской, и от

шумерской. Выводы автора основывались на исследовании аккадских царских надписей, текстов из Фары и Шумерского царского списка. Новые материалы, обнаруженные археологами, позволили И. Гельбу расширить и более твердо обосновать свою теорию.

Радикальные изменения в понимание исторических процессов, происходивших в IV—III тыс. до н.э. на территории Северной Сирии и Северной Месопотамии, и тех контактов, которые существовали в этот период между этими регионами и Шумером, внесло важнейшее археологическое открытие, сделанное при раскопках холма Телль-Мардих в 55 км к югу от Алеппо (Северо-Западная Сирия). В начале 70-х гг. XX в. раскопки итальянской археологической экспедиции обнаружили здесь древний город Эблу. В огромном дворце был найден архив, состоявший из 20 тыс. клинописных табличек, написанных на «эблаитском» языке (см. выше об использовании клинописи для семитских языков) и датировемых серединой III тыс. до н.э. Первые публикации эблаитских текстов появились в 1975 г. [Pettinato, 1975], а в последующие десятилетия изучение Эблы стало фактически отдельной областью ассириологии. Ежегодно появляются десятки публикаций, перечислению которых отводится заметное место в выпусках «*Keilschriftbibliographie*».

Открытие Эблы и эблаитской письменности полностью перевернуло старые представления о развитии этого региона в период ранней древности: до этого считалось, что Сирия не имела письменности и достаточно развитого урбанизма по крайней мере до конца III тыс. до н.э. Правда, на границе Сирии и Ирака были найдены статуи из Мари с шумерскими надписями, но эта находка считалась исключением. Город Мари, единственный сирийский город, включенный в Шумерский царский список, рассматривался как самый отдаленный северо-западный аванпост шумерской культуры.

Находки археологов показали, что уже в середине III тыс. до н.э. в Северной Сирии существовала письменность, развитая система государственного управления, налаженная межрегиональная торговля, которая находилась под контролем государства.

В связи с этим открытием исследователям пришлось пересмотреть установившиеся взгляды относительно взаимодействия двух главных этнолингвистических групп, населявших Месопотамию — шумеров и семитов. Изучение памятников Эблы привело

некоторых исследователей к заключению, что «эблаитский» язык — самый древний из известных нам семитских языков, что мощная «Эблаитская империя» простирала свою политическую власть вплоть до Аккада, а культурное влияние — вплоть до Абу-Салабиха [Pettinato, 1975].

Это предположение не учитывало многих уже известных тогда науке фактов: присутствия семитов в Южной Месопотамии уже в Раннединастический период [Biggs, 1967], существования архаических кудурру и votивных надписей на семитском языке, сведений об исключительном политическом влиянии царей Киша в Раннединастический период и ряда других данных. И. Гельб, который много работал над изучением языка и письменности Эблы, предложил свою гипотезу относительно политического и культурного развития территории Северной Сирии и Месопотамии в IV—III тыс. до н.э. [Gelb, 1981].

По его мнению, почти одновременно с шумерской на севере возникла другая высоко развитая цивилизация. Эту гипотетическую цивилизацию, которая, по мнению автора, занимала огромное пространство между Кишем и Абу-Салабихом на юге и Эблой и Мари на севере, И. Гельб предложил назвать Kish Civilization. Фундамент этой цивилизации, по мнению автора, первоначально возник вокруг города Киш, а в Раннединастический период ее влияние распространились до Эблы. И. Гельб считал, что нельзя говорить об унифицированном политическом контроле над всей территорией. Цари Киша правили в Кише и его территории, цари Эблы — в Эбле, а Мари периодически было либо независимым, либо под контролем Киша или Эблы. Kish Civilization понималась автором как некое культурное единство, «в широком смысле семитская культурная территория в противоположность в данном случае шумерской культурной территории».

И. Гельб рассматривал Kish Civilization в трех аспектах: этнолингвистическом, политическом и культурном. Он предполагал, что в Раннединастический период на территории вокруг Киша существовала локальная лингвистическая общность, которая могла быть отличной и отдельной от староаккадского языка саргоновского периода и от языка Эблы — Мари. Называя этот ранний язык северной Вавилонии «кишитским», автор высказал предположение, что родиной аккадцев, которые при Саргоне основали новую династию в Вавилонии, был не Аккад в Вавилонии, но

территория к северу от собственно Вавилонии, ограниченная Тигром, Верхним Забом, горами и районом Диялы.

Среди культурных характеристик, общих для всех или почти всех территорий Kish Civilization, автор указывает на следующие: связь «кишитского» языка с языками Эблы и Мари; более-менее унифицированная система письма; тесные контакты между писцами на всей территории (Эбла—Киш, Эбла—Мари); десятиричная система счета (Абу-Салабих, Эбла, Мари); сходство отдельных элементов системы мер (Эбла—Киш); сходные системы годовых датировок (Абу-Салабих, Мари); общие названия месяцев; семитские имена богов, имена собственные и топонимы на всей территории.

Позднее И. Гельб дополнил свои исследования в этой области подробным изучением памятников Мари, что привело его к выводу, что «Mari played the role of the catalyst and transmitter of the Kish civilization from its homeland in northern Babylonia to Ebla in northern Syria» [Gelb, 1992].

Эта теория И. Гельба впоследствии была подхвачена и расширена другими исследователями. По мнению С. Парполы, «археологические свидетельства сделали совершенно очевидным тот факт, что в Раннединастический период территория Верхней Месопотамии находилась под контролем политической силы, которую можно сравнить с Аккадской династией, появившейся позднее. Подъем этой империи, которую совершенно очевидно можно отождествить с I династией Киша Шумерского царского списка, совпадает с периодом исключительно благоприятных климатических условий, наступившим в Нижней Месопотамии в начале III тыс. Относительно организации этой империи и о причинах ее исчезновения неизвестно ничего определенного. Во всяком случае, она существовала достаточно долго, чтобы распространить свой язык, письменную систему, культуру и административные институты на всю территорию, находившуюся под ее контролем» [Parpola, 1988: 295].

Важнейшие работы по ранней истории Месопотамии, вышедшие после 80-х гг. XX в., учитывают теорию И. Гельба. Один из ведущих современных шумерологов П. Штайнкеллер, указывая, что И. Гельб разработал свою теорию, основываясь на данных языка, письменности и культуры, приводит исторические аргументы в ее поддержку [Steinkeller, 1993]. В исследовании, посвященном

истории Месопотамии в III тыс. до н.э. до Саргона, П. Штайнкеллер указывает, что развитие Месопотамии в III тыс. до н.э. определялось процессом взаимодействия двух различных традиций: южной (шумерской) и северной (сирийской). Северная Вавилония была тем регионом, где две эти традиции сталкивались вплотную; котел, в котором варились религиозные, культурные, художественные традиции, поднимавшиеся на север из Шумера и опускавшиеся на юг из Сирии.

П. Штайнкеллер первым подробно описал социальные и политические различия между двумя обществами (шумерским и семитским), сосуществовавшими в III тыс. до н.э. в Южной Месопотамии [Steinkeller, 1993]. О том, что развитие Севера (Аккада) и Юга (Шумера) шло разными путями, неоднократно упоминают в своих публикациях и другие авторитетные исследователи [Nissen, 1993; Renger, 1995; Westenholz, 1993; Zarins, 1990]. Картина становления месопотамской цивилизации в свете этих работ представляется следующей.

Шумеры поселились в Южной Месопотамии примерно в середине V тыс. до н.э. Аккадцы в IV тыс. до н.э. пришли в Северную Месопотамию откуда-то с запада и постепенно продвигались на юг, так что к началу III тыс. до н.э. они стали соседями шумеров.

Шумер (Юг). Шумер впервые предстает перед нами во второй половине IV тыс. до н.э. как союз городов-государств, объединенных единой идеологией и определенной хозяйственной общностью. Эта была, вероятно, хорошо сбалансированная и внутренне устойчивая система. Каждый отдельный город-государство представлял собой сложную структуру, состоявшую из больших и малых самоснабжающихся хозяйств, в центре каждого из которых находился храм. В рамках этих храмовых хозяйств были заключены все территориальные, материальные и людские ресурсы города [Steinkeller, 1993].

Одной из организующих основ этой структуры было, вероятно, представление шумеров о божестве как хозяине определенной территории. Шумерский город, сосредоточенный вокруг храмового комплекса, и окружающая его территория были хозяйством (имением) главного городского бога и его божественного семейства, а все население города составляло персонал этого хозяйства.

Границы каждого города-государства (т.е. границы владений городского бога) считались установленными и санкционированными

богами, и поэтому любая попытка территориальной экспансии являлась, по существу, нарушением божественной воли и вследствие этого была достаточно затруднительна. В рамках такой идеологии теоретически немыслимой была бы идея унификации, создания единого территориального государства с централизованным управлением [Steinkeller, 1993: 116f.].

Земледелие, скотоводство, а также ремесленное производство велись в рамках городских храмовых общин коллективно. Производимые продукты централизованно собирались, хранились и затем различными способами распределялись между членами этих хозяйств. Экономiku такого типа, следуя теории Карла Поляни, можно назвать, по преимуществу, распределительной.

Общество, таким образом организованное и структурированное, не нуждалось в наличии или развитии индивидуального производства, будь то в сельском хозяйстве или в ремесле, и оставляло мало возможностей для возникновения и существования такого рода производства. Соответственно и индивидуальное владение землей являлось фактором, чуждым данной системе и в плане социально-экономическом, и в плане идеологическом [Steinkeller, 1993: 122].

Общество носило отчетливо эгалитарный характер, и стратификация населения была основана скорее на ресурсах, связанных с занимаемой должностью, чем на происхождении. Все горожане составляли персонал того или иного храмового хозяйства, и все они, независимо от пола, возраста и количества выполняемого труда, могли рассчитывать на материальное содержание от храма. Характер этого содержания по количеству и качеству, безусловно, зависел от положения того или иного лица в должностной иерархии, но не мог быть ниже необходимого прожиточного минимума.

Семья в обществе, где заботы обо всех членах хозяйства независимо от пола и возраста несет некая административная структура, как экономический институт не играет значительной роли; дети в основном связаны с матерью.

Каким образом осуществлялось взаимодействие отдельных элементов и структур данного общества, каковы были институты власти? Важную роль в создании властных структур играл, по видимому, один из фундаментальных принципов шумерской цивилизации (и типологически сходных архаических цивилизаций) — принцип очередности (**bala**). Все общество, вероятно, делилось на

несколько равноправных групп, представители которых поочередно занимали главные должности в иерархической структуре. Можно предположить, что членство в группе было связано с принадлежностью к персоналу определенного божества (т.е. храму). Каждая группа объединяла в себе, вероятно, представителей всех ступеней иерархии, от низших до высших [Stone, 1999].

Во главе каждого города-государства стоял правитель, который совмещал культовые и административные обязанности, тем более что в системах такого рода то и другое тесно взаимосвязано. Он был как бы земным представителем божества в его земном Доме и избирался на эту должность самим божеством на определенный срок, после истечения которого наступала, во всяком случае теоретически, очередь другого избранника, представителя другой общественной группы. Принцип очередности действовал, вероятно, на всех уровнях и во всех хозяйственных сферах общества.

Выработанная шумерами модель общественного устройства отличалась, вероятно, большой стабильностью, но была исключительно статична. Все идеологические, социальные и хозяйственные институты в рамках такой модели составляли неразделимое единство и не имели реальных возможностей для существенного изменения и развития.

Единая в культурно-идеологическом, социальном и хозяйственном аспектах система шумерских городов просуществовала то в виде некой конфедерации, то в сильно централизованном виде, до конца III тыс. до н.э., когда было окончательно разрушено последнее объединение шумерских городов — государство III династии Ура. Однако внутренняя структура шумерской системы, по-видимому, стала постепенно размываться и терять свою исходную целостность еще с начала III тыс. до н.э.

К концу III тыс. до н.э. шумерский язык вышел из живого обращения и превратился исключительно в язык культа и литературы, а сами шумеры как этнос практически исчезли. Подавляющую массу населения Южной Месопотамии к этому времени составляли носители совершенно другой по своим фундаментальным установкам и по своей динамике культурно-исторической системы — аккадцы и родственные им амореи.

Аккад (Север). Север никогда не создавал ничего похожего на систему независимых городов, которая существовала на Юге.

Государственность возникла здесь, по-видимому, на основе родо-племенных структур. Политические институты Севера очень рано приняли централизованную форму. Предполагается, что сильная, авторитарная политическая структура объединяла всю территорию Верхней Месопотамии уже в начале III тыс. до н.э. Ее расцвет некоторые исследователи связывают с I династией Киша, упоминаемой в Шумерском царском списке как первая послепотопная династия [Gelb, 1987; 1992].

Основной хозяйственной единицей Севера было индивидуальное хозяйство отдельной семьи, входившее составной частью в хозяйство родовой общины, в свою очередь являвшейся составной частью общего хозяйства племени. Патриархальная семья и принцип наследования (имущества, социального статуса и т.п.) — определяющий элемент экономической структуры общества Севера. Принадлежность к тому или иному племени, роду, семье лежала и в основе сильной социальной стратификации, существовавшей в обществе.

Правящую верхушку составляла родовая аристократия во главе с царем. Именно эта группа контролировала большую часть материальных и людских ресурсов. Городов было значительно меньше, чем на юге, и они выполняли другую функцию. Они являлись местом пребывания родовой олигархии и царя, откуда власть осуществляла свой контроль над обществом.

Родовая аристократия не только разделяла власть с царем, но и контролировала значительную часть государственных экономических ресурсов. Главным собственником земли был царь и члены его рода, а также представители родовой аристократии. Большую часть экономической сферы составляли царское хозяйство и крупные частные хозяйства родовой знати. Храмовые хозяйства не играли значительной роли в экономике.

На Севере очень рано возникли такие институты, как частная собственность на землю, долговое рабство и клиентела. Важная роль частного сектора может считаться характерной чертой такого рода структур. Шумерское слово «раб», вероятно, заимствовано из аккадского. Очевидное объяснение этому — сходные институты изначально отсутствовали в раннем обществе Юга, но в какой-то момент под влиянием северных соседей были заимствованы и сами эти институты, и термины для их обозначения [Edzard, 1957; Steinkeller, 1993].

В работах многих шумерологов, посвященных отдельным специальным проблемам ранней истории Месопотамии, содержатся и некоторые предположения о причинах различий в социальном и общественном устройстве Шумера и Аккада. Одни исследователи связывают различия экономических и социальных систем Севера и Юга с характерными различиями в религиозных концепциях шумеров и аккадцев. Считается, что главным в шумерской религиозной концепции было представление о том, что «нет земли без бога». Главный бог каждого города воспринимался как владелец всей земли этого города, а сам город — как хозяйство (Дом) божества, персоналом которого были горожане.

В аккадской религиозной концепции на первом плане, по-видимому, стояли астральные божества, не связанные четко с каким-либо определенным местом на земле, что, по мнению исследователей, отражало религиозные представления, зародившиеся в период их далекого кочевого прошлого. Даже после оседания на аллювиальной равнине и перехода к земледелию аккадцы, кажется, сохранили некоторые фундаментальные черты своей изначальной организации. В отличие от шумеров, для аккадцев было не столь важно прикрепление божества к определенной местности, результатом чего была и их меньшая заинтересованность в строительстве храмов и создании храмовых экономических структур [Renger, 1995: 283].

Другой вариант ответа на вопрос о причинах различия общественного устройства двух народов предложил А. Вестенхольц. По его мнению, Шумер и Аккад были разными культурными системами, поскольку два древних народа обладали «различной ментальностью», что проявляло себя во всех аспектах общественной и духовной жизни [Westenholz, 1993: 160]. Мнение о врожденной приверженности аккадцев идеям централизма разделяется и некоторыми другими ассириологами [Kienast, 1973]. Противопоставление А. Вестенхольцем «миролюбивых и законопослушных» шумеров «воинственным и своевольным аккадцам» подверглось острой критике [Nissen, 1993: 88, п. 17]. Однако с тезисом о «двух разных культурных системах» нельзя не согласиться, хотя предположение, что именно ментальность определяла характер той и другой системы, представляется неточным. Скорее то, что многие называют «ментальностью», является частью системы, которую нельзя отделить от нее самой и рассматривать как фактор, генерирующий систему.

Для других исследователей причины различного развития населения Юга и Севера крылись в экологических или геоморфологических особенностях этих регионов. Юг — как ограниченная по площади территория, пригодная, в основном, для интенсивного земледелия. Север — как гораздо более обширная территория, на которой одновременно одинаково хорошо развивались два взаимосвязанных типа хозяйства — естественно орошаемое земледелие и скотоводство [Nissen, 1988; Zarins, 1990].

В публикации 1999 г. П. Штайнкеллер подробно остановился на причинах различий двух регионов Вавилонии [Steinkeller, 1999]. По его мнению, в основе этих региональных различий лежали как экологические, так и исторические, религиозные и культурные факторы. Причем исторические корни южной системы, по мнению автора, уходят в убедийский период с его общинными структурами, а северной — в отдаленное полукочевое прошлое предков аккадцев с его племенной системой и властью вождей.

Ирригация и становление политической власти. Изучение истории Месопотамии конца IV — начала III тыс. до н.э., в основном, базируется на археологической информации, которая, к счастью для исследователей, в значительной степени заполняет пробел, вызванный почти полным отсутствием письменных источников. В 50–60-е гг. XX в. несколько археологических экспедиций активно работали в Южной Месопотамии. К этому времени археология уже превратилась в подлинно научную дисциплину, и раскопки проводились в высшей степени аккуратно и тщательно.

Р. Адамс и Х. Ниссен исследовали территорию Урука и его окрестностей методами топографической археологии с применением аэрофотосъемки. Основные усилия были направлены на изучение истории догосударственного и раннегосударственного периода. В ходе раскопок шел поиск не только отдельных древних поселений, но и связей между поселениями, изучалось расположение поселений по отношению к каналам, по отношению друг к другу, мелких поселений по отношению к центральным. При этом пользовались особым методом исследования: проводилось внимательное изучение всей поверхности территории поселения и сбор всех обнаруженных здесь находок. Датируя эти находки и размещая их в хронологическом порядке, археологи приблизительно определяли тот отрезок времени, в который данное поселение существовало. Это дало возможность составить карты наличия

и расположения поселений в разные временные периоды, а сравнение этих карт позволило проследить изменения в структуре поселений.

Особое внимание археологи обращали на изучение русел древних каналов и ирригационных систем, развитие которых, по их мнению, оказывало огромное влияние и на политическое развитие региона. Огромный археологический опыт, накопленный в ходе раскопок и изучения памятников, делает выводы этих исследователей весьма обоснованными [Adams, Nissen, 1972].

Первая реконструкция водных систем Южной Месопотамии, основанная на изучении древних источников и данных археологии, была предложена Т. Якобсеном [Jacobsen, 1960]. Она получила всеобщее признание в науке и до сих пор лежит в основе всех исследований в области ранней истории Месопотамии. В основе этой реконструкции было предположение, что самые главные водные протоки на территории аллювия являлись притоками Евфрата, а течение Тигра проходило восточнее аллювия, примерно там, где проходит его современное русло. Из этого следовало, что система водоснабжения древних поселений северной и южной Месопотамии была связана исключительно с Евфратом, который снабжал водой все поселения севера и юга Месопотамии. Воды Тигра тоже достигали Месопотамии, но не прямо, а через целую систему каналов, которая начиналась далеко на севере. Упоминания реки Тигр, которые встречаются в текстах с юга, на самом деле имели в виду каналы, связанные с этой рекой.

Гипотезу Т. Якобсена поддержал Р. Адамс, располагавший огромным опытом археологических работ в Южной Месопотамии, который также считал, что в III тыс. до н.э. течение Тигра проходило к востоку от аллювия, хотя его точную локализацию установить невозможно [Adams, 1981]. Р. Адамс и Х. Ниссен представили свои взгляды на характер ирригации в Южной Месопотамии в конце IV—III тыс. до н.э. и о ее влиянии на развитие политических институтов в этом регионе в целом ряде публикаций [Adams, 1966; 1981; Adams, Nissen, 1972; Nissen, 1988]. Очень кратко их содержание можно изложить следующим образом.

Южная Месопотамия была территорией, где оседлая жизнь полностью зависела от состояния искусственного орошения. Это определяло и многие особенности культурного и общественного развития этого региона. Вода для орошения бралась, главным

образом, из Евфрата с помощью главных каналов. Эти каналы имели несколько ответвлений, которые в определенных местах разделялись на множество небольших каналов, по ним вода направлялась непосредственно на отдельные поля. Такую систему можно назвать дендрической, поскольку она по форме напоминает дерево с ветвями.

Главные каналы отходили непосредственно от Евфрата в нескольких точках вдоль его течения по территории южномесопотамской долины. Для такой системы орошения очень важным являлся контроль над устьями главных каналов, вытекающих из Евфрата, поскольку он давал возможность регулировать количество воды и распределять ее. Именно в этих точках создавались условия, наиболее благоприятные для жизни, и, естественно, эти узловые точки становились центрами городов и городов-государств.

Это было тем более важно, что общие объемы поступающей воды могли меняться из года в год в зависимости от климатических и погодных условий в тех регионах, где эта вода изначально собиралась. Следствием продолжительного уменьшения объема воды и сокращения ее поступления в оросительные каналы, особенно удаленные от главного канала, было то, что население покидало отдаленные от центра поселения, куда вода не поступала в достаточном объеме, и оседало ближе к центрам первоначального распределения воды. В эти периоды археологи отмечают уменьшение количества небольших поселений и рост городов [Nissen, 1988].

Археологам удалось проследить и важные изменения, периодически происходившие в системе водоснабжения. В период Поздний Урук поля орошались с помощью системы небольших каналов, которые как сеть накрывали сельскохозяйственные площади. Это хорошо подходило для местности, которая незадолго до этого страдала от избытка воды. Ко времени РД I ситуация полностью изменилась: территория Южной Месопотамии постепенно все более высыхала, вода все глубже уходила в землю. Это вызвало необходимость создания нескольких весьма протяженных каналов в РД I и привело к более сильной концентрации обрабатываемых земель вдоль основных каналов. Как показали данные археологии, значительная часть поселений в этот период также переместилась и расположилась вдоль каналов. Изучение изменений

в расположении поселений и каналов показало, что проблемы, вызывавшие территориальные и водные конфликты в Южной Месопотамии, впервые возникли в период РД I, значительно усилились в период РД II и стали самыми серьезными проблемами периода РД III [Nissen, 1993].

По мнению Х. Ниссена, в ранние периоды (Поздний Урук, Джемдет-Наср и, вероятно, в период РД I) существовала общая, разделявшаяся всеми, система политических взглядов и поведения. Как считает исследователь, об этом говорит тот факт, что в это время происходило устойчивое последовательное развитие культуры. Однако особенности системы орошения, существовавшей в Южной Месопотамии, привели к разделению общей политической системы на два основных направления: партикуляризм и централизм. Оба варианта представляли собой две стороны одной общей системы, со своими недостатками и преимуществами каждая [Nissen, 1993].

В первом случае (партикуляризм) оптимально учитывались нужды местного орошения и системы местных поселений. При этом никакой необходимости в централизованном управлении не существовало, пока между соседними городами-государствами не стали возникать территориальные и водные конфликты, которые местные власти не способны были разрешить (конфликт Лагаш—Умма). Во втором случае центр располагал всеми необходимыми возможностями, чтобы разрешать серьезные конфликты, но был менее эффективен, когда вопрос касался местных проблем.

Эти модели власти, т.е. партикуляризм и централизм, как считает Х. Ниссен, возникли предположительно между периодами РД II и Аккад, а первые серьезные следы дифференциации проявились в конце РД III. Изменение от политически сильной системы децентрализованной власти периода РД III к политической системе Аккада, в которой главной была концепция центральной власти, представляло собой, по мнению Х. Ниссена, не что иное, как последовательность смены одной стороны медали на другую. Катализатором, который форсировал этот процесс, было ухудшение водной ситуации, что вызывало внутренние проблемы, для решения которых необходимо было создание более высокого уровня власти.

Идеологический конфликт между двумя принципами, партикуляризма и централизма, возник, как считает исследователь, не

позднее РД III, т.е. задолго до династии Аккада, и, следовательно, он имел местное происхождение. При этом этническое различие между шумерами и аккадцами было важным, но все-таки не столь существенным фактором развития в Раннединастический период [Nissen, 1993].

Основные выводы Адамса—Ниссена относительно развития и изменения ирригационных систем в Южной Месопотамии и связанных с этим изменений в местных политических структурах были аргументированы и доказаны и до сих пор сохраняют свое значение. Было безоговорочно принято и их мнение о решающей роли Евфрата и незначительной роли Тигра в водном режиме Южной Месопотамии III тыс. до н.э. Такой взгляд на водный режим Южной Месопотамии оставался неизменным до 1990 г., когда было опубликовано исследование на эту тему В. Хаймпеля [Heimpele, 1990]. Автор привел серьезные аргументы в пользу того, что водный проток, который Т. Якобсен и вслед за ним другие исследователи рассматривали как ответвление Евфрата (так называемая «восточная ветвь», или Итурунгаль) и на котором располагались города Гирсу, Адаб, Умма и Урусакгиг, на самом деле был Тигром. Это мнение поддержал П. Штайнкеллер, который привел дополнительные аргументы в его пользу [Steinkeller, 2001].

Работы Р. Адамса и Х. Ниссена не только расширили наше понимание реальной истории ранней Месопотамии, но и нанесли окончательный удар по так называемой теории «гидравлического государства». В 50-е гг. XX в. в исторической науке существовала никем не доказанная, но общепринятая абстракция: создание широкомасштабной системы ирригации и необходимость управления ею привели к возникновению первых городов и государств и во многом определили их политическую структуру [Steward, 1955].

Это утверждение положено и в основу работы К. Виттфогеля, выдвинувшего теорию о тесной связи «гидравлических обществ» и «восточного деспотизма», в ранней версии которой можно ясно увидеть влияние гипотезы «храмового государства» А. Даймеля [Wittfogel, 1957]. Автор, некогда разделявший марксистские убеждения и принимавший участие в дискуссии об азиатском способе производства, проходившей в 20–30-е гг. XX в., поставил целью своей работы «объективную критику» содержания этой дискуссии и создание новой, «более отвечающей современным требованиям

науки» концепции исторического развития неевропейских народов [Павловская, 1965].

Очень кратко основные положения работы К. Виттфогеля сводятся к следующему. В районах с засушливым климатом земледелие было возможно только при создании масштабных ирригационных систем. Такие работы требовали усилий всего общества, и в определенных условиях из функции руководства ирригационными работами возникла деспотическая государственная власть, которая регулировала земледелие и пользование водой, организовывала крупные строительные работы, в определенной степени контролировала ремесло и торговлю.

Общество в таком государстве делится на два класса: правящий (деспот и бюрократия) и управляемый (земледельцы, ремесленники, торговцы и рабы). Наряду с государственной, существует и частная собственность на землю, но в очень ограниченном масштабе. Это определяет «застойный характер» «гидравлических обществ», и коренным образом отличает их от обществ Запада, для которых характерно преобладание сильной частной собственности и постоянный процесс развития и трансформации.

Теория К. Виттфогеля базировалась на априорном утверждении: появление ранних государств являлось следствием создания широкомасштабной ирригации. Однако археологические изыскания, проводившиеся в 50–60 гг. XX в. в Южной Месопотамии, прежде всего работы Р. Адамса и Х. Ниссена, по-видимому, полностью опровергли это утверждение [Adams, 1960; 1965; Adams, Nissen, 1972]. Они показали, что широкомасштабная ирригация появилась здесь гораздо позже возникновения автократического управления и комплексной бюрократии. Прямой причинной связи между регулированием водных ресурсов и возникновением деспотического или теократического правления, на чем настаивал К. Виттфогель, по мнению этих исследователей, не прослеживается.

Р. Адамс, в частности, указывал, что мелкомасштабная ирригация в Месопотамии не требовала политического планирования, а крупномасштабная появилась тогда, когда города и государство уже существовали. Происхождение городов, по мнению Р. Адамса, скорее было связано с дифференциацией ресурсов, следствием чего явились социальная стратификация и специализация производства и как результат — необходимость контроля над такой

сложной системой [Adams, 1966]. Последующие исследования во многом подтвердили эти предположения Р. Адамса [Gibson, 1972].

С изучением ирригации связано возникновение теории прогрессивного засоления почвы, в результате чего была подорвана экономика Шумера, и произошел его политический и культурный упадок. Она была впервые сформулирована Т. Якобсеном и Р. Адамсом в 1958 г. [Adams, Jacobsen, 1958]. В опубликованном в том же году отчете об археологическом проекте «Дияла» Якобсен отметил «удивительное различие в экспериментах с солью, Юг был поражен ею рано, так что не смог восстановиться, а на Север она не произвела никакого серьезного эффекта, так что он двигался к повышению плодородия и благополучию» [Jacobsen, 1958]. Позднее выводы автора были доработаны, более полно аргументированы и опубликованы в отдельной монографии [Jacobsen, 1982].

По мнению Т. Якобсена, одной из важнейших причин упадка шумерской цивилизации было возрастающее в III тыс. до н.э. засоление почвы и сокращение, вследствие этого, посевных площадей. Для доказательства своей теории автор использовал и данные археологии, и письменные свидетельства, касающиеся количества посевного зерна и величины урожая. Эти цифры показывают, как считает автор, что количество посевного зерна на единицу площади постепенно росло, а урожаи уменьшались. Важным свидетельством в пользу своей теории автор считал также приведенные им данные о постепенном уменьшении сельскохозяйственных площадей, занятых пшеницей, и переходе к преимущественному возделыванию ячменя.

Аргументация Р. Адамса и Т. Якобсена сначала была принята практически безоговорочно, однако позднее было высказано мнение, что аргументы и свидетельства, приведенные в их работе, недостаточны, чтобы поддержать эту теорию и, возможно, не репрезентативны [Butz, 1985; Powell, 1985].

Как указывала критика, засоление почвы действительно представляло собой проблему для шумерского сельского хозяйства, однако даже в материале, использованном авторами теории, есть свидетельства того, что шумеры осознавали эту проблему и умели хорошо бороться с ней в мирное время. Данные, использованные авторами для доказательства своей теории, по мнению критиков, часто неправильно поняты ими из-за метрологических ошибок, из-за включения в посевное зерно зерна, предназначенного на

корм скоту и неправильной интерпретации документов, в результате чего отчеты о поступлениях зерна понимались как отчеты о посевном зерне.

Серьезным недостатком работы критики сочли и то, что в ней не были учтены несколько серьезных исследований по сельскому хозяйству Шумера, появившихся к тому времени [Salonen, 1968; Maekawa, 1974].

Экономика и социум. Богатая литература по вопросу о характере экономики и социума в ранней Месопотамии содержит множество противоречивых предположений. Разные экономические теории, предлагавшиеся исследователями, базировались на разном понимании характера земельных отношений и собственности, существовавших в древнем обществе. Имеет смысл, вероятно, проследить историю возникновения этих теорий, рассмотреть вкратце те аргументы, на которых они базировались, и изложить другие экономические парадигмы, которые были предложены критиками этих теорий.

Теория «храмовой экономики». Среди гипотез, касающихся социальной и экономической истории ранней Месопотамии, которые были сформулированы за последние сто лет, самой значительной, безусловно, была гипотеза о храмовом государстве и храмовой экономике. Она оказала очень сильное влияние на исследования по истории Месопотамии и на развитие всей исторической науки о древнем мире.

Шумерские хозяйственные тексты из Гирсу, над которыми в первые десятилетия XX в. работал выдающийся шумеролог Антон Даймел, привлекли внимание не только историков, но и экономистов. В 1920 г. вышла работа молодого экономиста Анны Шнайдер «Шумерский храмовый город» [Schneider, 1920]. Автор, проработав шумерские тексты, содержащиеся в рукописи, предоставленной ей А. Даймелем, организовала имевшиеся в них факты в более-менее четкую картину и попыталась объяснить экономику шумерского города с точки зрения существовавших к тому времени общих экономических теорий.

По мнению А. Шнайдер, экономика шумерского города носила смешанный характер. Храм, правитель и местная община сосуществовали в едином экономическом пространстве, по-видимому, при гегемонии храма. При этом каждый из этих трех секторов представлял собой отдельный центр производства и потребления.

Между этими структурами внутри города постоянно шел живой обмен товарами и службами. А. Шнайдер считала, что экономика шумерского города содержала черты централизации и распределения, сходные с экономикой древнего Египта, черты феодальной службы, как в средневековой Европе, ей был присущ обмен, основанный на денежной системе и кредит современного капиталистического типа.

Работа А. Шнайдер была очень важным, но недостаточно оцененным шагом вперед не только в исследовании ранней истории Месопотамии. Автор сделала попытку разорвать рамки общепринятой в исторической науке того времени классификации города и городской экономики, предложенной еще Фюстелем де Куланжем и разработанной далее М. Вебером: город основан на рыночной экономике и имеет местное самоуправление. Из работы А. Шнайдер следовал естественный и исключительно важный вывод: гипотеза однолинейного развития города для всего мира опровергается шумерским вариантом.

С 1922 по 1931 г. А. Даймель опубликовал 17 статей, на основе которых в 1931 г. издал монографию, посвященную исследованию экономики раннего шумерского города [Deimel, 1931]. Его работа была основана на исследовании документов из архива хозяйства богини Бау, (по мнению автора, это был «храм (богини) Бау»), которое было расположено на территории города-государства Лагаш. Документы были составлены в начале XXIV в. до н.э. и охватывают период в 25 лет, на который пришлось правление Энетарзи, Лугальбанды и Урукагины. Архив, вероятно, был очень обширный, 1800 текстов из него было опубликовано А. Даймелем, но в разных музеях мира осталось еще много неопубликованных документов из этого архива. Материал, исследованный А. Даймелем, содержал исключительно богатую информацию, но все данные, содержащиеся в текстах, касались деятельности только одного хозяйства Бау, в них было очень мало свидетельств о деятельности других хозяйств в Лагаше, и отсутствовала какая-либо информация о том, что происходило за пределами этого города-государства.

Очень кратко суть гипотезы храмового государства можно изложить следующим образом. Когда шумеры впервые осели в Южной Месопотамии, они должны были создавать ирригационные сооружения для орошения полей, сбора и хранения воды, поскольку осадков здесь выпадало очень мало, а разливы Тигра

и Евфрата были совершенно непредсказуемы. Чтобы соорудить необходимые ирригационные системы, требовалась работа всего населения. Такие работы нельзя было проводить без создания специального управленческого аппарата, который их планировал и организовывал. Осуществление масштабных ирригационных проектов и эффективная эксплуатация сельскохозяйственных земель была возможна, только если эта земля находилась в собственности богов, а не у частных лиц или семей.

В середине III тыс. до н.э. вся или почти вся сельскохозяйственная территория Шумера принадлежала храмам, которые таким образом контролировали всю экономику Южной Месопотамии. Города и города-государства на ее территории функционировали как *theocentric manors*, политические лидеры которых были обязаны своей властью тому обстоятельству, что они управляли хозяйствами богов. В последней четверти III тыс. до н.э. усилившиеся тенденции к секуляризации привели в упадок теократический порядок Шумера. По мнению Даймеля, этот порядок был вытеснен все усиливающейся государственной организацией, которая гораздо более плотно регулировала экономику, чем это делали храмы.

Позиции А. Даймеля и А. Шнайдер не были полностью идентичны. Именно А. Даймель прочитал тексты и ознакомил с ними неспециалистов, и в этом плане его вклад был, конечно, решающим. В то же время анализ текстов А. Даймеля, как считают некоторые специалисты, был более сырым и прямолинейным, чем у А. Шнайдер [Liverani, 1997]. При этом, если работы А. Даймеля стали фундаментом для всех последующих исследований по истории ранней Месопотамии, то имя А. Шнайдер практически забыто, на ее труды никогда не ссылаются даже те исследователи, кто пишет о «смешанной» экономике в ранней Месопотамии.

Независимо от этого, труды этих исследователей внесли колоссальный вклад в изучение древнейшего периода урбанизации и оказали огромное влияние на последующее развитие науки. Созданная ими теория была практически полностью принята наукой того времени, а термины, введенные ими, «*Tempelwirtschaft*» и «*Tempelstadt*», получили всеобщее признание и стали широко использоваться исследователями древности.

Важным свидетельством признания этой теории явились публикации двух крупнейших ассириологов середины XX в. Ф. Крауса

и А. Фалькенштейна, посвященные роли храмов в экономике древней Месопотамии [Falkenstein, 1954; Kraus, 1954]. Во многом их взгляды на эту проблему совпадали. А. Фалькенштейн считал, что возникновение месопотамской цивилизации было тесно связано с ростом храмов. Следуя его теории, это вело к образованию вокруг храмов государственных структур. Такие храмовые государства были чисто шумерскими, и в той или иной форме они существовали на протяжении всего III тыс. до н.э. с небольшим перерывом во время саргоновской империи. Единственно, при III династии Ура они превратились в государственно-управляемую экономику. Что касается деталей организации экономики в храмовых государствах, А. Фалькенштейн, как и Ф. Краус, принял гипотезу А. Даймеля и А. Шнайдер с небольшими изменениями.

«Как непосредственный результат того факта, что храмы были единственными или в некоторых случаях главными землевладельцами, они распоряжались различными трудовыми ресурсами города-государства. Только при этом условии существовала возможность использования сельскохозяйственных земель храма, организации и проведения ирригационных работ, принятия мер безопасности — строительства оборонительных сооружений, организации строительных проектов в самих храмах» [Falkenstein, 1974: 9].

Ни А. Фалькенштейн, ни Ф. Краус не настаивали на существовании в древней Месопотамии исключительно храмовой экономики, признавая, что рядом с ней могли существовать и другие экономические сферы, но вопреки их намерениям, именно после этих публикаций теория преобладания исключительно храмовой экономики в древней Месопотамии III тыс. до н.э. получила особенно широкое признание.

В центре изучения экономики и социума в ранней истории Месопотамии, со времени появления публикаций А. Даймеля, оказалась исключительно государственная и храмовая экономика. Помимо теоретических соображений, такое направление исследований объяснялось еще и тем, что большая часть письменных источников происходила из государственных или храмовых архивов и освещала действие именно этих институтов. Несомненно, и А. Шнайдер, и А. Даймель знали о существовании документов, в которых упоминалась земля, находившаяся во владении частных лиц, но сочли их малозначимыми, поскольку таких текстов было

мало по сравнению с огромным материалом, свидетельствовавшим о преобладании системы храмового землевладения.

В результате усиленного внимания к тому, что Л. Оппенхейм [Оппенхейм, 1980] назвал «великими организациями» и почти полного игнорирования данных о существовании других сфер экономики, большинство исследователей пришло к выводу, что экономика и общество Месопотамии, по крайней мере в отдельные периоды, например, в период Ур III, полностью определялась деятельностью этих институтов («великих организаций»), которые выступали как единственная сила в экономике, политике и религии. При этом основным источником материального снабжения большей части населения были выдачи (рационы), получаемые ими из храмового или государственного хозяйства. Сборник статей на эту тему вышел в 1979 г. [Lipinski, 1979].

С теорией храмового хозяйства очень тесно связана теория государственной экономики. Происхождение этой теории, основанной исключительно на материале периода III династии Ура, проследить довольно сложно. Одно из первых, вероятно, упоминаний о «государственной экономике» содержит работа П. Кошакера, посвященная исследованию древнего законодательства [Koschaker, 1963], и опубликованная в том же году статья Ф.М. Бохля, который, определяя характер экономики при III династии Ура, говорит о «государственном социализме на сакральной основе». Сходное мнение было высказано выдающимся исследователем Б. Ландсбергером [см.: Gelb, 1969: 147]. Теория государственной экономики в период Ур III была принята практически всеми исследователями.

Критика теории А. Даймеля. Теория храмового государства А. Даймеля и возникшая на ее основе теория государственной экономики нашли очень много сторонников, но у нее нашлись и противники, так что автор теории оказался под огнем не всегда справедливой критики. Гипотеза А. Даймеля о шумерском храмовом государстве априорно предполагала решенными две сложные проблемы: шумерскую проблему, т.е. вопрос о времени появления шумеров в Южной Месопотамии, и вопрос о связи между ирригационным земледелием и социальным порядком. Предлагаемый этой теорией специфически шумерский характер храмового государства до сих пор остается дискуссионным, поскольку нет полного согласия в вопросе о времени заселения Месопотамии

шумерами. Предположение А. Даймеля о связи между широко-масштабной ирригацией и возникновением государства было положено в основу теории «гидравлического» государства (см. раздел «Ирригация и становление политической власти»), но было, как будто, опровергнуто археологическими свидетельствами [Adams, Nissen, 1972].

Серьезным основанием для критики было то, что А. Даймель построил свою теорию на основании изучения единственного архива. Ученый, многие годы работавший над текстами из Лагаша, не использовал другие шумерские тексты, знакомство с которыми, по мнению критиков, могло решительно изменить его выводы. Однако критики должны были учитывать следующие факты: 1) когда А. Даймель начинал свою работу, никто не имел ни малейшего представления о том, что представляло собой шумерское общество и экономика; 2) собственные заявления А. Даймеля о *Tempelwirtschaft* гораздо более осторожны, чем заявления тех исследователей, кто строил свои теории на этом фундаменте.

Выдвинутое А. Даймелем положение о том, что в Шумере вся земля принадлежала божеству, лежавшее в основе теории о храмовой экономике, вступило в конфликт с господствовавшим в европейской науке того времени представлением об изначальном существовании частного землевладения. Неудивительно поэтому, что с момента, когда А. Даймель сформулировал свою теорию, ее критика и отношение к ней сконцентрировались прежде всего на вопросе землевладения.

После появления теории храмового государства главной задачей исследователей, занимавшихся проблемой земельных отношений, которые относились к этой теории критически, стали поиски «частной» земли, либо путем подсчетов предполагаемых площадей сельскохозяйственной земли, чтобы доказать, что храмовые земли составляли только часть от них (И.М. Дьяконов), либо путем поисков и публикации текстов, которые, по мнению издателей, представляли собой акты купли-продажи земли и наличие которых казалось неопровержимым доказательством существования частной земельной собственности в Месопотамии древнейшего периода (И. Гельб). Новое направление исследований в области экономики и социума древней Месопотамии было порождено пионерскими работами И.М. Дьяконова и И. Гельба 50–70-х гг. XX в.

Экономика и социум ранней Месопотамии в работах И.М. Дьяконова. Наиболее серьезная критика теории А. Даймеля содержалась в работах И.М. Дьяконова. Именно этому исследователю принадлежит признанное первенство в изучении проблем экономики и землевладения в древней Месопотамии. Еще в 1950 г. И.М. Дьяконов высказал мнение о наличии в Шумере больших территорий вне храмовой земли [Дьяконов, 1950], с чем согласились А.И. Тюменев [Тюменев, 1956: 140, 199 и др.], И. Гельб [Гельб, 1982], Р. Адамс [Adams, 1966]. И.М. Дьяконов исправил подсчеты А. Даймеля о количестве земли, находившейся в распоряжении отдельных храмов в Лагаше. Пересчитав вновь размеры храмовых земель, упоминаемых в текстах, количество храмового персонала и зависимых работников, он сравнил эти цифры со своими подсчетами территории и населения государства, где располагались эти храмы и пришел к выводу, что храмы являлись важной частью экономической структуры, но не были единственными держателями земли и не объединяли под своей властью все население государства. Храмовые владения, как считал автор, не могли занимать всю сельскохозяйственную территорию лагашского нома, значительная ее часть оставалась за пределами храмовых хозяйств и находилась, по мнению автора, в распоряжении территориальных общин [Дьяконов, 1952б; 1959].

В ходе дальнейшей работы И.М. Дьяконов обратил особое внимание на изучение многочисленных экономических и административных текстов, которые раньше считались не представляющими особого интереса. Это позволило по-новому взглянуть на характер и уровень экономической активности за пределами «великих организаций» (храма и дворца). В конце 60-х гг. прошлого века И.М. Дьяконов опубликовал три большие обзорные статьи, посвященные проблемам экономики и социального строя обществ древнего Ближнего Востока в III и первой половине II тыс. до н.э. [Дьяконов, 1967; 1968]. Впервые экономика Месопотамии стала изучаться с теоретических позиций.

Автор уделил особое внимание вопросу терминологии, подробно рассмотрев и проанализировав термины, передающие понятия собственности и владения, поскольку разные исследователи вкладывали в них разное значение, что приводило к непониманию связанных с этим проблем. Изучив огромный письменный материал, И.М. Дьяконов пришел к заключению, что на Ближнем

Востоке рассматриваемого периода существовали два вида собственности на землю: государственная (царская и храмовая) и общинная, две сферы экономики: государственная и общинная, также как и две основные общественные группы: царские люди и общинники.

Развитие земельных отношений в Месопотамии III тыс. до н.э., по мнению автора, можно проследить хронологически. В начале (XXXII–XXIX вв. до н.э.) храмовая земля составляла часть общинного земельного фонда, и не было резкого противопоставления храмового хозяйства общине. В этот период храмовые хозяйства развивались на общинных землях и обеспечивали общинное святилище и храмы. Рабочую силу им обеспечивали повинностные работы общинников и прием в хозяйство люмпенов, которые работали за рацион [Дьяконов, 1959: 79–81, 94–95].

В дальнейшем (XXVIII–XXVI вв. до н.э.) у храмов появился свой зависимый хозяйственный персонал, получавший за свой труд натуральное довольствие. Однако храмовые работники все еще были связаны с общиной. В ходе последующего развития возникла зависимость храмового хозяйства от местного правителя. Одновременно происходил процесс полного обособления храмового персонала от общины.

По мнению И.М. Дьяконова, «во всех государствах Западной Азии существовала, условно говоря, государственная земля (дворца и храма) и земля, принадлежавшая отдельным семейным общинам (*extended families*); они были обычно включены в территориальные общины» [Diakonoff, 1975]. Частное землевладение возникло и развивалось здесь не на основе храмового хозяйства, а на базе общинного землевладения. Храмовая земля, считавшаяся собственностью божества, была неотчуждаема, а общинная со временем стала продаваться и покупаться [Дьяконов, 1959]. Различия, наблюдаемые исследователями в характере земельных отношений в Месопотамии III тыс. до н.э., И.М. Дьяконов объяснял не особенностями развития отдельных регионов на ее территории, а естественным следствием развития земельных отношений в древности.

Исследуя социальную структуру общества, И.М. Дьяконов подчеркивал важную роль, которую играла община и свободные общинники, объединенные в большие патриархальные семьи. По мнению автора, основную часть населения в рассматриваемый

период составляли именно свободные общинники, которые были главной производительной силой общества. Из их числа постепенно выделялась крупная общинная знать. Она образовывала верхушку общества до аккадского периода, позднее, с появлением служилой знати обе эти общественные группы объединились в одну.

Вторую значительную по количественному составу группу населения образовывали царские люди. Среди них И.М. Дьяконов различал две категории: 1) царских служащих (военачальники, придворные, чиновники, ремесленники, отчасти жрецы, а также профессиональные воины, не входившие во всеобщее ополчение), которые получали условные служебные наделы на царской земле; 2) царские работники, лишенные прав собственности на средства производства и подвергавшиеся внеэкономическому принуждению; они получали натуральное довольствие и по своему социально-правовому положению были близки рабам (аналог илотов).

Самую низшую группу населения составляли рабы. Численно и по своей роли в экономике рабы не играли существенной роли, но сам факт существования рабства накладывал серьезный отпечаток на право и общественную идеологию. Царские работники и рабы составляли основную массу «эксплуатируемого класса древнего общества», который И.М. Дьяконов условно называет «древними подневольными работниками рабского типа» или илотами [Дьяконов, 1968; 1973].

Экономика и социум ранней Месопотамии в работах И. Гельба. В западной науке одним из самых серьезных оппонентов А. Даймеля был И. Гельб. Почти одновременно со статьями И.М. Дьяконова конца 1960-х гг. вышла его публикация, посвященная той же тематике [Gelb, 1969]. Соглашаясь с реконструкцией экономики храмового хозяйства Лагаша, предложенной А. Даймелем, он считал, что было бы неправильно принимать ее как норматив для всей Месопотамии и всего III тысячелетия до н.э.

По мнению И. Гельба, теория исключительно государственного землевладения была основана только на одном аргументе — *argumentum e silentio*: поскольку от времени III династии Ура нет контрактов купли-продажи земли, следовательно, земля не могла быть продана, и, следовательно, она принадлежала государству. При этом никому из сторонников теории государственной экономики не пришло в голову, что отсутствие сделок с землей в период

Ур III можно объяснить характером законодательства, которое запрещало такого рода сделки. Кроме того, сторонники теории государственной экономики опирались на материал государственных и храмовых архивов из городов Дрехем, Джоха, Лагаш, но не учитывали свидетельства частных архивов из других мест, прежде всего Ниппура и, в некоторой степени, Ура, которые доказывают, по мнению И. Гельба, существование частного землевладения в период Ур III [Gelb, 1969].

Как показал И. Гельб, каждая из двух самых распространенных к середине XX в. экономических теорий, теория храмовой экономики и теория государственной экономики, может быть применена только к одному определенному историческому периоду: первая — к досаргоновскому периоду, вторая — к периоду Ур III. Главной ошибкой сторонников этих теорий была, во-первых, их попытка распространить предлагаемую модель экономики на все III тысячелетие и, во-вторых, их догматическое утверждение, что вся земля принадлежала либо храму (в досаргоновский период) либо государству (в период Ур III) и отказ признать одновременное существование разных вариантов экономических моделей, прежде всего существование частного землевладения [Gelb, 1969].

По мнению И. Гельба, структура землевладения, при которой земля находилась в распоряжении племен или семейных кланов и на ней работали свободные земледельцы, играла важную роль только в тот доисторический и протоисторический период, когда шло становление оседлой экономики, а также в периоды серьезных общественных и экономических перемен (передел земли, последовавший за вторжением амореев). Такого рода структура могла существовать также в периферийных регионах.

При возникновении централизованного государства с развитой аграрной экономикой общинное землевладение, которое контролировалось племенными или клановыми структурами, уступало место общественному землевладению (*public land*), которое контролировалось государством, храмом и высшей бюрократией [Gelb, 1969a]. Основной структурной единицей экономики (государственной, храмовой или семейной) было крупное хозяйство, «*oikos*». *Oikos* представлял собой крупное самоснабжающееся хозяйство со своими жилыми зданиями, мастерскими, загонами для животных, складами, а также полями, садами, пастбищами и

леса. Во главе хозяйства стоял его владелец или управитель, в чьем распоряжении находилась земля, а работниками были полусвободные гуруши, приписанные к этому хозяйству. Вопрос о том, существовали ли за пределами таких хозяйств сельские общины, объединявшие свободных земледельцев, И. Гельб оставляет открытым.

Необходимо также учитывать, как указывал И. Гельб, что в источниках по истории Месопотамии есть множество пробелов. Вполне возможно, что здесь существовало одновременно несколько систем землевладения, как это можно наблюдать на современном Ближнем Востоке [Gelb, 1972].

В ходе исследования общественного устройства в ранней Месопотамии И. Гельб первоначально разделял общество древней Месопотамии на три класса: свободные, полусвободные (гуруши) и несвободные домашние рабы. На вершине общества, по его мнению, располагался очень малочисленный класс «хозяев» (правитель, знать, жрецы, торговцы), внизу — такой же малочисленный класс домашних рабов, а между ними — масса сервов (гурушей), которые составляли основную рабочую силу в сельском хозяйстве, работая в крупных хозяйствах. Открытым оставался вопрос о существовании свободных крестьян и ремесленников за рамками крупных хозяйств; в любом случае, по мнению автора, они играли самую незначительную роль в производстве [Gelb, 1972].

Позднее И. Гельб несколько откорректировал свою позицию по этому вопросу. Прежде всего, как признал автор, употребление слова «класс» в отношении отдельных общественных групп древней Месопотамии было не совсем корректным, так как в Месопотамии не было сильного социального разделения общества на свободных и несвободных, как это было, например, в классической Греции или Риме. С точки зрения экономики, в Месопотамии, по мнению И. Гельба, надо различать не три, а два класса: класс хозяев и остальное население. Последний включал в себя всех зависимых работников, не только сервов и рабов, но и так называемых свободных крестьян и ремесленников. Будучи теоретически свободными, они рано или поздно оказывались в зависимости от крупных землевладельцев, нуждаясь в воде, упряжных животных, сельскохозяйственных орудиях и других средствах производства.

Домашние рабы чаще всего происходили из чужеземцев. Они покупались за определенную цену и жили в доме своего хозяина,

не заводя семьи [Gelb, 1972a]. Сервы (гуруши) были местного происхождения. Они имели семью и содержали ее, обрабатывая небольшой земельный надел, который получали от своего хозяина. Рабов было немного, и они использовались на домашних работах. Сервы занимались производительным трудом и составляли основную массу зависимых работников [Gelb, 1976].

Важнейшим аргументом в пользу своей теории И. Гельб считал существование документов купли-продажи земли, что, по его мнению, отражало существование частной индивидуальной (не общинной, как у И.М. Дьяконова) собственности на землю [Gelb, 1969].

Еще в 60-е гг. XX в. И. Гельб разработал проект по изданию самых ранних документов, связанных с землевладением. Публикация подготавливалась очень долго. Сначала планировалось издать семь надписей на камне, но в окончательном варианте количество опубликованных документов было значительно увеличено. Работу над проектом начинал сам И. Гельб, который объездил множество музеев в поисках новых источников и проверки и исправления уже опубликованных. На поздних стадиях работы большую помощь И. Гельбу оказал Р. Вайтинг, а после смерти И. Гельба его работу продолжил и закончил П. Штайнкеллер, который заново переработал всю рукопись, добавил новые копии, чтения и интерпретации [Gelb, Steinkeller, Whiting, 1991].

В результате были изданы два огромных тома под названием «Earliest Land Tenure Systems in the Near East: Ancient Kudurrus». Масштабное издание оказалось не столь гармоничным по содержанию, как планировал, по-видимому, И. Гельб, но исключительно богатая информация, которая заключена в нем, имеет неоценимое значение для изучения истории развития общества и экономики Месопотамии в III тыс. до н.э.

Первый том содержит фотографии памятников и прорисовки имеющихся на них текстов и изображений. Во втором томе даны транслитерация, перевод, комментариев, различного рода таблицы и списки. Всего в издании опубликовано 52 документа, записанных на камне. Среди них крошечная каменная табличка 4×5 см с несколькими процарапанными на ней пиктографическими знаками (№ 4) и огромный тщательно отполированный каменный четырехгранник высотой более 1,5 м, поверхность которого покрыта сплошным текстом, выполненным с удивительным мастерством (№ 40).

Объединить эти памятники издателей побудили два обстоятельства: то, что все они выполнены на камне, и то, что в большинстве текстов встречается знак, обозначающий поле (gan_2). И. Гельб, чьим трудам мы, прежде всего, обязаны публикации этих текстов, называл их «древние кудурру» (ancient kudurru) по аналогии с каменными стелами (кудурру) касситского времени, на которых фиксировались дарственные и гарантии на землю.

Происхождение самых древних документов неизвестно, более поздние были найдены в Лагаше, Адабе, Сиппаре, Ниппуре и ряде других городов. Во всех случаях, когда сохранились сведения о месте их находки, они были найдены на территории храмов. Некоторые памятники из этой группы давно опубликованы и широко исследовались. Это, прежде всего, Черный камень Луматура и обелиск Маништусу, которые еще в 50-е гг. были переведены и исследованы И.М. Дьяконовым, чья монография не потеряла своей ценности и актуальности и до сих пор [Дьяконов, 1959]. Большинство памятников стало доступно исследователям впервые. В издании приведено также еще 282 различных контракта купли-продажи III тыс. до н.э., записанных на глине.

Что касается интерпретации содержания этих памятников, то и сами издатели и большинство исследователей склонны рассматривать их как единую по смыслу группу документов, зафиксировавших в разное время в разных частях Вавилонии сделки по купле-продаже обрабатываемой земли. И далее, на основе такого понимания этих памятников, авторы издания приходят к выводу о существовании института частной собственности на землю уже в ранний период истории Месопотамии. Однако разные исследователи по-разному понимают тот социальный и политический контекст, в котором совершались эти сделки, и это понимание напрямую связано с их отношением к теории о храмовом государстве.

Экономика и социум ранней Месопотамии в работах других исследователей. По мнению Д. Эдцарда, который уверен, что теория А. Даймеля окончательно ушла в прошлое, изданные в «Earliest Land Tenure Systems in the Near East: Ancient Kudurrus» тексты являются документами купли-продажи. Они показывают, что в середине III тыс. до н.э. в Месопотамии «существовали отдельные индивидуумы или группы индивидуумов, которые не входили в царское или храмовое хозяйство. Иными словами, они не имели

связи с «Богом» или «Государством». Они имели право уступать право владения землей путем продажи. К сожалению, невозможно составить представление о том, какое количество обрабатываемой земли на территории данного города-государства находилось в частном владении» [Edzard, 1996].

По мнению Б. Фостера, теория храмового государства А. Даймеля изначально была неадекватно сформулирована. Б. Фостер считает, что, она никогда не была доказана на основании документов, привлеченных для этого. Текст Реформ Уругакины, использовавшийся автором гипотезы, по мнению исследователя, скорее опровергает, чем поддерживает эту гипотезу, к тому же с изучением и пониманием этого памятника связаны серьезные и пока не преодоленные филологические трудности. Остается недоказанным и фундаментальное предположение А. Даймеля, что он работал с храмовым архивом, поскольку хозяйство Бау, откуда происходит основная масса документов, использованных А. Даймелем, выглядит скорее как административная фикция, чем как храмовое хозяйство, существовавшее с ранних времен. Б. Фостер, правда, выразил недовольство не только самой теорией храмового государства, но и ее критиками, прежде всего И.М. Дьяконовым и И. Гельбом, которые, по его мнению, в своих опровержениях «используют те же факты и ту же логику, что и А. Даймель» [Foster, 1981]. Сделанное И.М. Дьяконовым, а позднее в отношении Нузи Н.Б. Янковской [Янковская, 1959] описание земельных владений общин и больших семей, как указал Б. Фостер, прекрасно подходит для естественно орошаемых территорий Месопотамии, но его трудно вписать в шумерский ландшафт. Очень большой отклик в мировой науке вызвало также предположение отечественных исследователей о низких ценах на землю как результате «вынужденных» продаж [Foster, 1994].

Несколько другого мнения придерживается И. Ренгер. В его позиции можно, по-видимому, усмотреть оригинальный вариант теории А. Даймеля. И. Ренгер считает, что в середине IV тыс. до н.э. вся обрабатываемая земля находилась в коллективном владении под контролем сельских общин. После 3200 г. до н.э. контроль над сельскохозяйственными территориями постепенно перешел к институтам территориальных объединений (Домам), которые организовывали, строили и поддерживали ирригационные системы. Дома и сельские общины какое-то время сосуществовали вместе,

пока между 2800 и 2400 гг. до н.э. остатки сельских общин не были окончательно абсорбированы Домами.

Отчуждение или покупку сельскохозяйственных земель, зафиксированную на документах из камня, как считает И. Ренгер, можно рассматривать как отражение консолидации земли в руках правящей элиты или представителей Домов, в интересах которых они, вероятно, и действовали. Земельные отношения в Месопотамии III тыс. до н.э., по мнению автора, менялись в определенном направлении: индивидуальное и коллективное владение землей постепенно исчезали. В XXI в. до н.э. к концу этого процесса консолидации земли крупные административные хозяйства контролировали практически всю обрабатываемую территорию. Население было интегрировано в эти крупные хозяйства [Renger, 1995].

Своя точка зрения на вопрос о значении опубликованных документов для понимания экономики древней Месопотамии у П. Штайнкеллера, одного из издателей «*Earliest Land Tenure Systems in the Near East: Ancient Kudurrus*» [Gelb, Steinkeller, Whiting, 1991; Steinkeller, 1993; 1999]. По его мнению, анализ документов, приведенных в издании, позволяет заключить, что в III тыс. до н.э. характер земельных отношений был различным в разных регионах Вавилонии: на севере и на юге (см. раздел «Дихотомия Севера и Юга»). По мере продвижения с севера Вавилонии на ее юг, судя по существующим документам, значение «частной» собственности на землю явно уменьшается. Этому соответствует одновременный феномен возрастающего значения храмового хозяйства по мере продвижения в ту же сторону, т.е. на юг.

Храмовое хозяйство и храмовое землевладение превалировало на крайнем юге и в самых дальних частях ближнего юга — в Лагаше и Умме. Их значение заметно меньше в местностях более северных, Адабе, Исине, Ниппуре, еще более уменьшаясь в Северной Вавилонии, где ведущими формами хозяйства были царские и частные. Тем не менее, как следует из опубликованных документов, частная земельная собственность с очень раннего времени стала известна и на юге. П. Штайнкеллер считает, что это было результатом влияния северных институтов. Отчуждение земли на юге было «привнесенным и довольно маргинальным добавлением к системе храмового хозяйства».

В Раннединастический период земля, поступавшая в продажу на юге, находилась в руках городской элиты, которая ею распоряжалась.

Эта категория земли, по мнению П. Штайнкеллера, происходила из наделов, сдававшихся хозяйством в аренду своим работникам. Сам институт купли-продажи недвижимости развился из института аренды, надолго сохранив многие черты последней: ограниченность срока пользования, право возвращения первоначальному владельцу по истечении определенного срока.

В саргоновский период (XXIV–XXII вв. до н.э.) распространение северных институтов на юг заметно усилилось. Наиболее значительным нововведением этого периода П. Штайнкеллер считает создание на юге новой категории земли, земли короны, которая распределялась среди различных групп царских зависимых людей в обмен на службу. Земли короны изначально были образованы, вероятно, путем конфискации храмовых хозяйств, хотя, возможно, в их создании главную роль играло освоение новых территорий. Храмовые хозяйства, хотя и в несколько меньшем размере, сохранили значительную часть своего прежнего значения и продолжали существовать как и прежде.

В период Ур III (XXII–XXI вв. до н.э.) условия землевладения сильно изменились. Цари III династии Ура были, вероятно, фактическими владельцами храмовых имений на юге, так же как и всех других категорий обрабатываемой земли. Храмовые хозяйства продолжали функционировать, по крайней мере, теоретически как хозяйства отдельных богов, но теперь они управлялись и контролировались прямо государством через посредство назначавшихся глав провинций. Категория земли короны, впервые появившаяся при Саргонидях, в период Ур III значительно расширилась, чтобы поддерживать растущее количество зависимых от короны служителей и обеспечить царей прочной экономической базой.

Вопрос о существовании «частной» земли в период Ур III, по мнению П. Штайнкеллера, трудно решить удовлетворительно. Прежде всего, потому что основная масса документов того времени происходит с юга, где этот тип земельных владений всегда был сравнительно незначительным. Судя по данным документов эпохи III династии Ура, в них зафиксировано «частное» владение только домами и садами. В любом случае отсутствие каких-либо упоминаний о продаже полей в период Ур III, хотя и не отрицает существование такой категории земель, но говорит о том, что отчуждение обрабатываемой земли было в это время запрещено государством.

Таким образом, П. Штайнкеллер предполагает существование двух вариантов общественного развития, в том числе двух вариантов земельных отношений на территории Вавилонии: аккадского и шумерского.

В одной из своих статей П. Штайнкеллер, в настоящее время ведущий специалист по истории ранней Месопотамии, высказал свое отношение к теории А. Даймеля о храмовом государстве [Steinkeller, 1999]. По мнению исследователя, А. Даймель представил в своей работе очень четкую картину той системы, которая действительно существовала в Южной Месопотамии в Раннединастический период. К сожалению, для того, чтобы подчеркнуть символическую роль богов и храмов в этой системе А. Даймель ввел очень неудачный термин «храмовая экономика», что привело к непониманию его теории многими оппонентами. Эти слова у современного читателя ассоциируются с теократическим государством, которым управляют толпы жрецов. В действительности такое представление абсолютно неверно.

В организации храмовых хозяйств не было ничего исключительно религиозного или жреческого, они были чисто светскими учреждениями. Безусловно, определенный религиозный аспект был присущ обязанностям санга или шабра, которые возглавляли эти хозяйства, но то же самое можно сказать в отношении и всех других членов храмовой общины, которые принимали участие в тех же культовых действиях, поддерживая связь с божественным владельцем храмового хозяйства.

Отдельные храмы не являлись независимыми субъектами, свободно распоряжающимися своими ресурсами и доходами. Все полномочия такого рода находились в руках правителя города (энси), который через управителей отдельных хозяйств эффективно контролировал и самостоятельно распоряжался всеми ресурсами города-государства. Это особое смешение секулярного и религиозного, между которыми невозможно провести четкую границу, являлось, по мнению П. Штайнкеллера, наиболее яркой и отличительной чертой системы, возникшей в Южной Вавилонии (Шумер).

П. Штайнкеллер подробно останавливается и на вопросе о том, каким образом эта система возникла. По его мнению, оседлое земледельческое население с сильным общинным самосознанием существовало здесь, т.е. в Южной Вавилонии, уже в период

Убейд. В социальном плане это население было объединено в деревенские или городские общины. По мере развития и усложнения хозяйственных структур развивался процесс присоединения поселений друг к другу. Таким образом, возникали все более масштабные по территории объединения: сначала группы поселений, объединенных единой системой ирригации, затем города-государства.

Этот процесс сопровождался изменениями в идеологии, которая отражала трансформацию, происходившую на политическом уровне. Одновременно с политическим объединением шел процесс присоединения местных пантеонов друг к другу, так что образовывались все более и более обширные группы божественных семей. При этом храм окончательно занял место главного центра управления обществом. Венцом этого развития была концепция города-государства как сложного агроиндустриального комплекса, находившегося во владении божественной семьи.

Эту гипотезу развития Южной Вавилонии, выдвинутую П. Штайнкеллером, можно считать в известной степени подтверждением позиции его учителя И. Гельба, который отрицал теорию «храмового государства» для всей Месопотамии и для всего III тыс. до н.э., но принимал ее как вариант развития в определенном месте и в определенное время (см. выше). Общественно-политическая система, возникшая на юге Вавилонии, коренным образом отличалась от той, которая существовала в это же время на севере Вавилонии (см. раздел «Дихотомия Севера и Юга»), и, возможно, именно это обстоятельство, которое до сравнительно недавнего времени не учитывалось многими исследователями, может в известной степени объяснить различие их позиций.

Отсутствие окончательных доказательств не помешало созданию теоретических работ, авторы которых основывали свои рассуждения на априорном принятии факта существования двух секторов экономики на древнем Ближнем Востоке и, соответственно, в Месопотамии III тыс. до н.э. Одной из наиболее важных теоретических работ в этом направлении была публикация Марио Ливерани, посвященная организации производства на древнем Ближнем Востоке [Liverani, 1984]. По мнению автора, необходимо признать существование на древнем Ближнем Востоке, по крайней мере, двух различных способов производства (mode of production), причем первый возник на основе второго.

Первый способ производства М. Ливерани определяет как «palace mode of production». Это производство было сконцентрировано в «великих организациях» Дворца и Храма. Оно располагалось в городе и базировалось на четкой специализации и социальном разделении труда. Этот способ производства, по мнению исследователя, был более производителен, чем второй, на основе которого он возник, организуя его в свои структуры.

Второй способ производства, который М. Ливерани называет «family mode of production», это производство крестьянских и пастушеских поселений, основанное на сети деревенских общин с родственными самоснабжающимися производительными структурами. Этот способ производства более древний по происхождению и может работать, даже не будучи организован в рамки дворцового способа.

Производительные единицы, характерные для каждого из двух способов производства: в первом — Дворец и Храм, тысячи работников; во втором — отдельное хозяйство, несколько работников. Различия в стратификации и иерархии: в первом — многоуровневая, во втором — только половозрастное деление. Управление: в первом — царь и его помощники, во втором — отец.

Земля, как основное средство производства, в обоих случаях является собственностью производственного объединения, а управляет ею глава объединения. Не существует частная, т.е. личная, собственность на средства производства, а строгие ограничения на свободное отчуждение земли сохраняются очень надолго.

В такой двухчастной структуре, по мнению автора, Дворец доминировал в политике, а Семья в экономике. Экономическая власть Дворца постоянно подрывалась. Ее подрывала выдача наделов земли вместо рацийонов, принятие положения «сын наследует отцу в должности», так что становилось трудно отобрать землю у семьи и т.п. Отношения Дворца и Семьи были очень напряженными, и именно эта напряженность приводила к серьезным социальным изменениям [Liverani, 1984].

Очень интересное исследование М. Ливерани носит все-таки несколько схематичный характер, причем наличие двух разных способов производства, возникших из изначального «семейного», принимается априори и для всего региона Сирии — Месопотамии.

Работы И.М. Дьяконова, а вслед за ним И. Гельба в области экономики и социума древней Месопотамии за пределами «великих

организаций» вызвали исключительный интерес среди исследователей. В 1984 г. вышел сборник статей, посвященный этим проблемам [Archi, 1984]. Главной задачей издания, как указал его составитель, было привлечь внимание исследователей к проблеме частного сектора экономики и наметить пути ее изучения. Авторы представленных в сборнике статей исследовали сферу экономики, прямо не зависимой от «великих организаций».

Статьи расположены в хронологическом порядке и охватывают период III—I тыс. до н.э., хотя некоторые периоды оказались пропущены (Ур III). Несмотря на дискуссионный характер представленных в сборнике исследований, все авторы делают совершенно определенный вывод: роль частного экономического сектора во все рассматриваемые периоды истории Месопотамии была более важной, чем считалось до сих пор.

Несмотря на такое единодушие во мнении разных авторов, существование частного сектора экономики в Месопотамии III тыс. до н.э. и после публикации этого сборника для многих исследователей осталось вероятным, но не доказанным предположением. Прямые аргументы в его пользу, по их мнению, отсутствуют. Возможно, это объясняется тем, что документация велась, главным образом, в рамках «великих организаций», а деятельность, проходившая за их пределами, если согласиться, что ими не исчерпывалась экономическая и социальная сфера общества, вероятно, не фиксировалась документально. Несмотря на всю критику, концепции храмового государства, хотя и в модифицированном виде, сейчас придерживаются многие исследователи.

Тем не менее большинство специалистов, участвующих в дискуссии по этим проблемам, соглашаются, что частная или общинная земля существовала в Месопотамии III тыс. до н.э. наряду с *institutional land*, хотя невозможно решить, как велики были размеры каждого типа землевладения в определенном месте и в определенное время. Совершенно невозможно, однако, восстановить полностью топографическую ситуацию вокруг городов и определить, где располагались поля каждого из земельных секторов.

Существование различных форм землевладения в древней Месопотамии разные исследователи объясняют по-разному: как результат действия разных социальных, политических и экологических условий, а, возможно, как считает П. Штайнкеллер, мы имеем дело с двумя альтернативными типами развития.

В качестве заключительного аккорда можно сослаться на карту мира, которая была нарисована на обороте таблички, датированной примерно на 500 лет раньше периода Ур III, и которая использовалась как учебное пособие для обучения писцов. На карте изображен населенный мир в форме свастики, образованной четырьмя знаками «поле» (*gan₂*), отходящими от центрального знака «гора» (*kur*), обозначающим, вероятно, Ниппур, как религиозный центр мира. Знак окружен линиями, обозначающими реки и каналы, откуда поступает вода для орошения полей. На внешней части таблички находится список из названий профессий [Wiggermann, 1996]. Суть рисунка некоторые исследователи толкуют следующим образом: идеальный мировой порядок состоит в том, что вся обрабатываемая земля управляется администрацией, в нем нет места для того, что существует за пределами дворцовых или храмовых институтов [Maaija, 1998].

Изучение социально-экономической истории аккадского периода. Одним из первых серьезных исследований на эту тему была монография И.М. Дьяконова «Общественный и государственный строй древнего Двуречья: Шумер» [Дьяконов, 1959]. Это издание, несмотря на полвека, прошедшие со времени его появления, до сих пор остается самым оригинальным и доступным для понимания исследованием государства и общества саргоновского периода. Несколько позднее было опубликовано исследование аккадского периода М. Ливерани [Liverani, 1966].

Существенным недостатком этих и ряда более поздних публикаций, посвященных политической и социально-экономической истории аккадского периода, оказалось то обстоятельство, что их авторы практически не учитывали важнейшие письменные источники этого времени: административно-хозяйственные архивы. Авторы этого времени использовали в своих работах, в основном, царские надписи и хроники, очень редко ссылаясь на архивные документы, хотя, конечно, знали об их существовании [Adams, 1966: 153].

Единственным исследователем, который еще в 50-е гг. XX в. проанализировал изданные к тому времени саргоновские административные тексты, найденные за пределами Шумера, был А.И. Тюменев. В своей фундаментальной монографии, посвященной эволюции государственной экономики в Месопотамии III тыс. до н.э., он дал детальный анализ аккадских текстов из

района Диялы и Гасура. По его мнению, эти документы были отчетностью храмовых хозяйств, хотя роль таких хозяйств на севере Месопотамии, как считал автор, была несравнимо меньше, чем на юге. В то же время на севере было значительно более сильно развито частное землевладение, о чем свидетельствовали, по мнению А.И. Тюменева, многочисленные документы продажи полей из Эшнунны [Тюменев, 1956].

Только сравнительно недавно староаккадский материал, которым долгое время пренебрегали, наконец, привлек внимание исследователей. Со времени публикации А.И. Тюменева было издано много новых хозяйственных документов саргоновского периода. Анализ этих текстов позволил составить более четкое представление о хозяйственной и административной системе аккадского государства. Большой вклад в исследование этих проблем внесли работы Б. Фостера [Foster, 1982; 1982a; 1982b; 1982c; 1993].

В одной из своих статей Б. Фостер описал все существующие собрания архивов аккадского времени, их хронологическое и географическое распределение, характер и содержание, отметив, какие документы из них опубликованы [Foster, 1982a]. Сохранилось около 5 (4,7) тыс. архивных документов аккадского периода из разных мест Шумера, Аккада, из района Диялы, из Гасура, Суз и ряда других мест. По мнению Б. Фостера, документы отражают существование в саргоновский период двух различных региональных систем отчетности: шумерской и аккадской. В то время как происхождение шумерской системы можно проследить в прошлом, происхождение аккадской системы представляет собой серьезную историческую проблему.

Автор рассматривает вопрос о хронологическом и географическом распределении архивов аккадского времени, устанавливает соотношение между внешним видом табличек (их физическими характеристиками) и уровнем отчетности, к которой относился документ.

Все архивы аккадского времени Б. Фостер делит на три группы: семейные или частные, архивы отдельных хозяйств и архивы особо крупных хозяйств. Далеко не всегда это деление бесспорно. В трактовке некоторых «частных» архивов нельзя не усмотреть бессознательной попытки объяснить документы III тыс. до н.э. с точки зрения окружающей автора современной атмосферы делового предпринимательства. Так, один архив из Уммы, в котором

главными действующими лицами является семейная пара, муж и жена, Б. Фостер рассматривает как архив «преуспевающего семейного предприятия», связанного договорными отношениями с каким-то крупным хозяйством. «Это семейное предприятие было доходным для обеих заинтересованных сторон, и это семейство было преуспевающим в своих начинаниях».

Однако никаких собственно «фамильных» документов — купли-продажи недвижимости, рабов, раздела имущества, усыновления и т.п. — в архиве нет. Скорее всего, документы составляли архив одного из отделений государственного хозяйства, а сами супруги, вероятно, были не «частными предпринимателями», а управителями этого отделения. В состав управляемых этой парой пахотных земель и стад входило, по-видимому, и имущество, переданное им во владение за службу. Таким образом, утверждения Б. Фостера о существовании в аккадский период «частного» сектора экономики, который находился в распоряжении «независимых богатых горожан», нельзя считать полностью доказанным [Козырева, 1985].

Исследование аккадских архивов позволило Б. Фостеру сделать весьма интересные наблюдения. В ряде архивных документов перечисляются определенные участки полей, предназначенные неким людям (число людей обычно круглое). При этом, как установил автор, вовсе не обязательно перечисленные люди действительно имели в держании данные участки полей. Скорее всего, эти участки были записаны за ними номинально, таким способом между ними делился будущий урожай, а все поля, указанные в списке, либо обрабатывались профессиональным земледельцем (*engar*) либо сдавались в аренду.

Административные тексты саргоновского периода, как считает автор, позволяют реконструировать недокументированную систему коллективного земельного держания, которая, вероятно, являлась главным способом использования земель в храмовых и дворцовых хозяйствах аккадского периода. Фундаментом этой системы, как считает Б. Фостер, могла служить та «система общинного землевладения, которая столь тщательно описывается в работах И.М. Дьяконова и других российских исследователей» [Foster, 1994]. В период Ур III она была полностью заменена системой прямой выдачи рационов работникам гурушам [Дьяконов, 1968].

Изучение экономической структуры государства III династии Ура. Работы П. Штайнкеллера. По мнению П. Штайнкеллера, государство III династии Ура в плане экономики и управления разделялось на две совершенно разные сферы: центр (core) и периферию (periphery). Центр включал в себя Южную и Северную Вавилонию и прилегающую к ней часть региона Диялы с Эшнунной. Периферией П. Штайнкеллер называет земли, присоединенные к государству III династии Ура завоеваниями Шульги. Они располагались к востоку, северо-востоку и северу от Вавилонии. По мнению П. Михаловски, эти земли являлись некоей буферной зоной и служили как «defense line as well as the staging area for military expeditions against enemies» [Michalowski, 1978]. Территория центра была разделена примерно на 20 провинций, каждая из которых занимала территорию существовавшего здесь некогда города-государства. Главы провинций (энси) назначались царем из числа местного населения и теоретически могли быть перемещены в другую провинцию или заменены по воле царя. На практике, однако, эта должность в большинстве провинций постепенно превратилась в наследственную [Ragg, 1974; Zettler, 1984]. В каждую провинцию назначался и командующий военным гарнизоном (шагина), обычно не местного происхождения, который был совершенно независим от главы гражданской власти.

Экономика центра состояла из трех секторов: храмового, царского и частного. Частный сектор действительно существовал, и есть данные, что в период Ур III существовало частное землевладение [Gelb, 1969], однако оно было незначительно по масштабам и не играло сколько-нибудь заметной роли в экономике.

Храмовое хозяйство со всеми его ресурсами и доходами, так же как и царское хозяйство, фактически находилось в руках государства. Такая беспрецедентная концентрация экономических ресурсов, распределенных по огромной и экологически очень разной территории, позволила царям III династии Ура создать целенаправленную политику региональной специализации, так что каждый регион концентрировался на производстве определенных товаров и продуктов.

Такая экономика с высокой централизацией и региональным разделением производства требовала создания эффективного механизма распределения, который мог бы обеспечить продвижение продуктов и товаров по всей территории страны. В центре такого

рода потребностям отвечал существовавший здесь институт **bala**. Первым исследователем, описавшим это явление, был В. Халло. По его мнению, это была панвавилонская организация, в чьи задачи входило снабжение храмов Ниппура, религиозной столицы Вавилонии [Hallo, 1960]. Исследователь понимал **bala** как форму распределительной системы внутри амфикистии, союза городов, подобного тому, который существовал в Греции в Дельфах.

Со времени появления статьи В. Халло появилось много новых публикаций, которые позволили расширить понимание этого института. Представляется, что институт **bala** функционировал как центральная распределительная система, объединяя все провинции в единое взаимосвязанное целое. Главными элементами этой системы были распределительные центры, специально созданные в период Ур III, которые специализировались на сборе и распределении различного вида продуктов (не только скота, как считал В. Халло): зерна — Дусабара, скота и продуктов скотоводства — Пузриш-Даган и др.

Основные источники для изучения «периферии» государства III династии Ура — это хозяйственные тексты с записями поступлений (**gun₂ ma-da** — tax of the provinces) скота в Пузриш-Даган. Эти ежегодные платежи поступали от воинов, живших на завоеванных территориях, причем величина платежа прямо зависела от служебного ранга. Помимо скота из периферии в центр поступали также серебро, древесина, растительное масло, вино и некоторые другие продукты. Из центра на периферию поступало главным образом зерно (из Лагаша в Сузы).

В административном плане периферия делилась на провинции с центром в самом крупном поселении территории, которые управлялись высшими военными чиновниками, назначавшимися царем. Об экономической структуре периферии почти ничего неизвестно.

Теория К. Бринкмана в ассириологии. Многие исследователи земельных отношений в ранней Месопотамии разделяют мнение известного социолога и историка Карла Бринкмана: «Самым общим правилом в институте распоряжения землей является то, что на одну и ту же вещь может распространяться два или даже более прав собственности». Согласно этому мнению, представление о том, что земельное владение может существовать как право индивидуума в отрыве от других прав и обязанностей, было чуждым для

древности. В традиционных обществах на определенный объект недвижимости распространялось более чем одно право собственности. Эти права обычно образовывали иерархию. Таким образом, можно представить себе такую систему землевладения, в которой царь формально являлся собственником всей обрабатываемой земли, и где в то же время такая земля свободно продавалась в сфере частных владельцев. В такой теоретической ситуации частный владелец мог сохранять исключительные права на купленную собственность, но в случае, если эти права вступали в конфликт с правами царя, последний при определенных обстоятельствах мог конфисковать эти земли и вернуть их короне.

По всем этим причинам невозможно говорить о частной или индивидуальной собственности на землю — в том смысле, в котором эти термины употребляются в римском или современном праве — когда имеется в виду ситуация в древности. То, что мы здесь имеем, это просто различные формы владения. И в этом свете многие известные нам примеры отчуждения земли означают, по-видимому, только передачу прав владения.

Теория К. Поляни в ассириологии. Большинство ассириологов, за исключением сторонников теории М. Вебера или наших отечественных исследователей, которые работали в рамках марксистской модели, как правило, не имели четкой концепции при исследовании давно ушедших экономических систем. Анализируя экономические проблемы, они чаще всего исходили, более-менее неосознанно, из своего опыта существования в сфере рыночной экономики. В 50–60-е гг. XX в. несколько десятилетий продолжалась ожесточенная дискуссия, главным образом в среде экономических антропологов, о возможности создавать концепции и анализировать экономики неиндустриальных обществ.

Эти дискуссии, вызванные работами Карла Поляни, имели большое влияние на интерпретацию характера экономического развития древнего Ближнего Востока и, в частности, древней Месопотамии, так как К. Поляни тесно сотрудничал с Л. Оппенгеймом и использовал в своей работе его материалы по древней Месопотамии [Polanyi, 1957; 1977].

В основе позиции Карла Поляни лежала идея о трехчастном экономическом делении обществ по доминантным способам обмена: распределение, *reciprocity* и рынок. При этом автор особенно настаивал на том, что существует фундаментальное различие

между современной экономикой, основанной на ценообразующих рынках, и экономиками традиционными, неиндустриальными как древними, так и средневековыми, в которых социальные и экономические аспекты составляли одно неразделимое целое, соответствующим образом направляя и экономическую активность, и поведение индивидуумов.

Такое различие, по мнению К. Поляни, требует для своего исследования особых аналитических методов, отличных от тех, с помощью которых изучается современная экономика, поскольку древние экономические институты действовали по другим правилам, чем современная рыночно-ориентированная экономика.

К. Поляни считал, что механизм рынка, как института, образующего цены на основе спроса — предложения, возник очень поздно, возможно, в XVIII в. Так же поздно появились рынки с меняющимися ценами на товары, услуги и землю. Совершенно другие способы получения необходимого для жизни бытовали не только в древности, но и в доиндустриальных обществах нового времени.

Изучение древних обществ показало, как считал К. Поляни, что значительная часть населения в них получала все необходимое для жизни не через рынок, а другими путями. Однако предложенная автором концепция безрыночной экономики вызвала особенно ожесточенную дискуссию. Большинство исследователей были сторонниками теории рыночной экономики, как единственно возможной, и зачастую даже не хотели серьезно обсуждать возможность существования других, помимо рыночных, способов получения продуктов и всего необходимого для жизни: allocation, распределение, бартер и другие формы обмена, subsistence production, самоснабжение.

Одним из наиболее широко распространенных способов получения необходимого для жизни при отсутствии рыночного обмена, по мнению К. Поляни, было распределение. Автор рассматривает его как способ передать производителям продукты труда общества, которые коллективно производятся, централизованно собираются и хранятся. Здесь нет никаких следов равенства, справедливой доли или платы за качество труда. Социальная модель характеризуется как централизованная: все точки периферии связаны с центром. Сохранение и распределение через определенные периоды времени урожая обеспечивали безопасность и уверенность.

Именно потребность в безопасности побуждала большие хозяйства или государство создавать запасы, чтобы пережить плохие времена, скорее, чем соображения выгоды или торговли.

Распределение, таким образом, может появиться в самых разных политических системах. Принцип распределения как важнейшая экономическая, социальная и политическая доминанта действовал в государстве инков, играл решающую роль в отдельные периоды истории древнего Египта, его следы можно обнаружить на древнем Кипре, Крите, в микенских государствах древней Греции.

Среди ассириологов концепция К. Поляни о безрыночном характере экономики в Месопотамии получила большую поддержку со стороны И. Ренгера, по мнению которого «рынок никогда не был более чем *an accessory complementing* элементом экономики, основанной, прежде всего, на принципах распределения и *reciprocity*». Экономика, базировавшаяся на сельском хозяйстве в рамках крупных самоснабжающихся Домов, которые производили немного более самого скромного необходимого уровня, не оставляла практически никаких возможностей для саморегулирующегося рынка или рыночной системы [Renger, 1994; 1995: 114].

«Рынка как экономического фактора, определяющего экономику Месопотамии в целом» не существовало, аккумуляция богатства была связана со статусом и престижем, и максимизация прибыли не была ведущей силой экономических процессов в Месопотамии [Renger, 1995: 64ff.]. И. Ренгер поддержал и выдвинул К. Поляни концепцию распределения как особенно важную для понимания экономики древней Месопотамии. По мнению И. Ренгера, важнейшими распределительными организациями Месопотамии были храм и дворец, которые регулировали цены и условия кредита.

И. Гельб посвятил фундаментальную статью вопросу об одном из главных аспектов распределительной системы древней Месопотамии: снабжению пищей зависимых работников всех уровней, от высшего до низшего, в крупных хозяйствах (государственных или иных) путем выдачи рацийонов (за день, месяц или год) натуральными продуктами [Gelb, 1965].

Со временем выявилась ошибочность некоторых положений К. Поляни. Однако критика этих ошибок не может умалить важность основополагающей концепции исследователя: древние экономические институты действовали по другим правилам, чем

современная рыночно-ориентированная экономика, и поэтому требуют для своего исследования особых аналитических методов.

* * *

Лицо любой науки определяется характером источников, которыми она располагает. Любая отрасль науки о древности опирается, с одной стороны, на памятники материальной культуры (археологические источники), с другой — на тексты (письменные источники), написанные на «мертвых» языках в разных системах письма, которые в большинстве своем вышли из употребления много веков назад. Так же обстоит дело и с ассириологией в целом, и с составной ее частью — шумерологией. Однако следует отметить, что доля письменных источников в этих областях знания существенно превышает долю археологических. Обилие сохранившихся до наших дней клинописных текстов, объясняющееся, прежде всего, удивительной стойкостью основного материала, который использовали для письма жители Месопотамии, — глины (ей, например, не страшны пожары), — позволяет ассириологам изучать необычайно широкий круг культурно-исторических проблем, проникать в детали, часто ускользающие от специалистов других областей.

Следует еще раз подчеркнуть важную отличительную черту клинописных источников: основную их массу во все периоды составляют хозяйственные документы, которые записывались с целью повседневного административного учета и сохранились случайно, без специального отбора. В особенности это относится к корпусу текстов III тыс. до н.э., который ограничивается преимущественно экономическими и юридическими документами. Дополняют их исторические царские надписи. Большинство же памятников шумерской литературы дошло до нас от более позднего времени (начала II тыс. до н.э.), когда шумерский язык уже перестал быть разговорным языком Южной Месопотамии и сохранялся лишь в качестве литературного языка в вавилонских школах — центрах образования и науки.

Наличие огромного количества документов административного характера определило столь серьезную роль социально-экономических исследований в шумерологии. Основные теории развития экономики, устройства общества и становления государственности в Месопотамии IV—III тыс. до н.э. были охарактеризованы выше.

В заключение представляется необходимым кратко перечислить другие направления изучения месопотамской истории и культуры, возможные на таком обширном письменном материале.

1. Помимо общих вопросов исторического и социально-экономического развития, тысячи хозяйственных текстов, в основном, последних веков III тыс. до н.э. позволяют детально изучать отдельные отрасли экономики. Здесь следует отметить появившиеся в последние несколько десятилетий монографии по организации сельскохозяйственного [Pettinato, 1969; Hruska, 1995] и ремесленного [Loding, 1974; Neumann, 1987–1993] производства, торговли [Snell, 1982], текстильной индустрии [Waetzoldt, 1972], металлургии [Limet, 1960], керамического дела [Sallaberger, 1996], рыболовства [Englund, 1990] и животноводства [Stepien, 1996].

2. Большое внимание уделяется изучению реалий повседневной жизни шумерского общества. С 1984 г. в Кембридже под редакцией Н. Пострейта и М. Пауэлла выходит серия «Bulletin on Sumerian Agriculture» (BSA) — сборники статей, в которых подробно обсуждаются, например, методы возделывания земли в Месопотамии, зерновые культуры, фрукты, овощи, сорта тростника и породы дерева, породы скота и продукты животноводства, а также элементы системы искусственного орошения. При этом терминология, известная нам из клинописных текстов, сравнивается с соответствующими реалиями современного Ирака, с данными палеоботаники, палеозоологии и этнографии.

3. Административные документы являются также одним из важных источников изучения религиозных представлений шумеров; во всяком случае без них картина религиозной жизни Месопотамии III тыс. до н.э. была бы гораздо более фрагментарной. В документах речь часто идет о выдачах и поступлениях скота, а также разнообразных продуктов (муки, пива, масла) для жертвоприношений; при этом перечисляются боги и храмы, в которых они почитались, религиозные праздники, культовые процессии. В этой сфере исследований необходимо отметить монографии, посвященные раннединастическим пантеонам Месопотамии [Roberts, 1972; Mander, 1986; Selz, 1995], а также культовой жизни государства III династии Ура [Sallaberger, 1993].

4. Большой интерес представляют исследования топографии Южной Месопотамии III тыс. до н.э. на основе текстовых данных о перемещениях различных товаров или отправке работников

из города в город. Первым такого рода исследованием явилась диссертация Г. Заурена по топографии провинции Умма в эпоху Ур III [Sauren, 1966]. Среди последних работ на эту тему следует упомянуть чрезвычайно интересную статью П. Штайнкеллера, в которой пересматриваются многие взгляды Г. Заурена [Steinkeller, 2001]. С 1974 г. в Висбадене выходит справочник по географии Месопотамии «*Répertoire Géographique des Textes Cunéiformes*». Особенно перспективными представляются топографические исследования, основанные на сопоставлении письменных и археологических источников.

§ 6. Историография истории Месопотамии старовавилонского периода

Период истории Месопотамии, занимающий первую половину II тыс. до н.э. (от 2000 до 1600 г. до н.э.) условно называется старовавилонским. Обычно он подразделяется историками на две части: время от падения государства III династии Ура до объединения Месопотамии под властью Хаммурапи, 2000—1800 гг. до н.э., условно называется «периодом Исына и Ларсы» или «ранним (первым) старовавилонским периодом», а два столетия существования объединенной Месопотамии с центром в Вавилоне — собственно «старовавилонским периодом» или периодом «I вавилонской династии». Основными источниками по истории Месопотамии старовавилонского периода являются дошедшие до нас памятники материальной культуры того времени, в том числе раскопанные археологами дворцы, храмы и жилые кварталы месопотамских городов, и огромное количество текстов — литературно-религиозных, хозяйственных, юридических, учебных, частных и официальных писем, царских надписей и т.д., — найденных в ходе раскопок.

Краткий очерк политической истории Месопотамии в первой половине II тыс. до н.э. Падение и разрушение Ура в конце III тыс. до н.э. было описано в двух поэтических произведениях, составленных в период реконструкции этого города в правление царей I династии Исына. Судя по этим литературным текстам, к падению династию привели несколько причин: вторжение амореев с запада, внутренние беспорядки и набег эламцев с востока [Jacobsen, 1987; Michalowski, 1989].

В настоящее время считается, что государство III династии Ура распалось, прежде всего, из-за внутренней нестабильности; определенную роль в ускорении этого процесса сыграли, конечно, и соседи Месопотамии, прежде всего, государство Элам, граничившее с юго-восточными окраинами государства III династии Ура. Свою лепту внесли и амореи, число которых на территории Месопотамии в конце III тыс. до н.э. многократно возросло за счет новых волн переселенцев из сирийских степей.

Распад государства сопровождался крушением созданной царями III династии Ура общегосударственной централизованной системы управления, в том числе и управления ирригационными комплексами, полным разрывом устоявшихся внутри государства прочных связей производства, сбора и распределения продуктов. Все это катастрофически отразилось на хозяйственной жизни страны. Этим воспользовались группы аморейских племен, постепенно все более активно занимавшие территории между городами Южной Месопотамии. Грабежи, поджоги, нападения на поселения и даже на города стали повсеместным явлением. Многие города, особенно на юге, пришли в упадок и запустение и даже были на некоторое время покинуты жителями [Дьяконов, 1990].

Однако внутренний потенциал городской системы месопотамской цивилизации был еще далеко не исчерпан. Спустя несколько десятилетий жизнь в городах Южной Месопотамии стала вновь постепенно налаживаться. Каждый город в отсутствие централизованной политической власти пытался выжить самостоятельно; во многих городах возникли местные династии. Южная Месопотамия вновь превратилась в «страну городов», какой она была в самом начале существования месопотамской цивилизации [Козырева, 1983].

Важнейшие рычаги политической и военной силы в Месопотамии в это время оказалась в руках вождей аморейских племен, военные отряды которых контролировали территории, окружавшие отдельные города. Правители и население этих городов были заинтересованы в дружественных отношениях с этими аморейскими вождями, надеясь на их защиту в случае появления других племен и на возможность продолжать при их поддержке традиционный образ жизни [Whiting, 1987].

Письменные источники начала II тыс. до н.э. — многочисленные административно-хозяйственные, юридические документы,

письма — содержат сведения о дипломатических контактах правителей городов с вождями дружественных аморейских племен, о династических браках, заключавшихся между семьями правителей и представителями аморейской аристократии и о военных столкновениях с враждебными племенами [Козырева, 2001].

Постепенно — этот процесс продолжался примерно 100–150 лет — либо мирным путем (династические браки), либо военным в большинстве городов Месопотамии к власти пришли аморейские династии. Самая известная из них — I вавилонская династия, при шестом представителе которой, царе Хаммурапи (1792–1750 гг. до н.э.), Южная Месопотамия была вновь объединена в единое государство со столицей в Вавилоне. Деятельность этого царя известна нам не только по царским надписям и хозяйственным документам того времени, но и по сохранившейся обширной переписке Хаммурапи с его чиновниками.

Вся хозяйственная деятельность на завоеванном юге находилась под строгим контролем царской администрации и самого царя [Leemans, 1968; Дьяконов, 1990]. Огромные массивы сельскохозяйственных земель, располагавшиеся на завоеванном юге, были переданы под управление вавилонской администрации, независимо от того, в чьем распоряжении эти земли находились до завоевания. Местная политическая инициатива сурово подавлялась, и все ресурсы юга направлялись на север в столицу [Leemans, 1950; 1960; 1968; 1968a].

Государство Хаммурапи было окончательно сформировано только в последние 10–12 лет его правления. Оно начало распадаться уже при его сыне, тем не менее, этот краткий период существования объединенной Месопотамии оставил огромный след в ее истории и в памяти потомков [Gadd, 1973; Oates, 1979; Stol, 1976].

Сведения об истории старовавилонского периода в течение 155 лет после смерти Хаммурапи и до завоевания Вавилона хеттами весьма ограничены. Историки обычно уделяют только несколько страниц изложению происходивших в это время событий. От пяти преемников Хаммурапи дошло несколько царских надписей, их имена вскользь упоминаются в поздних хрониках, и историки, восстанавливая события их правления, опираются, главным образом, на данные датировочных формул.

Картина, которую позволяют восстановить эти источники, довольно схематична. Хаммурапи был удачливым и разумным

правителем, но уже в правление его сына и позднее территория государства стала постепенно уменьшаться под давлением с юга, севера и запада. При последних представителях династии она уменьшилась настолько, что вернулась к первоначальным размерам, т.е. территории столицы и ее окрестностей. Государство пришло в полный упадок, и хетты в 1595 г. легко смогли захватить Вавилон и положить конец существованию династии.

Города. Для жителей древней Месопотамии город был центральным элементом их жизни и культуры. На всем протяжении истории месопотамской цивилизации они считали себя горожанами, жителями определенного города, а не страны. Правители Вавилонии называли себя царями своих столиц и старались установить личные связи с другими значительными городами своей страны. Обязательным аспектом царской деятельности было восстановление древних городов или строительство новых столиц: Аккад, Дур-Куригальзу, Кар-Тукульти-Нинурты. Цари Месопотамии были хорошо знакомы со своими негородскими подданными и в своих надписях часто подчеркивали связи с отдельными племенными группами, но по своей культуре они были чисто городскими жителями.

И в наше время почти все доступные историкам памятники письменной и материальной культуры древней Месопотамии происходят именно из городских поселений. По мнению большинства исследователей, именно города были самым значимым элементом месопотамской цивилизации, тем не менее, изучению городов и городской жизни долгое время почти не уделялось внимание. В 50-е гг. XX в. до н.э. Р. Адамс, который проводил раскопки в Южной Месопотамии, организовал археологические и антропологические исследования для изучения проблемы происхождения городской цивилизации. Эти работы показали, каким образом шел процесс трансформации поселений от небольших сельских поселков к крупным городским центрам, появившимся во второй половине IV тыс. Работы Р. Адамса и его коллег имели огромное значение для понимания общих процессов урбанизма, однако изучение развития отдельных городов было невозможно только методами топографической археологии.

Исследователями, занимавшимися проблемами старовавилонского периода, была проделана огромная работа по изучению городов и городской жизни. При этом основными источниками

для изучения в отдельных случаях были только данные археологии (1), исключительно письменные материалы (2), но наиболее интересными оказались результаты исследований, в основе которых лежал комбинаторный метод: одновременное изучение археологического и письменного материала (3).

(1) Только археологические источники. Целый ряд городов древней Месопотамии конца III — начала II тыс. до н.э. известен нам только по данным археологии. В ходе раскопок интерес археологов привлекали прежде всего монументальные постройки, очень мало внимания обращалось на изучение города как такового, однако в некоторых случаях все-таки проводились достаточно интенсивные исследования жилых кварталов.

Уникальный пример города, известного только по данным археологии, представляет собой Телль-Тайя (Tell Taya) в Северо-Восточном Ираке [Reade, 1982]. Сравнительно небольшой по площади центр города был обнесен стеной, вокруг которой раскинулся внешний город, простиравшийся примерно на 155 га. Судя по керамике, внешний город можно датировать концом III тыс. до н.э. Фундаменты строений были сооружены из каменных блоков, и поэтому их можно проследить достаточно легко. «Планировка города представляет собой уникальный пример городской структуры конца III тыс. до н.э. с ее проезжими путями, открытыми пространствами, тупиками, аллеями, домами разных размеров, зданиями на перекрестках улиц, которые, вероятно, были храмами, ремесленными кварталами, где работали горшечники и каменщики» [Reade, 1982: 77]. При этом в домах не было найдено ни одной таблички, и о названии этого города и именах его жителей можно только гадать.

(2) Только письменные источники. Не всегда исследователи располагают археологическим материалом. Некоторые города изучены на основании исключительно письменных памятников, что делает получаемую картину достаточно схематичной. Таковы, например, исследования городов Сиппара, Дильбата, Ларсы.

Сиппар. В 60-е гг. XX в. в Восточном институте Чикаго началась работа над проектом «Городское общество. Экономика и демография древней Северной Вавилонии». Основные усилия были направлены на изучение текстов из города Сиппара, располагавшегося примерно в 45 км к северу от Вавилона. Результатом проекта было издание Р. Харрис серии статей и фундаментальной монографии «Древний Сиппар» [Harris, 1975].

Автор проработала около 1747 документов из Сиппара, которые были составлены здесь в течение трехсот лет (1894—1595). Публикации Р. Харрис исключительно интересны по собранному материалу и его анализу, предложенному автором. Большинство текстов, изученных автором, происходили не из дворца или храма и не из частных архивов, а из монастыря, куда помещали своих дочерей богатые жители Сиппара и других вавилонских городов. При вступлении в обитель девушки получали приданое, которое многие из них активно использовали во время жизни в монастыре. Они купали дома, поля, сады и затем сдавали это имущество в аренду, приумножая свой капитал. К сожалению, и храм и обитель при нем были полностью скрыты и уничтожены во время «раскопок» в Сиппаре в 1894 г., которые проводил В. Шейль.

Исследование Р. Харрис по-новому осветило вопрос об административном устройстве старовавилонского города. Оказалось, что город делился на кварталы, со своим центром каждый. Здесь жители квартала под председательством чиновника-хазанну обсуждали и решали свои проблемы. Во главе всего города стоял совет старейшин и его глава, рабианум. Существовало и народное собрание, которое собиралось в тот период только по особо важным случаям.

Несмотря на новизну и ценность информации, содержащейся в монографии Р. Харрис, по мнению ряда критиков, общей картины не получилось, поскольку использованный материал отражал только узкую сферу городской жизни, и его было явно недостаточно для исследования общего характера. Как указывал Л. Оппенгейм, проведенное исследование нельзя назвать «Демографическим исследованием старовавилонского города», скорее это «изучение связей сиппарского монастыря с храмом, дворцом и городской общиной» [Oppenheim, 1977]. Тем не менее эта работа Р. Харрис оказалась во многом новаторской и значительно расширила наши представления о старовавилонском городе.

Дильбат. Изучение этого города, располагавшегося примерно в 25 км к югу от Вавилона, основано исключительно на письменных памятниках, поскольку археологический контекст отсутствует. Документы из Дильбата относятся по большей части к 1894—1712 гг. Среди самых разнообразных по типу документов внимание исследователей привлекли, главным образом, таблички из частного архива некоего Иддин-Лагамала, в котором отразилась

деятельность четырех поколений его семьи (наиболее удачным исследованием этого архива до сих пор считается работа [Jones, 1967], но также: [Desroches, 1978; Кошурников, 1984]).

В исследованном архиве сохранились документы купли-продажи полей и домов и аренды полей. Считается, что архив принадлежал семье свободного горожанина, не связанного обязательствами с храмом или дворцом. В Дильбате существовало, по-видимому, много храмов, но пока не найдено никаких свидетельств их экономической деятельности. Таким образом, характер дошедшего до нашего времени документального материала из Дильбата в корне отличается от того письменного материала, который имеется из Сиппара.

Ларса. Тексты из старовавилонского города Ларса, который в начале старовавилонского периода до завоевания его Хаммурапи был важным политическим центром Южной Месопотамии, не раз привлекали внимание исследователей. Одним из первых издание и анализ части этих текстов предпринял французский ассириолог Ш. Жан [Jean, 1931]. Несколько серьезных исследований посвящено изучению экономики этого древнего города [Bottéro, 1961; Stol, 1982]. В основу монографии «Древняя Ларса» [Козырева, 1988] было положено изучение группы документов XIX–XVIII вв. Исследуя свидетельства этих документов, сопоставляя сведения, полученные на основе анализа собственных имен, упоминающихся в них, автор собрала данные, касающиеся государственного хозяйства Ларсы, административной и частной деятельности высшего и среднего персонала этого хозяйства и городского населения, тесно с этим хозяйством связанного.

По мнению автора, характерной чертой хозяйственной жизни этого города-государства было существование широко развитой распределительной системы. Эта система подразумевала не только распределение отдельных видов продуктов или товаров. Государство, как считает автор, контролировало распределение всех материальных благ (в том числе недвижимости и служебных должностей), которыми располагало данное общество между всеми членами этого общества — в зависимости от занимаемого каждым из них положения в иерархической структуре.

Другой важнейшей чертой экономики древней Ларсы было сочетание распределительной системы с отдельными элементами товарно-денежных отношений. Ряд статей этого же автора

посвящен отдельным аспектам городской жизни Ниппура, Ура, Исины и Эшнунны и других городов Южной Месопотамии старовавилонского периода [Kozuyeva, 1999; Козырева, 2000; 2000a; 2001; 2001a].

(3) Сочетание археологических и письменных источников. Новый уровень исследований был достигнут, когда археологический материал отдельного города стали изучать в комплексе с найденными там же письменными памятниками. Прекрасным примером того, насколько расширяются возможности исследования при соединении археологической и текстуальной информации, представляет собой работа, сделанная на материале таких старовавилонских городов, как Ур и Ниппур.

Ур. Этот город, чьи следы скрываются сейчас под холмом Телль-Мукайяр, располагался на самом юге Месопотамии неподалеку от современного города Насирия. Он играл очень важную роль в отдельные периоды истории Месопотамии, и библейские авторы называют его местом рождения Авраама. В конце XIX — начале XX в. было предпринято несколько попыток вести раскопки холма, но они не имели успеха, пока здесь не начала работать экспедиция сэра Леонарда Вулли. Работа этой экспедиции продолжалась более 10 лет (1922—1934). Была вскрыта значительная часть поверхности холма и прослежена история поселения от убейдского периода (5500 г. до н.э.) до III в. н.э.

Экспедиция раскапывала не только монументальные здания, прежде всего грандиозный храмовый комплекс в центре, но исследовала и жилые здания, городскую стену, некоторые кварталы города. Огромной заслугой Л. Вулли было издание целой серии отчетов о раскопках и найденных памятниках, в которой содержится неоценимая информация о всех периодах существования поселения [Woolley, 1976].

Помимо огромного количества археологического материала, среди которого были такие известные теперь на весь мир памятники, как сокровища царских гробниц середины III тыс. до н.э., экспедиция Л. Вулли обнаружила большое количество клинописных документов от разных периодов существования города. Почти все они опубликованы (UET 1—8), и представляют собой второй, помимо памятников материальной культуры, важный источник информации о жизни города и городского населения.

От старовавилонского периода из Ура дошли до нас царские надписи [Fraigne, 1990], хозяйственные, юридические, частно-правовые документы, литературные и учебные тексты. Сохранились отдельные тексты из храмовых, дворцовых и частных архивов. Всего от этого времени из Ура дошло чуть менее 1500 текстов, около 1000 из которых опубликованы [Figulla, 1953; Ormsby, 1972; Loding, 1976; 1989], а остальные пока хранятся неопубликованными в музейных собраниях Иракского музея в Багдаде, в Британском музее в Лондоне и в музее Пенсильванского университета в Филадельфии.

Старовавилонский материал из Ура стал предметом изучения многих историков. Уже в 1960 г. вышла статья В. Леманса, в которой он подробно разобрал документы торгового архива, принадлежавшего некоему Эа-нациру [Leemans, 1960]. Д. Шарпен вначале работал над документами из города Куталлы (современный Телль-Сифр), опубликовав большой том документов из этого города с транслитерацией, переводом и комментариями к ним [Charpin, 1980], позднее приступил к изучению текстов из Ура. Он реконструировал частные архивы, используя археологическую информацию, опубликованную Л. Вулли.

Главным предметом изучения для Д. Шарпена стали документы из центрального района Ура (ЕМ в археологическом плане), где проживали, по-видимому, служители храма Нанны. Сосредоточив свои усилия на изучении частной и профессиональной деятельности небольшой группы городского населения, автор исключительно тщательно и во всех деталях проследил все аспекты этой деятельности, значительно расширив наше понимание предмета [Charpin, 1986].

Координация археологического материала с данными письменных источников из Ура лежала в основе исследования И.М. Дьяконова, которое доступно отечественному читателю [Дьяков, 1990]. Работа была завершена в 1983 г., но по ряду причин опубликована только в 1990 г. Главным предметом изучения автора была частная жизнь и деятельность горожан, живших в разных городских кварталах (главным образом, ЕМ, АН). Основной задачей, которую поставил себе автор, и которая оказалась с успехом выполнена, было показать повседневную жизнь и деятельность горожан разного социального уровня, их семейные отношения, описать окружавшую их реальную действительность.

Используя и письменный и археологический материал, И.М. Дьяконов описал самые разные аспекты материальной и духовной культуры городского населения: дома, утварь, одежду, обычаи и т.п. Реконструируя архивы городских семей на основе привлечения данных археологии, автор подробно проанализировал деятельность разных групп населения: служителей храмов из района ЕМ, семейных групп, обитавших в районе АН, описал культовую деятельность жриц храма Нанны, обитавших в монастыре.

Еще одно исследование письменного и археологического материала из старовавилонского Ура принадлежит М. Миропу [Miegor, 1992]. Автор собрал и подробно описал все данные археологии о внутренней структуре города и его окрестностей; сверил все опубликованные тексты из Ура с их оригиналами, хранящимися в музеях, уточнив их археологические номера и поделив их в соответствии с местом их первоначального нахождения на отдельные архивы. Прделав такую большую и тщательную работу, проанализировав содержание документов, М. Мироп представил далее подробнейший очерк хозяйственной и социальной структуры города и деятельности отдельных групп населения.

Как предполагает автор, три основных общественных сектора: дворец, храм и частные горожане тесно сотрудничали в процессе эксплуатации экономических ресурсов территории, окружавшей город. Управление ресурсами храма и дворца отдавалось на откуп частному бизнесу, так что сельское население (земледельцы, пастухи, садовники, рыбаки) находилось под властью частных предпринимателей и испытывало серьезные трудности. Нарисованная картина имеет явные аналогии и с теорией А. Шнайдер (см. раздел «Теория „храмовой экономики“») в части взаимодействия внутригородских секторов, и с опытом жизни в современном обществе свободного предпринимательства в части описания деловой активности горожан, хотя сам автор этого, по-видимому, не замечает.

Hunnpur. Элизабет Стоун, автор самого масштабного исследования старовавилонского города Ниппура, в течение нескольких сезонов принимала участие в работе археологической экспедиции Чикагского университета, которая проводила раскопки в Ниппуре, долгое время работала с коллекцией ниппурских текстов в Иракском музее Багдада. Результатом ее археологических изысканий и работы над старовавилонскими текстами из Ниппура стала

монография, посвященная изучению двух городских кварталов, ТА и ТВ [Stone, 1987]. Два жилых района Ниппура, как показала автор, во многом отличались друг от друга и в плане архитектуры и по найденным здесь предметам материальной культуры, и по характеру представленных в каждом из них текстов.

Район ТВ был застроен, вероятно, еще в конце III тыс. до н.э. большими по площади и однотипно спланированными зданиями. Район ТА начал отстраиваться с середины XX в. до н.э. на месте разрушенного в начале XX в. до н.э. городского района. Дома здесь строили маленькие с беспорядочной планировкой. На территории ТВ было найдено 350 клинописных табличек, большую часть которых составляют школьные тексты и административно-хозяйственные документы. Никаких документов, касающихся семейного имущества (разделы и купли-продажи имущества, судебные разбирательства и т.п.), здесь найдено не было. На территории района ТА не было найдено ни одного административного документа, но оказалось 60 табличек, содержащих частноправовые акты: разделы имущества, купля-продажа недвижимости, договоры аренды, займа, судебные разбирательства и т.п.

Различия между двумя городскими районами Ниппура, как предположила автор, имели в своей основе различия в происхождении тех двух групп населения, которые жили в этих районах в начале II тыс. до н.э. Жители ТВ были, скорее всего, потомками коренных горожан, сумевшими пережить катастрофу, постигшую Южную Месопотамию и, в частности, Ниппур в середине XXI в. до н.э. Эти семьи были включены в систему храмового хозяйства, что давало им все необходимое для существования: дома, земельные наделы, выдачи продуктов. Их личное имущество (украшения, печати, утварь) было гораздо богаче и разнообразнее, чем у жителей района ТА, но какие-либо манипуляции с недвижимостью, предоставленной им храмом, были, вероятно, исключены.

Обитатели ТА были в значительной степени новопоселенцами, в том числе и из числа амореев, которых цари переселяли в города, восполняя недостаток городского населения. Монография Э. Стоун представляет собой удачный пример комплексного исследования и содержит большое количество интересных наблюдений и аргументированных выводов. В качестве приложения представлены автографы клинописных табличек из Ниппура, ранее не публиковавшихся.

Археологический и письменный материал, полученный при раскопках ряда других городов, находится в стадии изучения. Исключительно интересными оказались результаты раскопок в Телль-Хармале. Здесь был найден древний город Шадуппум, который в начале II тыс. до н.э. был важным административным центром региона, находившегося до завоевания его Хаммурапи под контролем Эшнунны. Небольшой по площади холм (1,7 га) скрывал город, обнесенный мощной стеной с высокими сторожевыми башнями. По обе стороны главной улицы располагались храмы, со льями из терракоты в натуральную величину, охранявшими входы. Именно здесь, вероятно, находился главный административный комплекс. На прилегающих улицах были раскопаны жилые дома, планировка которых была похожа на планировку домов в Уре [Вақіг, 1959]. Здесь же была найдена большая коллекция клинописных документов. Среди них административные документы, письма, литературные тексты, законодательный сборник времени царя Дадуши, старшего современника Хаммурапи, списки географических, зоологических и ботанических терминов и целая группа математических текстов.

Мари. Руины этого древнего города находятся на западном берегу Евфрата немного севернее современной границы Ирака с Сирией. В начале 30-х гг. XX в. здесь начала раскопки французская археологическая экспедиция во главе с Андре Парро. Город Мари, упоминаемый в Шумерском царском списке, существовал уже в раннединастический период, но особенного расцвета он достиг в начале II тыс. до н.э., когда город стал играть роль перевалочного пункта на торговом пути, по которому лес и металлы доставлялись в Месопотамию из Сирии и с гор Тавра. Экспедиция А. Парро обнаружила и раскопала огромный дворец правителей Мари старовавилонского периода (200×120 м) с уникальными настенными росписями и статуями [Ллойд, 1984; Al-Khalesi, 1978]. Здесь же был найден клинописный архив (около 20 тыс. глиняных табличек), освещавший хозяйственную и политическую историю города вплоть до его разрушения в 1760 г. войском царя Хаммурапи.

С 1950 г. группа франко-бельгийских исследователей во главе с Жоржем Доссеном (J. Dossin) начала систематическую публикацию текстов из Мари в серии «Archives Royales de Mari» (ARM), издав 20 томов документов и писем. После небольшого перерыва в конце 70-х гг. публикация текстов была возобновлена новой

группой исследователей, которую организовал Ж.-М. Дюран (J.-M. Durand) (ARM). Тогда же (с 1983 г.) стало выходить новое периодическое издание: «Mari. Annales de Recherches Interdisciplinaires» (MARI), в котором публикуются не только тексты из Мари, но и связанные с ними исследования.

В столице государства Хаммурапи, городе Вавилоне, слои XVIII в. до н.э. лежат, к сожалению, ниже современного уровня подземных вод и вследствие этого недоступны археологам. Все археологические и документальные данные, касающиеся города Вавилона на всем протяжении его истории, в том числе и в старовавилонский период, собраны и исследованы в монографии А. Джорджа [George, 1992].

Несколько исследовательских проектов по изучению городов Месопотамии начала II тыс. до н.э., в ходе которых предполагается одновременное использование археологических и текстуальных данных, пока находятся в работе (Телль-эд-Дер, Телль-Абу-Дувари [Stone, 1990] и др.). С изучением старовавилонских городов тесно связан и целый ряд работ общего характера, посвященных проблемам социально-экономической истории этого периода [Renger, 1979; 1984; Yoffee, 1977].

Законодательные памятники. Начало изучению законодательных традиций Месопотамии положили публикации В. Шейля [Scheil, 1902]. В конце XIX — начале XX в. В. Шейль участвовал в работе экспедиции М. Моргана, которая вела раскопки в Сузах. Именно здесь в 1890 г. были найдены первые таблички с фрагментами Законов Хаммурапи. В декабре 1901 — феврале 1902 г. в ходе раскопок здесь были обнаружены три больших диоритовых блока, составлявших некогда стелу, на которой был записан текст Законов Хаммурапи. Фрагменты стелы были реставрированы, и сейчас она хранится в Лувре.

В первоначальном виде это был монумент трапециевидной формы высотой 2,25 м и длиной основания 1,9 м. В верхней части памятника находился рельеф с изображением самого царя, стоящего у престола бога солнца и справедливости Шамаша. Остальную поверхность памятника занимал текст. Часть текста была стерта с поверхности стелы еще в древности по приказу Шутрук-Наххунте, эламского царя, войско которого привезло эту стелу из Вавилонии в качестве трофея. Однако надпись, для нанесения которой эламитяне подготовили поверхность, так и не была

высечена. Изучая многочисленные копии этого текста, сделанные в древности на глиняных табличках, современные исследователи постепенно восстанавливают утраченные фрагменты [Donbaz, Sagen, 1991].

Публикация Законов Хаммурапи привлекла внимание ученых к клинописным текстам, связанным с законодательством и судопроизводством. В течение многих десятилетий значительные усилия исследователей были сосредоточены на изучении и публикации так называемых сборников законов и юридических документов, таких, как судебные протоколы, различного рода контракты, царские указы и т.п. Проводились также сравнительные исследования, задачей которых было сравнение месопотамского законодательства с библейской правовой традицией и даже с римским правом [Westbrook, 1988].

Законы Хаммурапи, которые и поныне остаются одним из самых известных клинописных текстов, не были первым законодательным памятником Месопотамии. Известно несколько текстов с такой же структурой, как и Законы Хаммурапи (пролог — текст законов — эпилог), созданных задолго до правления этого царя.

Самым ранним предшественником Законов Хаммурапи, возможно, был текст, известный под названием Реформы Урукагины (транслитерация, перевод и комментарии см.: [Дьяконов, 1951; Kramer, 1963; Steible, 1982; Cooper, 1986]). Текст «реформ» являлся составной частью строительной надписи [Lambert M., 1956], которая была составлена вскоре после 2400 г. до н.э. в городе-государстве Лагаш от имени правителя Урукагины (чтение имени см.: [Lambert W., 1970; Edzard, 1991; Steinkeller, 1991; Bauer, 1998: 475–477], последний с обзором всей дискуссии).

С момента издания этого текста [De Sarzec, 1884–1912] не было, вероятно, шумеролога, который не попробовал бы свои силы в его чтении и комментировании. Среди огромного числа шумерских письменных памятников не было таких, которые породили бы столько противоречивых гипотез и споров. Несмотря на достигнутый со временем значительный прогресс в его исследовании, текст до сих пор остается очень сложным для понимания.

Очень кратко его содержание сводится к следующему. Правитель города Лагаша Урукагина, в несколько патетическом стиле, призванном, вероятно, подкрепить его права на престол, занятый,

возможно, нелегитимным путем, рассказывает, как бог Нингирсу избрал его для правления и объявляет, что его предшественники на престоле узурпировали жизненные права храмов. Вступив на престол, он восстановил как владельцев (лугаль) полей божественную триаду Нингирсу — Бау — Шульшагана, тем самым подтверждая, что до него храмовая собственность была незаконно оккупирована Дворцом, или точнее правителем, его женой и наследником, и предпринял целый ряд других мер для «возвращения к справедливости».

Проводя такого рода «реформы», Урукагина, по-видимому, следовал по стопам своего знаменитого предшественника на престоле Лагаша Энметены, ко времени правления которого (середина XXV в. до н.э.) относится так называемая «Овальная пластинка» с записью текста, во многом сходного по содержанию с текстом Реформ Урукагины [Дьяконов, 1983: 208].

Другой важный шумерский памятник этого жанра, который, по-видимому, можно уже назвать законами в полном смысле этого слова, был составлен около 2100 г. до н.э. Это так называемые Законы Ур-Намму, первого правителя III династии Ура. Текст сохранился только частично в трех копиях, найденных в разных местах. Новые публикации дают серьезные основания полагать, что Законы Ур-Намму, создание которых, как следует из их условного названия, приписывалось Ур-Намму, на самом деле принадлежат его сыну Шульги [Yildiz, 1981; Kramer, 1983].

После пролога, в котором описывается, как боги привели правителя к власти, идет текст «параграфов», каждый из которых представляет собой описание отдельного казуса и начинается со слова «если». Именно в такой форме составлялись позднее все законодательные сборники Месопотамии. В сохранившихся фрагментах рассматриваются самые разные случаи: адюльтер замужней женщины, развод, ложные обвинения, бегство раба, телесные повреждения, а также казусы, касающиеся сельскохозяйственных работ и ирригации [Дьяконов, 1953; Finkelstein, 1968; Афанасьева, 1960].

Особенно много памятников законодательного характера сохранилось от старовавилонского периода. Исследователи объясняют это обстоятельство, в частности, тем, что начало II тыс. до н.э. было временем больших социальных и политических перемен. Чтобы избежать дестабилизации и хаоса, в целом ряде городов

Южной Месопотамии были составлены законодательные сборники, написанные от имени правивших здесь царей. До нашего времени дошли сборники из городов Исины (Законы Липит-Иштара, Новые шумерские законы), Эшнунны (Законы Эшнунны), Вавилона (Законы Хаммурапи).

Переводы всех известных к началу 50-х гг. XX в. законодательных памятников из Месопотамии были сделаны И.М. Дьяконовым [Дьяконов, 1952a]. В 1995 г. вышло новое издание законодательных памятников из Месопотамии со всеми новыми текстами, дополнениями и исправлениями, появившимися к тому времени [Roth, 1995].

Все законодательные памятники старовавилонского периода отражают одинаковые явления общественной жизни того времени и мало чем различаются по общему содержанию, разница, главным образом, прослеживается в деталях. Содержание оформлено в казуистическом виде, т.е. рассматриваются определенные случаи из судебной практики. Материал излагается по разделам, не все из которых представлены в каждом памятнике: вопросы судопроизводства, отношения имущественные, брачно-семейные и наследственные, земельные отношения; вопросы займов, ростовщичества, поручения и хранения, найма работников и оплаты труда, а также купли рабов.

Эти законодательные сборники регулируют многие области права, но далеко не все. В сфере обычного права оставалась, по-видимому, та часть общественной жизни, которая не была затронута изменившимися условиями. В них не оговариваются общие вопросы, связанные с орошением, нет общих норм наказания за убийство, рассматриваются лишь специальные случаи, нет налогового права, вопросы о повинностях затрагиваются только в связи проблемами владения недвижимостью.

Самый поздний известный нам законодательный памятник на шумерском языке — это Законы Липит-Иштара, царя Исины (ок. 1930 г.). Впервые перевод сохранившегося текста законов был опубликован в середине прошлого века [Steele, 1949; Дьяконов, 1952a], позднее были найдены и опубликованы новые фрагменты текста [Roth, 1995]. Во введении царь рассказывает, как боги возвели его на престол и заявляет об установлении «справедливости»: граждане Шумера и Аккада, попавшие в рабство, были освобождены, была установлена также норма выполнения повинностей.

Содержание статей законов (их более 50) имеет много общего с содержанием Законов Ур-Намму. Заканчивается текст законов, как было принято, проклятиями на голову возможного разрушителя памятника. Законы, по-видимому, первоначально были высечены на камне, но дошли до нас в копии на глиняной табличке.

Законы из Эшнунны — это самый древний из сохранившихся законодательных памятников на аккадском языке. Долгое время из-за сложности прочтения пролога, текст которого сохранился только частично, они приписывались царю Билаламе, но позднее от такого прочтения отказались. Судя по данным археологии, таблички, на которых был записан памятник, были составлены не позднее правления предпоследнего царя Эшнунны Дадуши, старшего современника Хаммурапи [Borget, 1982].

Некоторые исследователи считают, что по своей структуре этот памятник ближе к царским указам (мишарум, см. ниже), чем к «законодательным сборникам», поскольку в нем отсутствует пролог, и он, как и указы, начинается с датировочной формулы [Finkelstein, 1961]. Перевод и подробное изучение текста памятника было осуществлено Р. Яроном в его монографии «The Laws of Eshnunna», которая была издана впервые в 1969 г., а в 1988 г. вышло второе, дополненное и доработанное издание [Yaron, 1969; 1988].

Законы Хаммурапи считаются крупнейшим и наиболее важным памятником права Месопотамии. Впервые они были полностью изданы в 1952 г. [Driver, Miles, 1952]. В них содержится несколько сот правовых норм, относящихся к уголовному, гражданскому и процессуальному праву. Текст во многом повторяет предшествующие законодательные памятники, но в нем появилось и много нового: новая тематика законодательных казусов, применение в системе наказаний принципа талиона. Некоторые исследователи относят нововведения, появившиеся в Законах Хаммурапи, за счет аморейской составляющей этого памятника [Malamat, 1997].

Долгое время исследователи не могли понять внутреннюю систему Зонов Хаммурапи. В настоящее время считается, что правовые нормы внутри текста группируются по «предмету» регулирования, а расположение норм внутри группы и переход от группы к группе происходит по принципу сходства какого-либо предмета или элемента, упоминаемого в последних строках первой группы

и в первых строках второй или, иначе говоря, по ассоциативному принципу [Petschow, 1965].

Новой, по мнению исследователей, была идеология, выраженная в тексте пролога к законам: политическая власть больше не переходит из города в город, но навечно устанавливается в Вавилоне, столице единого централизованного государства под властью династии Хаммурапи [Якобсон, 1984].

Указы о справедливости (мишарум). Помимо законодательных сборников, в старовавилонский период появилась еще одна близкая к ним по жанру группа текстов, которая содержит очень важную информацию по разным аспектам социальной, хозяйственной и правовой жизни Месопотамии. Это так называемые царские указы о «справедливости» (мишарум).

Впервые старовавилонский текст, содержащий фрагмент такого царского указа, был опубликован в 1914 г. [Langdon, 1914]. Впоследствии было опубликовано еще несколько текстов такого рода, в том числе указы царя Аммицадуки, предпоследнего правителя династии Хаммурапи, тексты которых сохранились в наибольшей степени [Finkelstein, 1961]. Именно они легли в основу большинства исследований, посвященных изучению такого рода указов.

Публикация всех известных к тому времени текстов указов и фрагментов текстов, упоминающих эти указы, а также фундаментальное исследование связанных с ними проблем принадлежит перу выдающегося ассириолога Ф. Крауса, две монографии которого являются незаменимым источником информации на эту тему [Kraus, 1958; 1984].

Все сохранившиеся тексты указов и упоминания о них относятся ко времени правления в Месопотамии аморейских царей [Bottero, 1961]. Указы аннулировали кабальные долги, освобождали свободных, проданных в рабство за долги, отменяли некоторые виды налогов. Самые ранние по времени указы, по-видимому, отменяли и продажу за долги недвижимости, возвращая ее продавцу. Главной целью издания такого рода указов была, вероятно, попытка предотвратить разорение и обезземеливание бедных слоев населения и смягчить усиливавшиеся социальные противоречия [Дьяконов, 1983].

Вопрос о том, насколько регулярно издавались указы, неоднократно дискутировался. Многие исследователи выдвигали свои

аргументы, доказывая периодический характер эдиктов [Finkelstein, 1965; Якобсон, 1983а]. В настоящее время тот факт, что эдикты повторялись, считается доказанным, но насколько регулярной была эта периодичность, остается неизвестным. Царю не обязательно было, по-видимому, каждый раз заново составлять указ, вероятно, достаточно было объявить о нем, так как содержание и значение указа было хорошо известно населению. Провозглашение указа сопровождалось специальными ритуалами, которые указывают на сакральный характер этого действия [Stol, 1976].

Перечисленные выше законодательные памятники старовавилонского периода дошли до нас, в основном, в школьных копиях на глиняных табличках. Вполне возможно, что «законодательные сборники» составлялись по указаниям многих правителей того времени. Трудно предположить, однако, что все тексты такого рода были скопированы и все копии дошли до нас. Тем не менее, среди табличек, хранящихся в музеях мира, исследователи иногда находят новые тексты такого рода. Так, в коллекции Британского музея среди табличек из Сиппара был найден небольшой фрагмент неизвестного ранее законодательного текста на шумерском языке, по своему содержанию частично перекликающийся с Законами Хаммурапи [Michalowski, Walker, 1989]. Исключительно важными в этом фрагменте являются впервые встретившиеся исследователям упоминания о законодательно фиксированных ценах и арендной плате за городскую недвижимость, сроках процентных займов и др. Издатели, дав найденному ими тексту условное название Новые шумерские законы, предположительно отнесли его составление ко времени правления царя Исина Ишме-Дагана (1953—1935 гг. до н.э.).

Амореи. В своей постоянной борьбе за выживание оседлое население и государственные структуры Месопотамии на протяжении всей своей истории должны были бороться с вторжениями варваров, населявших окраины региона. Постоянными набегами жителям Месопотамии угрожали народы гор с востока и северо-востока, такие, как кутии, лулубеи, субареи, хурриты, и семитские кочевые и полукочевые народы западных пустынь и полупустынь. Проблема взаимодействия с чужеземными этносами, будучи чрезвычайно актуальной на всем протяжении истории месопотамской цивилизации, решалась по-разному в зависимости от политической устойчивости государства: от полного подчинения

новопришельцев и использования их в государственном хозяйстве в качестве рабочей и военной силы до передачи им всей политической власти в обмен на возможность сохранить традиционный городской образ жизни с его относительной безопасностью и стабильностью. Во II тыс. до н.э. Месопотамия пережила массовые вторжения двух чужеземных этнических групп: амореев и касситов (о них см. раздел ниже).

Аморей упоминаются в шумерских и аккадских клинописных текстах из Месопотамии, а также в документах из архивов хеттских царей и египетских фараонов и в Библии. В библейской традиции термин «аморей» встречается как обозначение всего до-израильского населения Палестины или отдельных групп этого населения (Быт. 15:21; Втор. 7:1). С уходом амореев из Месопотамии связывают библейское предание об Аврааме, который жил в Уре Халдейском, а затем по слову Бога покинул его, отправившись со всеми своими домочадцами в Харран (Северная Сирия) и далее в Палестину.

В Месопотамии первые упоминания об амореях (**mar-tu** или **mar-du₂** = запад) появляются в шумерских текстах периода Фары, т.е. около 2500 г. до н.э. Так шумеры называли и регион, расположенный к западу от Месопотамии (от правого берега Евфрата до Средиземного моря), и население этого региона [Bauer, 1972]. Аккадский синоним этому шумерскому обозначению — слово *amurru* (западный) в значении этнонима впервые появилось в староаккадских источниках (вторая половина III тыс. до н.э.) как семантический эквивалент шумерского термина. Этимология шумерского термина **mar-tu** и соотношение между ним и аккадским термином *amurru* остается неясным [Edzard, 1987—1990].

В царских надписях второй половины III тыс. до н.э. «западная страна» (*māt amurrim*) периодически упоминается как находящаяся в состоянии войны с аккадскими царями и царями III династии Ура. С этого же времени в административно-хозяйственных и юридических документах все чаще встречаются упоминания о людях **mar-tu**, которые мирно живут в Вавилонии. Особенно увеличивается число таких упоминаний начиная со времени III династии Ура.

Все свидетельства текстов об амореях в период Ур III собрал в своей книге Дж. Буччеллати [Buccellati, 1966]. Он показал, что, начиная со времени III династии Ура, число упоминаний термина

mar-tu в хозяйственных и литературных текстах значительно увеличивается (автор привел свыше 100 примеров). Словом **mar-tu** в этих текстах могли называть как представителей кочевых племен, чьей родиной был регион Джебель-Бишри в Сирии, так и амореев, давно осевших в вавилонских городах.

Дж. Буччеллати отмечает двойственное отношение местного населения к амореям: судя по документам хозяйственной отчетности, амореи, обосновавшиеся в городах, воспринимались как «свои». Люди, называемые таким образом, жили в разных городах Вавилонии. Иногда (в Лагаше) они носили шумерские и аккадские имена, в других городах (Дрехем) их собственные имена были явно семитскими, т.е. в некоторых городах амореи, по-видимому, настолько ассимилировались, что давали детям местные имена, а в других они сохраняли свои ономастические традиции. Среди них были люди самых разных профессий и разного социального положения: солдаты, гонцы, цирюльники, плакальщики, земледельцы, начальники ремесленников и т.п.

В то же время в литературных текстах этого периода проявилось весьма негативное отношение к амореям, продолжавшим вести полукочевой образ жизни (текст «Женитьба бога Амурру»). Они описываются как нецивилизованные, воинственные, со странными обычаями, не умеющие выращивать зерно и печь из него хлеб. Эти люди были организованы в племена и совершали под руководством воинственных вождей постоянные набеги на города Вавилонии, так что городские правители пытались защитить свои города от их набегов, строя специальные оборонительные сооружения. Некоторые тексты периода Ур III ссылаются на военнопленных, взятых у людей **mar-tu**.

К концу III тыс. до н.э., как показало исследование Дж. Буччеллати, большие группы амореев обосновались почти во всех крупных городах Вавилонии. На территориях между городами аморейские скотоводы пасли свои стада. С конца правления Ибби-Сина, последнего царя III династии Ура, и в правление местных династий, которые правили в городах Вавилонии после падения III династии Ура, упоминания о борьбе с амореями повторяются все чаще.

В течение столетия после разрушения Ура во всех крупных городах Двуречья к власти пришли правители, носившие аморейские имена. Аморейской династии города Вавилона в правление

царя Хаммурапи (1792—1750 гг. до н.э.) удалось подчинить все остальные городские династии и объединить Месопотамию в рамках единого централизованного государства, которое просуществовало более 200 лет (I вавилонская династия).

После разрушения Вавилона хеттами (1595 г. до н.э.) и падения I вавилонской династии упоминания об амореях в документах из Месопотамии постепенно исчезли. Некоторая часть амореев, потомки тех, кто пришел в Месопотамию в начале II тыс., возможно, покинули ее после прихода к власти в Вавилоне новой касситской династии. Они переправились на правый берег Евфрата и вернулись на свои прежние места обитания к западу от Месопотамии, где со временем смешались с родственным западно-семитским населением Аравии, Сирии и Восточного Средиземноморья, войдя в число предков целого ряда народов семитской языковой семьи, в том числе евреев и арабов [Дьяконов, 1992].

В 20-е гг. XX в. в науке возникла оживленная дискуссия по вопросу о том, откуда амореи пришли в Месопотамию и каковы родственные связи аморейского языка. Поводом для дискуссии послужило изучение собственных имен. Оказалось, что в период Ур III среди имен собственных, упоминаемых в текстах, было больше всего шумерских, несколько меньше аккадских и очень мало аморейских и других чужеземных имен. В старовавилонский период, когда население Вавилонии в царских надписях описывается как «аккадцы и амореи» [Kraus, 1958], ономастическая картина Вавилонии значительно изменилась. Помимо значительной части населения, носившего аккадские и шумерские имена, появились сотни, а возможно и тысячи лиц, носивших семитские имена, отличавшиеся от аккадских. Некоторые из них называются в текстах амореями, но большинство лиц, носящих имена такого типа, упоминаются в текстах без всяких этнических обозначений.

Б. Ландсбергер и Т. Бауэр, изучив семитские имена собственные в текстах конца III — начала II тыс. до н.э., выдвинули предположение, что язык, на котором говорили амореи времени III династии Ура, когда их имена в документах писали в сопровождении этнонима **mar-tu**, коренным образом отличался от языка западно-семитских имен в текстах старовавилонского периода, в которых не было этнических указаний [Landsberger, 1924; Bauer, 1929]. Эти исследователи называли язык амореев периода Ур III «dialect

akkadish», а язык, на котором были написаны западно-семитские имена старовавилонского периода, «ostkanaanäisch». То есть, по мнению Б. Ландсбергера и Т. Бауэра, амореи времени III династии Ура не были связаны прямым родством с западносемитским населением, появившимся в Месопотамии в старовавилонский период. Они же утверждали, что страна Амурру располагалась не на западе, как считалось, исходя из буквального значения шумерского термина (**mar-tu** — запад), а к востоку от Тигра.

Первые серьезные публикации, посвященные проблеме появления в Месопотамии западносемитских кочевых или полукочевых племен и их дальнейшей истории, которые появились в 50-е гг. XX в., полностью опровергли эту точку зрения [Edzard, 1957; Kupper, 1957].

Одна из этих публикаций, монография Ж. Купера, представляет собой историческое исследование, основанное на тщательном изучении филологических источников. Во введении автор отметил как очень существенный тот факт, что номадизм западносемитских племен, о которых идет речь в монографии, был в корне отличен от номадизма бедуинов, так как древние кочевники имели дело с мелким рогатым скотом (овцы, козы), а не с верблюдами, как бедуины (первое упоминание о верблюде в Месопотамии относится к концу старовавилонского периода). Не имея возможности удалиться от источников воды, номады Передней Азии избегали засушливых просторов Центральной Аравии и предпочитали держаться на восточных и южных границах Плодородного Полумесяца (на территории, называемой арабами в наше время Хамад). Именно отсюда, как считает автор, имели место четыре великих семитских экспансии: 1) аккадцы в какой-то неизвестный нам период древности (не позже IV тыс. до н.э.), 2) амореи — главным образом в начале II тыс. до н.э., 3) арамеи — с XII в. до н.э., 4) арабы.

В монографии подробно рассмотрены вопросы, связанные с двумя такими экспансиями: аморейской и арамейской. В главе 4, посвященной амореям, обсуждается вопрос о западносемитских народах и амореях, о стране Амурру и боге Амурру. Исследуя письменные источники, автор приходит к выводу, что западносемитские народы и амореи представляли собой единый по происхождению этнос, а страну Амурру можно локализовать только на западе от Южной Месопотамии. Вся эта глава перекликается

с вышедшей одновременно книгой Д. Эдварда. Выводы обоих авторов практически совпадают.

Недостатком той части исследования Ж. Купера, которая посвящена амореям, по мнению И. Гельба, явился тот факт, что автор не использовал две важные группы источников, упоминающих эту этническую группу: египетские тексты проклятий и Ветхий Завет. Не получило объяснения в монографии и то важное, по мнению критика, обстоятельство, что бог Амурру, который выступает как свое божество в Южной Вавилонии и даже в Эламе, на западе, т.е. в Северной Месопотамии и Сирии, фактически не упоминается [Gelb, 1961].

В рецензии на работу Ж. Купера И. Гельб изложил и свое понимание проблемы происхождения и истории амореев. Он подробно описал этнолингвистическую ситуацию в Южной Месопотамии в III тыс. до н.э. и в старовавилонский период. И. Гельб высказал мнение, что язык аморейских имен периода Ур III и старовавилонских западносемитских имен практически идентичен. Многие имена периода Ур III появляются в старовавилонский период в измененной форме под влиянием аккадского языка или же из-за незнания аморейских имен аккадскими писцами. Если отдельные характеристики аморейских имен в текстах эпохи Ур III и не находят точных параллелей в старовавилонских текстах, то это обстоятельство скорее относится к уровню ономастических традиций, а не лингвистических различий [Gelb, 1961].

По мнению автора, в этнолингвистическом и историческом использовании термина «Amorite» можно выделить три последовательных этапа:

1. Old Amorite. С древнейших времен до конца Ур III. Страна Амурру на западе. Амореи отмечены в Вавилонии.

2. Middle Amorite. Старовавилонский период. Страна Амурру в Сирии. Амореи отмечены в Сирии, Северной Месопотамии, Вавилонии. На всей этой территории использовался только один западносемитский язык. Палестина и финикийское побережье могли быть либо аморейскими, либо ханаанейскими.

3. New Amorite. Средневавилонский период. Страна Амурру в Сирии. Аморейский язык, который используется в Сирии, отличается от ханаанейского, угаритского и, возможно, от возникающего арамейского.

Именно работы И. Гельба положили начало изучению аморейского языка. Его первые публикации на эту тему появились еще в 1958 г. [Gelb, 1958], а в начале 1960-х гг. И. Гельб выдвинул идею о необходимости использования компьютерных методов для изучения грамматики и словаря аморейского языка. Эта идея была воплощена в жизнь, и через 20 лет И. Гельб и его помощники выпустили в свет первый том компьютерного анализа аморейских собственных имен [Gelb, 1980].

Интереснейшим вопросом об аморейских генеалогиях одним из первых начал заниматься И. Финкельштейн. Он опубликовал старовавилонский текст из коллекции Британского музея, который был найден при раскопках города Сиппара [Finkelstein, 1966]. Текст был составлен от имени царя Аммицадуки, предпоследнего царя I вавилонской династии. Он содержит запись ритуала поминания имен усопших предков в праздник новолуния. В перечне предков, приведенном в тексте, перед именами известных нам представителей I вавилонской династии, предков Аммицадуки, правивших в Вавилоне, в том числе Хаммурапи, перечислены еще 19 имен. Эти имена, явно мифические, исследователи отождествляют с эпонимами отдельных западносемитских племен. Составитель текста зафиксировал в нем свое представление о последовательной смене поколений аморейских правителей, которая непрерывно продолжалась в течение многих веков. Удивительное сходство этого текста с текстом Ассирийского царского списка, где, в частности, упоминается современник Хаммурапи Шамши-Адад, показывает, что аморейские правители, как вавилонские, так и ассирийские, вели свое происхождение от одних общих предков [Finkelstein, 1966]. Параллели между этими аморейскими генеалогиями и генеалогиями, упоминаемыми в Библии, позволяют, по мнению И.М. Дьяконова, говорить об общесемитской генеалогической традиции [Дьяков, 1992].

Вопрос об амореях тесно связан с вопросом о номадизме и характере отношений между городским населением и кочевниками. Серию статей этому вопросу в числе других исследователей посвятил М. Роутон [Rowton, 1967; 1969; 1973a; 1973b; 1974]. Помимо письменных источников из Месопотамии, автор широко использовал этнографическую литературу о современных кочевых народностях и их истории, и на основании этого предложил общую схему

отношений кочевых групп и городского населения на протяжении всей истории Передней Азии.

Типичным для этого региона, по его мнению, было полное или частичное расположение пастбищных участков в рамках городских территорий, результатом чего был постоянный тесный контакт пастухов и оседлых земледельцев, «*enclosed nomadism*» в терминологии М. Роутона. При этом самые богатые и самые бедные представители племен постепенно оседали в городах и теряли свои прежние связи.

Предположение М. Роутона о том, что кочевники постепенно адаптируются к оседлой жизни, и становятся политической доминантой на избранной ими территории, использованное им для объяснения прихода к власти аморейских династий в Вавилонии, разделяют далеко не все исследователи. По мнению противников этой теории, нет никаких прямых доказательств такого предположения, кроме весьма привлекательной исторической модели кочевого происхождения различных групп семитских народов [Weeks, 1985]. Другие утверждают, что неверно само утверждение о кочевом устройстве аморейского общества, принимаемое априори. Для него нет достаточных доказательств. На самом деле амореи были вовсе не кочевниками, а горожанами, земледельцами и, прежде всего, торговцами [Haldar, 1971].

В настоящее время в науке установилась точка зрения, согласно которой термин «амореи» носит описательный характер, являясь не названием определенной народности или отдельного племени, а общим обозначением западносемитского населения сиро-аравийских степей и полупустынь, данным им соседями с востока.

Печати. Печати из Месопотамии представляют собой неисчерпаемый источник для изучения всех сторон жизни древнего общества. Этот материал, который последнее время все больше привлекает внимание не только исследователей искусства, но и тех, кто занимается вопросами социально-экономической истории, дошел до нас в двух вариантах: собственно печати и оттиски печатей на табличках. В музеях мира хранятся сотни печатей, относящихся к разным периодам истории Месопотамии. Внешний вид печати, ее размер, форма, материал, из которого она изготовлена, многое могут сказать специалисту, однако главный источник информации — это то, что было вырезано на печати и должно

было остаться на глине при прикладывании печати, т.е. изображение или надпись, или то и другое вместе.

Первоначально наиболее распространенной формой печатей в Месопотамии были печати-штампы. Многочисленные печатки в виде зверей, птиц, розеток, штампы с геометрическим орнаментом были найдены здесь в слоях V тыс. до н.э. В начале III тыс. до н.э. печати-штампы были почти полностью вытеснены цилиндрическими печатями. Такие печати представляли собой небольшие, вырезанные из камня или раковин цилиндры высотой несколько сантиметров, на боковой стороне которых вырезались разнообразные изображения, позднее к изображениям добавились надписи. По оси цилиндра просверливалось отверстие, сквозь которое продевался шнур. На этом шнуре печать чаще всего и носили как украшение или амулет, и с помощью этого же шнура, придерживая его с двух сторон, прокатывали цилиндр по влажной глине, когда надо было оставить оттиск печати на документе или опечатать глиняную пломбу на сосуде или двери.

Преимущество цилиндрической печати в сравнении с печатью-штампом заключалось, вероятно, в том, что ее можно было откатать по всей поверхности опечатываемого предмета. Узор, вырезанный мастером на цилиндре, мог повторяться бесконечно. Варианты изображений также могли быть самыми разнообразными и приобретали большую индивидуальность.

Первые цилиндрические печати, с большими хорошо вырезанными изобразительными мотивами, появляются в Южной Месопотамии в конце периода Урук. Интересно, что в самом Уруке были найдены исключительно оттиски печатей на кусках глины или на табличках. В то же время в Джемдет-Наср были найдены только сами печати и никаких оттисков на табличках. Уже на самых ранних стадиях существования цилиндрических печатей одновременно встречаются и печати с репрезентативными мотивами, и печати с абстрактными или геометрическими мотивами.

Сложный вопрос о развитии характера изображений в месопотамской глиптике, о смене стилей соответственно смене исторических эпох явился предметом изучения многих исследователей, работы которых хорошо известны [Афанасьева, 1979, там же литература; Nissen, 1986].

Изобретение письма расширило сферу применения печатей. Кроме опечатывания помещений, сосудов и различных емкостей,

печати стали прикладывать и к документам, хотя вплоть до времени III династии Ура оттиски печатей на документах встречаются реже, чем на буллах и пробках сосудов [Gibson, 1977]. Первые надписи на месопотамских печатях появились в первой половине III тыс. до н.э., но и после этого на всем протяжении месопотамской истории значительная часть печатей имела только изображения, но не имела надписей.

Типология развития надписей на месопотамских печатях была исследована и разработана И. Гельбом на основе классификации I тыс. надписей на печатях, относящихся ко всем периодам истории Месопотамии. Составленная им таблица дает общее представление о характере этого процесса [Gelb, 1977a].

Самые ранние надписи появляются на печатях, относящихся к Раннединастическому периоду (XXVIII–XXV вв. до н.э.). Они содержали обычно только имя бога (DN) или царя (RN), позднее в надписи появились имена частных лиц (PN), имена с отчеством (PN **dumu** PN2), со временем к имени все чаще присоединяется название должности (PN **prof.**) или же, если владелец печати царь или правитель города, к его имени присоединяется титул (RN/ON title). Надписи сразу же решили проблему идентификации оттиска печати и личности владельца печати.

В последующий саргоновский период самым распространенным видом надписи на печати была надпись, состоявшая из имени собственного (PN) или имени и отчества: «такой-то, сын такого-то» (PN **dumu** PN2). Археологами найдено около 125 печатей такого рода, однако табличек с оттисками таких печатей найдено не более десятка, и среди них как административные, так и частноправовые документы.

К этому же времени относятся печати, в надписи на которых стали впервые употреблять термин «раб». Схема подобного рода надписи была такова: имя царя, имя и должность владельца печати, далее шли слова «раб твой», т.е. царя (RN PN **prof. arad₂-zu**). Большая часть оттисков такого рода печатей сохранилась на глиняных буллах, служивших для опечатывания сосудов. По мнению Р. Цетлера, царь, возможно, сам наделял соответствующих чиновников такого рода печатями. Они производились в специальной государственной мастерской по указанию сверху. Такие печати имели только самые высокопоставленные чиновники. Если на престол всходил новый царь, то чиновнику, продолжавшему нести

свою службу, изготавливали новую печать с именем правящего царя [Zettler, 1977].

Исследование печатей времени III династии Ура показало, что они могут служить важным источником для реконструкции административной структуры государственных хозяйств. На многих оттисках печатей сохранились надписи с именем владельца и его титулом (должностью). Упоминания этих титулов, а иногда и этих имен собственных в хозяйственных текстах в ряде случаев дает возможность определить их место в управленческой иерархии. Изучение оттисков печатей, сохранившихся на табличках архива храма Инанны в Ниппуре времени III династии Ура, позволило Р. Цеттлеру сделать очень интересные наблюдения, касающиеся структуры управления и административной иерархии этого хозяйства [Zettler, 1987].

Долгое время изображения на печатях изучались только с точки зрения искусствоведения. Один из немногих примеров поиска связей между изображением и надписью — это работа историка искусства Ирен Винтер с печатями периода Ур III [Winter, 1986; 1987]. Роль печатей в Месопотамии состояла, по мнению автора, в том, что они маркировали изменения, происходившие в административной и коммерческой сфере. В период Ур III, который исследовала автор, репертуар изображений на печатях был очень ограниченным, что было связано, возможно, с попыткой ввести стандартизацию и в эту область, чтобы четко обозначить место и объем власти носителя печати. Чаще всего изображали так называемую «сцену презентации»: личное божество подводит владельца печати к божеству или царю.

Печати с изображением царя, как считает И. Винтер, принадлежали исключительно чиновникам высшего ранга, стоявшим в административной иерархии сразу после царя. Сцены, изображенные на этих печатях, можно расценивать как публичное отображение представления о власти. С одной стороны, изображение на такой печати отражает уровень власти владельца, с другой — свидетельствует об уровне власти царя, направленной и на то, чтобы гарантировать значение данной печати и данной должности, и на то, чтобы подчеркнуть исключительное значение царской власти, санкционированной богами [Winter, 1987].

В последнее время появляется все больше исследований, посвященных изучению изображений и надписей на печатях

старовавилонского периода. Издаются каталоги печатей, хранящихся в разных музеях мира [Buchanan, 1981; Collon, 1986], и каталоги оттисков, оставленных печатями на документах (глиняных табличках) [Blocher, 1992]. Изучение характера изображений на печатях дает возможность установить время и место их изготовления, выявить определенные художественные школы и стилистические особенности в работе разных мастеров [Al-Gailani Werr, 1988].

Интересные результаты приносит и изучение надписей на старовавилонских печатях. Самым распространенным видом надписи в этот период была надпись такого типа: такой-то, сын такого-то (титул), раб бога такого-то (PN **dumu** PN2 (prof.) **arad**₂ DN). Исследование и сопоставление упоминающихся в надписях собственных имен, должностей, имен богов, рабами которых называли себя владельцы печатей, дает возможность в ряде случаев установить иерархию должностей в государственном и храмовом хозяйствах, религиозные предпочтения, родственные связи и даже этническую принадлежность владельцев печатей [Charpin, 1990a; 1992; Козырева, 1997; 1998; 2002].

§ 7. Историография истории Вавилонии среднеавилонского периода (вторая половина II тыс. до н.э.)

Хронология и периодизация. Примерно с середины II тыс. до н.э. история Месопотамии четко разделяется на две ветви: история Вавилонии (Южная Месопотамия) и история Ассирии (Северная Месопотамия). Историю Вавилонии второй половины II тыс. до н.э. — среднеавилонский период — можно разделить на два отдельных этапа: 1) касситская Вавилония (ок. 1595—1157 гг. до н.э.) и 2) Вавилония при II династии Исины (1157—1027 гг. до н.э.). Среднеавилонский период истории Вавилонии изучен меньше, чем предшествующий (старовавилонский) и последующий (новоавилонский) периоды.

Касситская Вавилония. Существует целый ряд работ общего характера, посвященных истории Вавилонии касситского периода [Jaritz, 1958; Brinkman, 1980; Edens, 1994; Sommerfeld, 1995]. Конец правлению I вавилонской династии положили хетты в 1595 г. до н.э. В это время во главе хеттского царства стоял Мурсили

I (1620—1595 гг. до н.э.), современник последнего царя I вавилонской династии Самсудитаны (1626—1595 гг. до н.э.). Войска Мурсили I, совершая поход в Северо-Западную Сирию, прошли вниз по Евфрату, не встречая никакого сопротивления, и неожиданно атаковали Вавилон. Город был захвачен, разграблен, статуи главных богов, в том числе бога Мардука, увезены. Хетты не смогли воспользоваться плодами своей победы. Получив известие о дворцовом заговоре, Мурсили со своим войском срочно вернулся в Малую Азию, а политический вакуум, образовавшийся в Вавилонии, был ненадолго заполнен правителем Приморья, государства, возникшего на юге Вавилонии при преемниках Хаммурапи. Как долго царь Приморья сумел удержаться в Вавилоне и каким образом был смещен касситами, мы не знаем, поскольку история Вавилонии этого времени почти неизвестна. Во всяком случае, приморская династия оставалась серьезной политической силой на юге Вавилонии еще примерно сто лет после воцарения касситов [Lambert W., 1974b].

Вопрос об этнической принадлежности касситов остается нерешенным, в качестве места коренного обитания касситских племен одни исследователи рассматривают Малую Азию, другие — побережье Каспийского моря, третьи — горы Загроса, но точного ответа на этот вопрос пока нет. Когда и где касситский язык существовал как живой и разговорный, неизвестно. До нас не дошло ни одного текста или хотя бы предложения, написанного на этом языке. Реконструировать его приходится на основании косвенных источников. Сохранился фрагмент касситско-вавилонского словаря (48 слов), список из 19 касситских личных имен с вавилонским переводом, а также несколько специальных терминов, касающихся разведения лошадей, и отдельных слов в аккадском контексте, которые можно предположительно рассматривать как касситские [Balkan, 1954; Brinkman, 1996]. Отсутствуют какие-либо достоверные данные и о связях касситского языка с другими языками или языковыми семьями. Имена некоторых касситских божеств иногда сравнивали с именами греческих и индийских богов, но внешнее сходство, даже если допустить его наличие, по мнению большинства исследователей, свидетельствует только о каких-то периодических и, возможно, не прямых контактах между различными этническими группами на территории обширного культурного пространства [Brinkman, 1980].

Первые упоминания о касситах в источниках из Месопотамии относятся к XVIII в. до н.э. и связаны, в основном, с районом Сиппара [Harris, 1975: 88]. В письмах и административных документах старовавилонского периода иногда встречаются упоминания о группах людей, называемых *kassu*, которые работали в сельском хозяйстве, перевозили продукты, продавали битум. Иногда эти люди упоминаются в списках выдач рационов, что свидетельствует о том, что они могли работать в крупных государственных хозяйствах, в том числе выполнять и военные функции [Brinkman, 1980: 466]. В неадминистративных контекстах этого времени о касситах говорится как о врагах и разбойниках, нападающих на мирных жителей [Michalowski, 1981]. К концу старовавилонского периода касситы жили уже на среднем Евфрате, на территории Ханы и Терки, и в Адалахе.

Обстоятельства прихода к власти в Вавилоне Агума, девятого царя касситской династии в Хане и основателя Касситской вавилонской династии, нам неизвестны. Вслед за ним в Вавилонии правили еще 36 царей, которых вавилонская историческая традиция называет касситами. Однако последовательность их правления до сих пор недостаточно ясна. К середине II тыс. до н.э. вышел из употребления древний обычай составления пространственных царских датировочных формул, упоминавших важнейшие события каждого года правления, и сведения этих формул в списки. Это создает определенные сложности для исследователей при установлении последовательности тех или иных событий или точных дат правления отдельных касситских царей. Проблемы хронологии касситского периода подробно разобраны в статьях А. Гётце [Goetze, 1957; 1964] и Л. Засмансхаузена [Sassmannshausen, 2004].

Большие сложности для изучения истории касситского периода создает и тот факт, что среди представителей правящей династии было немало тезок [Brinkman, 1969]. Одна из трудных исторических проблем этого периода — это вопрос о роли самих касситов в Вавилонии при правлении Касситской династии. Многие правители этой династии были касситами, носили касситские имена и принадлежали, вероятно, к одной родственной группе, которая владела престолом в течение всего периода. Предполагается, что в этот период большое количество касситов жило в самой Вавилонии, известно также, что касситы составляли значительную часть населения хурритского города Нузи (1550—1400 гг. до н.э.). После

падения касситской династии многие касситы продолжали жить в Вавилонии, занимая высокие административные должности.

В начале XVI в. до н.э. Касситская династия контролировала север Вавилонии, а около 1475 г. до н.э. захватила и юг, положив конец существованию Приморского царства. С небольшими перерывами она правила в Южной Месопотамии примерно до 1155 г. до н.э. Правление Касситской династии, продолжавшееся более четырех столетий, было периодом относительной политической и экономической стабильности [Edens, 1994]. Именно при касситах Вавилония некоторое время играла ключевую роль в политической, интеллектуальной и торговой жизни всего Ближнего Востока. Касситские монархи заключали договоры с Египтом и Ассирией, наладили дипломатические и торговые связи с хеттами и Эламом. Вавилония процветала как центр международной торговли, а экономика страны перешла на использование золотого (вместо серебряного ранее) стандарта. В главных городах велось активное строительство, и в важном со стратегической точки зрения месте (к западу от современного Багдада) была построена новая столица Дур-Куригальзу [Дьяконов, 1983: 415–444; Якобсон, 1983].

Касситское правление было для Вавилонии временем серьезного культурного подъема [Sommerfeld, 1995]. Активно действовали писцовые школы, особенно в Ниппуре и Уре, создавались новые литературные тексты, месопотамская письменность и литература широко распространились по всему Ближнему Востоку. Именно при касситах была проведена работа по стандартизации аккадских и шумерских текстов. Найденные в библиотеках I тыс. до н.э. версии литературных текстов были составлены или, по крайней мере, копированы в касситский период. Именно в этот период аккадский язык становится языком международного общения и дипломатии на всей территории Ближнего Востока.

В конце XIV – начале XIII в. до н.э. политическое положение Вавилонии постепенно стало ухудшаться. С запада на Месопотамию стали надвигаться из степей кочевые племена арамеев, с севера Вавилонии угрожала мощная Ассирийская империя, пытавшаяся отрезать ее от важнейших торговых путей, на востоке давний соперник Вавилонии Элам вновь объединился в могущественное независимое государство. Неоднократные нашествия ассирийцев, а затем эламитян нанесли колоссальный урон городам Вавилонии и положили конец правлению Касситской династии.

Касситский период до сих пор остается самым мало изученным периодом истории Месопотамии. Это тем более удивительно, что от этого времени сохранилось достаточно много источников, как памятников материальной культуры, так и разнообразных текстов.

Важным источником по истории периода являются вавилонские и ассирийские сочинения исторического характера (хроники), содержащие сведения о касситских царях и политической истории касситского времени [Grayson, 1975].

Археология. Археология Месопотамии касситского периода весьма разнообразна. Были раскопаны жилые кварталы этого времени в Вавилоне, Уре, Ларсе, Эреду, Ниппуре [Brinkman, 1969; Hilprecht, 1903; Oates, 1979; Woolley, 1975]. Только в Ниппуре было найдено около 18 тыс. табличек касситского времени [Hilprecht, 1903: 414]. Большой материал был получен при раскопках новой столицы касситов Дур-Куригальзу, современный Акар-Куф [Baqir, 1944; 1945; 1946]. Именно там находится единственный в Месопотамии хорошо сохранившийся зиккурат (он сохранился на высоту ок. 60 м), который был частично отреставрирован во второй половине XX в. Археологи обнаружили здесь также остатки храмов и царских дворцов, в одном из которых сохранилась уникальная настенная роспись, изображающая процессию придворных [Oates, 1979: 97ff.].

Обнаруженный при раскопках слоев касситского периода богатый археологический и документальный материал относится, главным образом, к XIV и XIII вв. до н.э., времени политического и экономического подъема Вавилонии. Среди памятников материальной культуры особое внимание исследователей привлекли цилиндрические печати касситского времени с необычным для Месопотамии набором символов, среди которых и так называемый «касситский крест» [Béran, 1958; Porada, 1981] с пространственными надписями большей частью на шумерском языке [Limet, 1971], а также рельефы на стелах-кудурру [Seidl, 1989].

Письменные памятники. К настоящему времени несколько десятков тысяч текстов касситского времени (обычно их называют среднеавилонскими текстами) хранятся в различных музеях мира. Вся эта огромная информация, в том числе и неизданные письменные памятники касситского времени, в значительной степени учтена в фундаментальном издании Дж. Бринкмана [Brinkman, 1976]. Издание содержит подробнейший каталог источников,

с указанием места находки каждого текста, его датировки, издания, в котором тот опубликован, или музея, где он хранится.

Касситский период оставил нам самые разнообразные виды текстов, часть из которых издана:

- царские надписи (RIMB 1),
- надписи на межевых камнях, кудурру, с записью актов пожалования земли. Каменные стелы с такими надписями стояли, вероятно, на межах земельных владений. В течение последующих тысячелетий оригиналы были разбиты или уничтожены; до нас дошли, по-видимому, копии (около 80 экземпляров), сберегавшиеся в храмах — небольшие стелы высотой около метра с записью акта дарения и рельефными символами богов, выступавших в роли свидетелей дара. Самые ранние датированы XIV в., но особое распространение они получили в XIII—XII вв. [King, 1912; Seidl, 1989; Slanski, 2003],
- письма касситских царей из архива Телль-Амарны [Knudtzon, 1907–1915; Moran, 1992],
- частные письма [Waschow, 1936; Biggs, 1965],
- группа текстов из Ура [Gurney, 1983] и значительная часть архива из Ниппура (BE, PB5).

Больше всего повезло среднеавилонским текстам из Ниппура из коллекции Хильпрехта, хранящейся в музее Ф. Шиллера в Йене. На них обратили внимание несколько исследователей [Ago, 1970; Petschow, 1974; Bernhardt, 1976]. Среди этих текстов есть хозяйственные документы: ссуды ячменем, уплата податей зерном, финиками, сезамом и скотом, прием продуктов на складах, выдача рационов, списки жертвоприношений, а также частноправовые: контракты о купле-продаже рабов, скота, мебели и т.п. М.А. Дандамаев, опубликовавший рецензию на книгу И. Бернхардт, привел в ней для ознакомления читателя перевод нескольких среднеавилонских документов, поскольку до этого подобные тексты на русский язык не переводились [Дандамаев, 1979].

Однако большинство среднеавилонских письменных памятников, представляющих собой частноправовые и хозяйственные документы, храмовые и государственные архивы, научные и религиозные тексты, остаются пока неизданными.

Вавилония при II династии Исина. Политическая история этого периода подробно исследована в работе Дж. Бринкмана [Brinkman, 1968]. После смерти последнего касситского царя и разрушений,

которые причинили стране ассирийцы и эламитяне, Вавилония оказалась в упадке. В это время на юге Вавилонии в городе Иси-не была основана местная династия, «вторая династия Исина», впоследствии сделавшая своей столицей Вавилон. Наиболее выдающимся представителем этой династии был царь по имени Набу-кудурри-уцур I (1133–1116 гг.; иногда его путают с Набу-кудурри-уцуrom II, библейским Навуходоносором, который правил в Вавилонии гораздо позднее — 604–562 гг. до н.э.).

Набу-кудурри-уцур I надолго остался в памяти последующих поколений, поскольку он сумел провести несколько победоносных кампаний против Элама, полностью опустошив страну, принесшую вавилонянам столько бедствий, и вернул в Вавилонию статую бога Мардука, некогда увезенную эламитянами в свою столицу Сузы. Кроме того, армия Набу-кудурри-уцура I несколько раз нападала на приграничные города Ассирии, что отражено в ассирийской «Синхронистической истории» [Grayson, 1976]. О деятельности остальных царей этой династии нам известно мало, за исключением царя по имени Мардук-надин-аххе (1098–1081 гг. до н.э.), армия которого захватила ассирийский город Экаллатум и вывезла оттуда статуи ассирийских богов. Эти статуи оставались в Вавилонии до VII в. до н.э., пока Синаххериб не вернул их в Ассирию. В самом конце II тыс. до н.э. Вавилония снова вступила в длительный темный период, в течение которого значительная часть ее территории была занята арамейскими и халдейскими племенами.

Из письменных памятников этого периода опубликованы царские надписи [Frame, 1995] и отдельные хозяйственные тексты [Brinkman, 1976].

Библиография

[Антонова, 1998] — Антонова Е.В. Месопотамия на пути к первым государствам. М., 1998.

[Афанасьева, 1960] — Афанасьева В.К. Законы Ур-Намму // ВДИ. 1960. № 1. С. 61–74.

[Афанасьева, 1979] — Афанасьева В.К. Гильгамеш и Энкиду. М., 1979.

[Бадер, 1989] — Бадер Н.О. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М., 1989.

[Бикерман, 1975] — *Бикерман Э.* Хронология древнего мира. М., 1975.

[Вайман, 1972] — *Вайман А.А.* Формальные особенности протошумерских текстов // ВДИ. 1972. № 1. С. 124–131.

[Вайман, 1972а] — *Вайман А.А.* О связи протоэламской письменности с протошумерской // ВДИ. 1972. № 3. С. 124–133.

[Вайман, 1974/1989] — *Vajman A.A.* Protosumerische Mass- und Zählsysteme // *BaM.* 1989. 20. S. 114–120 (перевод статьи, опубликованной в: Труды XIII Международного конгресса по истории науки. 1974. 3–4. С. 6–11).

[Вайман, 1976] — *Вайман А.А.* О протошумерской письменности // Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки / Под ред. И.М. Дьяконова. М., 1976. С. 578–586.

[Гельб, 1982] — *Гельб И.* Опыт изучения письма (основы грамматики). М., 1982 (пер. с англ., оригинальное издание — 1952).

[Дандамаев, 1979] — *Дандамаев М.А.* [Рецензия] // ВДИ. 1976. № 1. С. 196–199. Рец. на кн.: Bernhardt I. Sozialökonomische Texte und Rechtsurkunden aus Nippur zur Kassitenzeit. Berlin, 1976.

[Дьяконов, 1950] — *Дьяконов И.М.* О площади и составе населения шумерского города-государства // ВДИ. 1950. № 2. С. 77–93.

[Дьяконов, 1951] — *Дьяконов И.М.* Реформы Урукагины в Лаше // ВДИ. 1951. № 1. С. 16–32.

[Дьяконов, 1952а] — *Дьяконов И.М.* Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства // ВДИ. 1952. № 3. С. 199–303; № 4. С. 205–320.

[Дьяконов, 1952б] — *Дьяконов И.М.* Государственный строй древнейшего Шумера // ВДИ. 1952. № 2. С. 13–37.

[Дьяконов, 1959] — *Дьяконов И.М.* Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер. М., 1959.

[Дьяконов, 1963] — *Дьяконов И.М.* Этнический и социальный факторы в истории древнего мира (на материале Шумера) // ВДИ. 1963. № 2. С. 167–179.

[Дьяконов, 1967] — *Дьяконов И.М.* Проблемы собственности: О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н.э. // ВДИ. 1967. № 4. С. 13–37.

[Дьяконов, 1968] — *Дьяконов И.М.* Проблемы экономики: О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н.э. // ВДИ. 1968. № 3. С. 1–27; № 4. С. 3–40.

[Дьяконов, 1973] — *Дьяконов И.М.* Рабы, илоты и крепостные в ранней древности // ВДИ. 1973. № 4. С. 3–29.

[Дьяконов, 1975] — *Дьяконов И.М.* Основы хронологии Вавилонии и Ассирии // Бикерман Э. Хронология древнего мира. М., 1975. С. 308–319.

[Дьяконов, 1976] — *Дьяконов И.М.* Протошумерские иероглифы // Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки / Под ред. И.М. Дьяконова. М., 1976. С. 569–571.

[Дьяконов, 1983] — История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 1. Месопотамия / Под ред. И.М. Дьяконова. М., 1983.

[Дьяконов, 1985] — *Дьяконов И.М.* Значение Эблы для истории и языкознания // Древняя Эбла (Раскопки в Сирии) / Под ред. И.М. Дьяконова. М., 1985. С. 318–349.

[Дьяконов, 1989] — История древнего мира. Кн. 1. Ранняя древность / Отв. ред. И.М. Дьяконов. М., 1989.

[Дьяконов, 1990] — *Дьяконов И.М.* Люди города Ура. М., 1990.

[Дьяконов, 1992] — *Дьяконов И.М.* Праотец Адам // Восток. 1992. № 1. С. 51–58.

[Дьяконов, 1996] — *Дьяконов И.М.* Шумеры и афразийцы глазами историка // ВДИ. 1996. № 4. С. 81–88.

[Дьяконов, 1998] — *Дьяконов И.М.* Внешние связи шумерского языка // Язык и речевая деятельность. СПб., 1998. Т. 1. С. 108–114.

[ИДВТД, 2002] — История древнего Востока: Тексты и документы. М., 2002.

[Клочков, 1983] — *Клочков И.С.* Духовная культура Вавилонии: Человек, судьба, время. Очерки. М., 1983.

[Козырева, 1983] — *Козырева Н.В.* Старовавилонский период истории Месопотамии // История древнего мира. Кн. 1. Ранняя древность. М., 1983. С. 125–139.

[Козырева, 1985] — *Козырева Н.В.* [Рецензия] // ВДИ. 1985. № 3. С. 175–180. Рец. на кн.: Foster B.R. Umma in the Sargonic Period. Hamden (Connecticut), 1982.

[Козырева, 1988] — *Козырева Н.В.* Древняя Ларса. М., 1988

[Козырева, 1997] — *Козырева Н.В.* Надписи на старовавилонских печатях. 1 // ВДИ. 1997. № 2. С. 116–123.

[Козырева, 1998] — *Козырева Н.В.* Надписи на старовавилонских печатях. 2 // ВДИ. 1998. № 4. С. 66–74.

[Козырева, 2000] — *Козырева Н.В.* Район ЕМ в городе Уре // *Ассириология и египтология*. СПб., 2000. С. 95–104.

[Козырева, 2000а] — *Козырева Н.В.* Архив из района CLW города Ура // *ВДИ*. 2000. № 2. С. 208–213.

[Козырева, 2001] — *Козырева Н.В.* Амореи в городах Исин и Эшнунна // *ВДИ*. 2001. № 3. С. 119–123.

[Козырева, 2001а] — *Козырева Н.В.* Городское население Южной Месопотамии в начале II тыс. до н.э. // *Российское востоковедение в память о М.С. Капице*. М., 2001. С. 35–56.

[Козырева, 2002] — *Козырева Н.В.* Старовавилонские печати с именем бога Амурру из собрания Государственного Эрмитажа // *Записки Восточного отделения Российского археологического общества*. 2002. Т. 1 (26). С. 134–147.

[Козырева, 2003] — *Козырева Н.В.* Население города Ниппура (Месопотамия) в начале II тыс. до н.э. // *Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки*. 20. С. 84–103.

[Кошурников, 1984] — *Кошурников С.Г.* Семейный архив из старовавилонского Дильбата // *ВДИ*. 1984. № 2. С. 132–133.

[Ллойд, 1984] — *Ллойд С.* Археология Месопотамии. М., 1984.

[Массон, 1989] — *Массон В.М.* Первые цивилизации. М., 1989.

[Мунчаев, Мерперт, 1981] — *Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я.* Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М., 1981.

[Никольский, 1908] — *Никольский М.В.* Документы хозяйственной отчетности древнейшей эпохи Халдеи из собрания Н.П. Лихачева. СПб., 1908.

[Оппенхейм, 1980] — *Оппенхейм А.Л.* Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации: Пер. с англ. М., 1980 (оригинальное издание — 1968).

[Павловская, 1965] — *Павловская А.И.* О концепции «гидравлического общества» К. Витфогеля // *ВДИ*. 1965. № 4. С. 184–190.

[Постовская, 1961] — *Постовская Н.М.* Изучение древней истории Ближнего Востока в Советском Союзе (1917–1959). М., 1961.

[Работы, 1984] — Работы советских ученых по ассириологии и шумерологии (1917–1983). Л., 1984.

[Работы, 1986] — Работы советских ученых по древней Передней Азии. Библиографический указатель (1917–1984). Л., 1986.

[Тюменев, 1956] — *Тюменев А.И.* Государственное хозяйство древнего Шумера. М.; Л., 1956.

[Франкфорт и др., 1984] — *Франкфорт Г., Франкфорт Г.А., Уилсон Дж., Якобсен Т.* В преддверии философии. М., 1984.

[Фридрих, 1979] — *Фридрих И.* История письма. М., 1979 (пер. с нем., оригинальное издание — 1966).

[Хук, 1991] — *Хук С.Г.* Мифологии Ближнего Востока. М., 1991.

[Якобсен, 1995] — *Якобсен Т.* Сокровища тьмы: История месопотамской религии. М., 1995.

[Якобсон, 1983] — *Якобсон В.А.* Месопотамия в XVI—XI вв. до н.э. // История древнего мира. Кн. 1. Ранняя древность. М., 1983. С. 181—196.

[Якобсон, 1983а] — *Якобсон В.А.* Новые данные об экономике старовавилонского периода // ВДИ. 1983. № 4. С. 99—104.

[Якобсон, 1984] — *Якобсон В.А.* Государство и право на древнем Востоке // НАА. 1984. № 2. С. 88—110; № 3. С. 62—87.

[Adams, 1960] — *Adams R. McC.* Factors Influencing the Rise of Civilization in the Alluvium, Illustrated by Mesopotamia // City Inevitable. A Symposium on Urbanization and Cultural Development in the Ancient Near East. Chicago, 1960. P. 24—46.

[Adams, 1965] — *Adams R. McC.* Land Behind Baghdad. A History of Settlement on the Diyala Plain. Chicago, 1965.

[Adams, 1966] — *Adams R. McC.* The Evolution of Urban Society. N. Y., 1966.

[Adams, 1981] — *Adams R. McC.* Heartland of Cities: Surveys of Ancient Settlement and Land Use on the Central Floodplain of the Euphrates. Chicago, 1981.

[Adams, Jacobsen, 1958] — *Adams R. McC., Jacobsen T.* Salt and Silt in Ancient Mesopotamian Agriculture // Science. 1958. 128. P. 1251—1258.

[Adams, Nissen, 1972] — *Adams R. McC., Nissen H.J.* The Uruk Countryside: The Natural Setting of Urban Societies. Chicago, 1972.

[Al-Gailani Werr, 1988] — *Al-Gailani Werr L.* Studies in the Chronology and Regional Style of Old Babylonian Cylinder Seals. Malibu, 1988 (BiblMes 23).

[Algaze, 1989] — *Algaze G.* The Uruk Expansion: Cross-cultural Exchange in Early Mesopotamian Civilization // Current Anthropology. 1989. 30. P. 571—608.

[Algaze, 1993] — *Algaze G.* The Uruk world system. The Dynamics of Expansion of Early Mesopotamian Civilization. Chicago, 1993.

[Al-Khalesi, 1978] — *Al-Khalesi Yasin M.* The Court of the Palms: A Functional Interpretation of the Mari Palace. Malibu, 1978 (BiblMes 8).

[Allotte de la Fuÿe, 1908–1920] — *Allotte de la Fuÿe F.-M.* Documents présargoniques. P., 1908–1920.

[Archi, 1984] — Circulation of Goods in Non-Palatial Context in the Ancient Near East / Ed. by A. Archi. Roma, 1984.

[Aro, 1970] — *Aro J.* Mittelbabylonische Kleidertexte der Hilprecht-Sammlung Jena. Berlin, 1970.

[Balkan, 1954] — *Balkan K.* Kassitenstudien 1: Die Sprache der Kassiten. New Haven, 1954 (AOS 37).

[Balkan, 1986] — *Balkan K.* Studies in Babylonian Feudalism of the Kassite Period. Malibu, 1986 (MANE 2/3).

[Baqir, 1944] — *Baqir T.* Iraq Government Excavations at 'Aqar Qūf, 1942–1943 // Iraq Supplement. 1945. P. 1–16.

[Baqir, 1945] — *Baqir T.* Iraq Government Excavations at 'Aqar Qūf: Second Interim Report, 1943–1944 // Iraq Supplement. 1945. P. 1–15.

[Baqir, 1946] — *Baqir T.* Iraq Government Excavations at 'Aqar Qūf: Third Interim Report, 1944–45 // Iraq. 1946. V. 8. P. 73–93.

[Baqir, 1959] — *Baqir T.* Tell Harmal. Baghdad, 1959.

[Bauer, 1929] — *Bauer Th.* Die Ostkanaanäer. Leipzig, 1929.

[Bauer, 1972] — *Bauer J.* Review of D.O. Edzard, Sumerische Rechtsurkunden // ZA. 1972. Bd. 61. S. 316–325.

[Bauer, 1972a] — *Bauer J.* Altsumerische Wirtschaftstexte aus Lagasch (AWL). Roma, 1972 (StPohl 9).

[Bauer, 1998] — *Bauer J.* Der vorsargonische Abschnitt der mesopotamischen Geschichte // Bauer J., Englund R.K., Krebern timer M. Mesopotamien. Späturuk-Zeit und Frühdynastische Zeit. Annäherungen 1 / Hrsg. von P. Attinger, M. Wäfler. Freiburg (Schweiz); Göttingen, 1998. S. 429–585. (OBO 160/1) (см. также: [Bauer et al., 1998]).

[Bauer et al., 1998] — *Bauer J., Englund R.K., Krebern timer M.* Mesopotamien. Späturuk-Zeit und Frühdynastische Zeit. Annäherungen 1 / Hrsg. von P. Attinger, M. Wäfler. Freiburg (Schweiz); Göttingen, 1998 (OBO 160/1).

[Becker, 1985] — *Becker A.* Neusumerische Renaissance? Wissenschafts-geschichtliche Untersuchungen zur Philologie und Archäologie // BaM. 1985. 16. S. 229–316.

[Bengtson, 1997] — *Bengtson J.* The Riddle of Sumerian: A Dene-Caucasic Language // Mother Tongue. 1997. N 3. 63–74.

[Beran, 1958] — *Beran Th.* Die babylonische Glyptik der Kassitenzeit // AfO. 1957–1958. Bd. 18. S. 255–278.

[Bernhardt, 1976] — *Bernhardt I.* Sozialökonomische Texte und Rechtsurkunden aus Nippur zur Kassitenzeit. Berlin, 1976.

[Biggs, 1965] — *Biggs R.D.* A Letter from Kassite Nippur // JCS. 1965. V. 19. P. 95–102.

[Biggs, 1967] — *Biggs R.D.* Semitic Names in the Fara Period // Or. 1967. V. 36 (NS). P. 55–66.

[Biggs, 1974] — *Biggs R.D.* Inscriptions from Tell Abu Salabikh. Chicago; L., 1974 (OIP 99).

[Biggs, 1976] — *Biggs R.D.* Inscriptions from Al-Hiba – Lagash: The First and Second Seasons. Malibu, 1976 (BiblMes 3).

[Biggs, 1981] — *Biggs R.D.* Ebla and Abu Salabikh: The Linguistic and Literary Aspects // La lingua de Ebla / Ed. by L. Cagni. Napoli, 1981. P. 121–133.

[Biggs, Postgate, 1978] — *Biggs R.D., Postgate J.N.* Inscriptions from Abu Salabikh, 1975 // Iraq. 1978. V. 40. P. 101–117.

[Blocher, 1992] — *Blocher F.* Siegelabrollungen auf frühaltbabylonischen Tontafeln in der Yale Babylonian Collection. Ein Katalog. München, 1992 (MVS 9).

[Boehmer, 1999] — *Boehmer R.M.* Uruk. Früheste Siegelabrollungen. Mainz, 1999.

[Bomhard, 1997] — *Bomhard A.* On the Origin of Sumerian // Mother Tongue. 1997. N 3. 75–92.

[Borger, 1982] — *Borger R.* Der Codex Eschnunna. Gutersloh, 1982.

[Bottéro, 1961] — *Bottéro J.* Désordre économique et annulation des dettes en Mesopotamie à l'époque paléo-babylonienne // JESHO. 1961. V. 4. P. 113–167.

[Brandes, 1979] — *Brandes M.A.* Siegelabrollungen aus den archaischen Bauschichten in Uruk-Warka. Wiesbaden, 1979 (FAOS 3).

[Brinkman, 1968] — *Brinkman J.A.* A Political History of Post-Kassite Babylonia, 1115–722 B. C. Roma, 1968. (AnOr 43.)

[Brinkman, 1969] — *Brinkman J.A.* Ur: the Kassite Period and the Period of Assyrian Kings // Or. 1969. V. 38. P. 310–348.

[Brinkman, 1976] — *Brinkman J.A.* Materials and Studies for Kassite History I. Chicago, 1976.

[Brinkman, 1980] — *Brinkman J.* Kassiten // RLA. 1980. Bd. 5. S. 464–473.

[Brinkman, 1996] — *Brinkman J.A.* Kassite timiras and sirpi as Cattle Designations // *NABU.* 1996. № 2. P. 36.

[Buccellati, 1966] — *Buccellati G.* The Amorites of the Ur III Period. Naples, 1966. V. 1.

[Buccellati, 1973] — *Buccellati G.* Methodological Concerns and the Progress of Ancient Near Eastern Studies // *Or.* 1973. V. 42. P. 9–20.

[Buchanan, 1981] — *Buchanan B.* Early Near Eastern Seals in the Yale Babylonian Collection. New Haven; L., 1981.

[Burkholder, 1971] — *Burkholder G., Golding M.* Surface Survey of Al-'Ubaid Sites in the Eastern Province of Saudi Arabia // *Contributions to the Anthropology of Saudi Arabia. Field Research Project* / Ed. by H. Field. Coconut Grove, 1971. P. 50–55.

[Burkholder, 1972] — *Burkholder G.* Ubaid sites and pottery in Saudi Arabia // *Archaeology.* 1972. V. 25. P. 264–269.

[Burrows, 1935] — *Burrows E.* Archaic Texts. Ur Excavations Texts 2. L.; Philadelphia, 1935.

[Burstein, 1978] — *Burstein S.M.* The Babyloniaca of Berosses. Malibu, 1978 (SANE 1/5).

[Butz, 1985] — Butz K. On Salt Again... Lexikalische Randbemerkungen // *JESHO.* 1985. V. 27. P. 272–316.

[Charpin, 1980] — *Charpin D.* Archives familiales et propriété privée en Babylonie ancienne: étude des documents de «Tell Sifr». Genève, 1980.

[Charpin, 1986] — *Charpin D.* Le clerge d'Ur au siècle d'Hammurabi. Genève; P., 1986.

[Charpin, 1987] — *Charpin D.* Tablettes présargoniques de Mari // *M.A.R.I.* 1987. 5. P. 65–127.

[Charpin, 1990a] — *Charpin D.* Les divinités familiales des babyloniens d'après les légendes de leurs sceaux-cylindres // *De la Babylonie à la Syrie, en passant par Mari.* Liege, 1990. P. 59–78.

[Charpin, 1990b] — *Charpin D.* Nouvelles tablettes présargoniques de Mari // *M.A.R.I.* 1990. 6. P. 245–252.

[Charpin, 1992] — *Charpin D.* Les Légendes de Sceaux de Mari: Nouvelles Données // *Mari in Retrospect* / Ed. G.D. Young. Winona Lake, 1992. P. 59–75.

[Civil, 1969] — *Civil M.* The Sumerian Flood Story // *Lambert W.G., Millard A.R.* Atra-hasis: the Babylonian Story of Flood. Oxford, 1969. P. 138–145, 167–172.

[Civil, 1982] — *Civil M.* Studies on Early Dynastic Lexicography I // *OrAnt.* 1982. V. 21. P. 1–26.

[Cohen, 1973] — *Cohen S.* Enmerkar and the Lord of Aratta: [Dissertation]. University of Pennsylvania, 1973.

[Collon, 1986] — *Collon D.* Catalogue of the Western Asiatic Seals in the British Museum. 3. Isin-Larsa and Old Babylonian Periods. L., 1986.

[Collon, 1987] — *Collon D.* First Impressions: Cylinder Seals in the Ancient Near East. L., 1987.

[Cooper, 1973] — *Cooper J.S.* Sumerian and Akkadian in Sumer and Akkad // *Or.* 1973. V. 42. P. 229–316.

[Cooper, 1978] — *Cooper J.S.* The Return of Ninurta to Nippur. Rome, 1978 (*AnOr* 52).

[Cooper, 1981] — *Cooper J.S.* Gilgames and Agga: a review article // *JCS.* 1981. V. 33. P. 224–241.

[Cooper, 1982] — *Cooper J.S.* Enanatum's colophon // *RA.* 1982. V. 76. P., 191.

[Cooper 1983a] — *Cooper J.S.* The Curse of Agade. Baltimore, 1983.

[Cooper 1983b] — *Cooper J.S.* Reconstructing History from Ancient Inscriptions: The Lagash-Umma Border Conflict. Malibu, 1983 (*SANE* 2/1).

[Cooper 1986] — *Cooper J.S.* Sumerian and Akkadian Royal Inscriptions 1: Presargonic Inscriptions. New Haven, 1986.

[Cooper, 1989] — *Cooper J.S.* Third Millennium Mesopotamia: An Introduction // *Women's Earliest Records* / Ed. by B.S. Lesko. Atlanta, 1989.

[Cooper, 1993] — *Cooper J.S.* Sumerian and Aryan: Racial theory, academic politics and Parisian Assyriology // *Revue de l'Histoire des Religions.* 1993. 210. 2. P. 169–205.

[Cooper, Heimpel, 1983] — *Cooper J.S., Heimpel W.* The Sumerian Sargon legend // *JAOS.* 1983. V. 103. P. 67–82.

[Courty, Weiss, 1993] — *Courty M.-A., Weiss H.* The Genesis and Collapse of the Akkadian Empire: the Accidental Refraction of Historical Law // *Akkad: The First World Empire — Structure, Ideology, Traditions* / Ed. by M. Liverani. Padua, 1993. P. 131–157.

[Damerow, 1993] — *Damerow P.* Review of Schmandt-Besserat 1992 // *Rechtshistorisches J.* 1993. 12. S. 9–35.

[Damerow, 1995] — *Damerow P., Meinzer H.-P.* Computertomographische Untersuchung ungeöffneter archaischer Tonkugeln aus Uruk W 20987,9, W 20987,11 und W 20987,12 // *BaM.* 1995. 26. S. 7–33.

[Damerow, Englund, 1987] — *Damerow P., Englund R.K.* Die Zeichensysteme der Archaischen Texte aus Uruk // Green M.W., Nissen H.J. Zeichenliste der archaischen Texte aus Uruk (ATU 2). Berlin, 1987. P. 117–166.

[De Sarzec, 1884–1912] — *De Sarzec E.* Découvertes en Chaldee. P., 1884–1912. V. 2, Partie épigraphique.

[Deimel, 1922] — *Deimel A.* Die Inschriften von Fara I: Liste der archaischen Keilschriftzeichen (LAK). Leipzig, 1922 (WVDOG 40).

[Deimel, 1923] — *Deimel A.* Die Inschriften von Fara II: Schultexte aus Fara. Leipzig, 1923 (WVDOG 43).

[Deimel, 1924] — *Deimel A.* Die Inschriften von Fara III: Wirtschaftstexte aus Fara. Leipzig, 1924 (WVDOG 45).

[Deimel, 1931] — *Deimel A.* Sumerische Tempelwirtschaft zur Zeit Urukaginas und seiner Vorgänger. Abschluss der Einzelstudien und Zusammenfassung der Hauptresultate. Roma, 1931 (AnOr 2).

[Delitzsch, 1889] — *Delitzsch F.* Assyrische Grammatik. Berlin, 1889.

[Delitzsch, 1898] — *Delitzsch F.* Die Entstehung des ältesten Schriftsystems oder der Ursprung der Keilschriftzeichen. Leipzig, 1898.

[Desrochers, 1978] — *Desrochers M.* Aspects of the Structure of Dilbat during the Old Babylonian Period: Ph.D. Dissertation. Ann Arbor, 1978.

[Diakonoff, 1975] — *Diakonoff I.M.* The Rural Community in the Ancient Near East // JESHO. 1975. V. 18. P. 121–133.

[Diakonoff, 1997] — *Diakonoff I.M.* External Connections of the Sumerian Language // Mother Tongue. 1997. Issue 3. P. 54–63.

[Donbaz, Sauren, 1991] — *Donbaz V., Sauren H.* NI 2553+2565, A Missing Link of the Hammurabi Law-Code // OLP. 1991. 22. S. 5–26.

[Driver, Miles, 1952–1955] — *Driver G.R., Miles J.C.* The Babylonian Laws. V. 1. Legal Commentary. V. 2. Transliterated Text and Notes. Oxford, 1952–1955.

[Edens, 1994] — *Edens Ch.* On the Complexity of Complex Societies: Structure, Power, and Legitimation in Kassite Babylonia // Chiefdoms and Early States in the Near East: The Organizational Dynamics of Complexity / Ed. by G. Stein, M.S. Rothman. Madison, 1994. P. 209–224.

[Edzard, 1957] — *Edzard D.O.* Die «Zweite Zwischenzeit» Babylo-niens. Wiesbaden, 1957.

[Edzard, 1960] — *Edzard D.O.* Sumerer und Semiten in der frühen Geschichte Mesopotamiens // *Aspects du contact suméro-akkadien. IX-e Rencontre Assyriologique Internationale, Genève. Juin 20–23. 1960 (Genava. 1960. 8). P. 241–258.*

[Edzard, 1968] — *Edzard D.O.* Sumerische Rechtsurkunden des III. Jahrtausends aus der Zeit vor der III. Dynastie von Ur. München, 1968.

[Edzard, 1974] — *Edzard D.O.* Mesopotamia and Iraq, History of // *Encyclopaedia Britannica. 14th ed. Chicago, 1974. V. 11. P. 963–980.*

[Edzard, 1976–1980] — *Edzard D.O.* Keilschrift // *RLA. 1976–1980. Bd. 5. S. 544–568.*

[Edzard, 1981] — *Edzard D.O.* Königslisten und Chroniken: A. Sumerisch // *RLA. 1981. Bd. 6. S. 77–86.*

[Edzard, 1987–1990] — *Edzard D.O.* Martu // *RLA. 1987–1990. Bd. 7. S. 433–440.*

[Edzard, 1991] — *Edzard D.O.* Irikagina (Urukagina) // *AuOr. 1991. 9. P. 77–79.*

[Edzard, 1996] — *Edzard D.O.* Private Land Ownership and its Relation to «God» and the «State» in Sumer and Akkad // *Privatization in the Ancient Near East and Classical World / Ed. by M. Hudson, B. Levine. Cambridge (Mass.), 1996. P. 109–152.*

[Edzard, 1997] — *Edzard D.O.* Gudea and His Dynasty. Toronto; Buffalo; L., 1997 (RIME 3/1).

[Ellis, 1972] — Ellis M. de J. Simdatu in the Old Babylonian Sources // *JCS. 1972. V. 24. P. 74–82.*

[Englund, 1988] — *Englund R.K.* Administrative Timekeeping in Ancient Mesopotamia // *JESHO. 1988. V. 31. P. 121–185.*

[Englund, 1990] — *Englund R.K.* Organisation und Verwaltung der Ur-III-Fischerei. Berlin, 1990.

[Englund, 1994] — *Englund R.K.* Archaic Administrative Texts from Uruk: The Early Campaigns (ATU 5). Berlin, 1994.

[Englund, 1996] — *Englund R.K.* Proto-Cuneiform Texts from Diverse Collections. Berlin, 1996 (MSVO 4).

[Englund, 1998] — *Englund R.K.* Texts from the Late Uruk Period // Bauer J., Englund R.K., Krebernik M. Mesopotamien. Späturuk-Zeit und Frühdynastische Zeit. Annäherungen 1 / Hrsg. von P. Attinger, M. Wäfler. Freiburg (Schweiz); Göttingen, 1998. S. 15–233. (OBO 160/1) (см. также: [Bauer et al., 1998]).

[Englund, Grégoire, 1991] — *Englund R.K., Grégoire J.-P.* The Proto-Cuneiform Texts from Jemdet Nasr. I: Copies, Transliterations and Glossary. Berlin, 1991 (MSVO 1).

[Englund, Nissen, 1993] — *Englund R.K., Nissen H.J.* Die lexikalischen Listen der archaischen Texte aus Uruk (ATU 3). Berlin, 1993.

[Falkenstein, 1936] — *Falkenstein A.* Archaische Texte aus Uruk (ATU 1). Berlin; Leipzig, 1936.

[Falkenstein, 1937] — *Falkenstein A.* Archaische Texte des Iraq-Museums in Baghdad // OLZ. 1937. 40. S. 401–410.

[Falkenstein, 1954] — *Falkenstein A.* La cité-temple sumérienne // Cahiers d'Histoire Mondiale. 1953–1954. 1. P. 784–814.

[Falkenstein, 1956] — *Falkenstein A.* Die neusumerischen Gerichtsurkunden. München, 1956. Bd. 1–3.

[Falkenstein, 1974] — *Falkenstein A.* The Sumerian Temple City. Los Angeles, 1974 (MANE 1/1).

[Figulla, 1953] — Figulla H. Accounts concerning Allocation of Provisions for Offerings in the Ningal-Temple of Ur // Iraq. 1953. V. 15. P. 88–122, 171–192.

[Finkelstein, 1961] — *Finkelstein J.J.* Ammisaduqa's Edict and the Babylonian Law Code // JCS. 1961. V. 15. P. 91–104.

[Finkelstein, 1962] — *Finkelstein J.J.* Mesopotamia // JNES. 1962. V. 21. P. 73–92.

[Finkelstein 1965] — *Finkelstein J.J.* Some New Misharum Material and Its Implications // Studies in Honor of Benno Landsberger / Ed. by Th. Jacobsen, H.G. Güterbock. Chicago, 1965. P. 233–246 (AS 16).

[Finkelstein, 1966] — *Finkelstein J.J.* The Genealogy of Hammurapi Dynasty // JCS. 1966. V. 20. P. 95–118.

[Finkelstein, 1968] — *Finkelstein J.J.* The Laws of Ur-Nammu // JCS. 1968. V. 22. P. 66–82.

[Förtsch, 1916] — *Förtsch W.* Altbabylonische Wirtschaftstexte aus der Zeit Lugalanda's und Urukagina's. Texte 1–195. Leipzig, 1916 (VS 14/1).

[Foster, 1981] — *Foster B.R.* A New Look at the Sumerian Temple State // JESHO. 1981. V. 24. P. 225–241.

[Foster, 1982] — *Foster B.R.* Administration and Use of Institutional Land in Sargonic Sumer. Copenhagen, 1982 (Mesopotamia 9).

[Foster, 1982a] — *Foster B.R.* Archives and Record-keeping in Sargonic Mesopotamia // ZA. 1982. Bd. 72. S. 1–27.

[Foster, 1982b] — *Foster B.R.* An Agricultural Archive from Sargonic Akkad // *ASJ*. 1982. V. 4. P. 7–51.

[Foster, 1982c] — *Foster B.R.* Umma in the Sargonic Period. Hamden (Connecticut), 1982.

[Foster, 1990] — *Foster B.R.* Naram-Sin in Martu and Magan // *ARRIM*. 1990. 8. P. 40–44.

[Foster, 1993] — *Foster B.R.* 1. Management and Administration in Sargonic Period. 2. Select Bibliography of the Sargonic Period // *Akkad: The First World Empire — Structure, Ideology, Traditions* / Ed. by M. Liverani. Padua, 1993. P. 25–39, 171–182.

[Foster, 1994] — *Foster B.R.* Early Mesopotamian Land Sales // *JAOS*. 1994. V. 114. P. 440–452.

[Frame, 1995] — *Frame G.* Rulers of Babylonia from the Second Dynasty of Isin to the End of Assyrian Domination (1152–612 B. C.). Toronto, 1995 (RIMB 2).

[Frankfort, 1954] — *Frankfort H.A.* The Art and Architecture of the Ancient Orient. Harmondsworth, 1954.

[Frayne, 1990] — *Frayne D.R.* Old Babylonian Period (2003–1595 B. C.). Toronto; Buffalo; L., 1990 (RIME 4).

[Frayne, 1993] — *Frayne D.R.* Sargonic and Gutian Periods (2334–2113 B. C.). Toronto; Buffalo; L., 1993 (RIME 2).

[Frayne, 1997] — *Frayne D.R.* Ur III Period (2112–2004 B. C.). Toronto; Buffalo; L., 1997 (RIME 3/2).

[Frayne, 2001] — *Frayne D.R.* Pre-Sargonic Period. Toronto; Buffalo; L., 2001 (RIME 1).

[Friberg, 1978–1979] — *Friberg J.* The Early Roots of Babylonian Mathematics. Göteborg, 1978–1979. V. 1–2.

[Gadd, 1973] — *Gadd C.J.* Hammurabi and the End of His Dynasty // *CAH*. 3 ed. V. 2/1. P. 176–227.

[Gelb, 1958] — *Gelb I.J.* La lingua degli amoriti // *Rendiconti della classe di scienze morali, storiche e filologiche della Accademia Nazionale dei Lincei*. Ser. 8. 1958. V. 13. Fasc. 3–4. P. 143–164.

[Gelb, 1961] — *Gelb I.J.* The Early History of West Semitic Peoples // *JCS*. 1961. V. 15. P. 27–47.

[Gelb, 1965] — *Gelb I.J.* The ancient Mesopotamian ration system // *JNES*. 1965. V. 24. P. 230–243.

[Gelb, 1969] — *Gelb I.J.* On the Alleged Temple and State Economies in Ancient Mesopotamia // *Studi in Onore di Eduardo Volterra*. Roma, 1969. V. 6. P. 137–154.

[Gelb, 1969a] — *Gelb I.J.* Growth of a Herd of Cattle in Ten Years // JCS. 1969. V. 21. P. 64–69.

[Gelb, 1972] — *Gelb I.J.* From Freedom to Slavery // CRRAI. 18. P. 81–92.

[Gelb, 1972a] — *Gelb I.J.* The Arua Institution // RA. 1972. V. 66. P. 1–32.

[Gelb, 1976] — *Gelb I.J.* Quantitative Evaluation of Slavery and Serfdom // Kramer Anniversary Volume / Ed. by B.L. Eichler et al. Neukirchen-Vluyn, 1976. P. 195–207 (AOAT 25).

[Gelb, 1977] — *Gelb I.J.* Thoughts about Ibla: A Preliminary Evaluation, March 1977. Malibu, 1977 (SMS 1/1).

[Gelb, 1977a] — *Gelb I.J.* Typology of Mesopotamian Seal Inscriptions // Seals and Sealing in the Ancient Near East / Ed. by M. Gibson, R.D. Biggs. Malibu, 1977. P. 107–127.

[Gelb, 1979] — *Gelb I.J.* Household and family in early Mesopotamia // State and Temple Economy in the Ancient Near East I / Ed. by E. Lipinski. Louvain, 1979. P. 1–97 (OLA 5).

[Gelb, 1980] — *Gelb I.J.* Computer-Aided Analysis of Amorite. Chicago, 1980 (AS 21).

[Gelb, 1981] — *Gelb I.J.* Ebla and the Kish Civilization // La Lingua di Ebla / Ed. L. Cagni. Napoli, 1981. P. 9–73.

[Gelb, 1987] — *Gelb I.J.* The Language of Ebla in the Light of the Sources from Ebla, Mari and Babylonia // EDA. P. 49–74.

[Gelb1992] — *Gelb I.J.* Mari and Kish Civilization // Man in Retrospect / Ed. by G.D. Young. Winona Lake, 1992. P. 121–202.

[Gelb, Steinkeller, Whiting, 1991] — *Gelb I.J., Steinkeller P., Whiting R.M.* Earliest Land Tenure Systems in the Near East. Chicago, 1991 (OIP 104).

[Genouillac, 1909] — *Genouillac H. de.* Tablettes sumériennes archaïques (TSA). P., 1909.

[George, 1992] — *George A.R.* Babylonian Topographical Texts. Leuven, 1992.

[Gibson, 1972] — *Gibson M.* The City and Area of Kish. Miami, 1972.

[Gibson, 1977] — *Gibson M.* Seals and Sealing in the Ancient Near East. Summation // Seals and Sealing in the Ancient Near East / Ed. by M. Gibson, R.D. Biggs. Malibu, 1977. P. 147–155.

[Gibson, Biggs, 1977] — Seals and Sealing in the Ancient Near East / Ed. by M. Gibson, R.D. Biggs. Malibu, 1977 (BiblMes 6).

[Glassner, 2000] — *Glassner J.-J.* Écrire à Sumer. L'invention du cunéiforme. P., 2000.

[Goetze, 1957] — *Goetze A.* On the Chronology of the Second Millennium B. C. // JCS. 1957. 11. P. 64–65.

[Goetze, 1960] — *Goetze A.* The Chronology of Šulgi Again // Iraq. 1960. V. 22. P. 151–156.

[Goetze, 1964] — *Goetze A.* The Kassites and Near Eastern Chronology // JCS. 1964. V. 18. P. 97–101.

[Grayson, 1975] — *Grayson A.K.* Assyrian and Babylonian Chronicles. N. Y., 1975 (Texts from Cuneiform Sources 5).

[Green, 1981] — *Green M.W.* The Construction and Implementation of the Cuneiform Writing System // Visible Language. 1981. V. 15. P. 345–372.

[Green, Nissen, 1987] — *Green M.W., Nissen H.J.* Zeichenliste der archaischen Texte aus Uruk (ATU 2). Berlin, 1987.

[Gurney, 1983] — *Gurney O.R.* The Middle Babylonian Legal and Economic Texts from Ur. L., 1983.

[Güterbock, 1934] — *Güterbock H.G.* Die historische Tradition und ihre literarische Gestaltung bei Babyloniern und Hethitern bis 1200 // ZA. 1934. Bd. 42. S. 1–91; 1938. Bd. 46. S. 45–149.

[Haldar, 1971] — *Haldar A.* Who were the Amorites? Leiden, 1971 (MANE 1).

[Hallo, 1957] — *Hallo W.W.* Early Mesopotamian Royal Titles: a Philologic and Historical Analysis. New Haven, 1957 (American Oriental Series 43).

[Hallo, 1957–1971] — *Hallo W.W.* Gutium (Qutium) // RLA. 1957–1971. Bd. 3. S. 708–719.

[Hallo, 1960] — *Hallo W.W.* A Sumerian Amhpictiony // JCS. 1960. V. 14. P. 88–114.

[Hallo, 1983] — *Hallo W.W.* Dating the Mesopotamian Past: The Concept of Eras from Sargon to Nabonassar // Bulletin of the Canadian Society for Mesopotamian Studies. 1983. 6. P. 7–18.

[Hallo, Simpson, 1971] — *Hallo W.W., Simpson W.* The Ancient Near East. N. Y., 1971.

[Harris, 1975] — *Harris R.* Ancient Sippar. A Demographic Study of an Old-Babylonian City (1894–1595 B. C.). Istanbul; Leiden, 1975 (PIHANS 36).

[Heimpel, 1990] — *Heimpel W.* Ein zweiter Schritt zur Rehabilitierung der Rolle des Tigris in Sumer // ZA. 1990. Bd. 80. S. 204–213.

[Heinrich, Seidl, 1982] — *Heinrich E., Seidl U.* Die Tempel und Heiligtümer im alten Mesopotamien. Berlin, 1982.

[Hruška, 1995] — *Hruška B.* Sumerian Agriculture: New Findings. Berlin, 1995.

[Huot, 1971] — *Huot J.L.* Tell el Oyeili // *Sumer.* 1971. V. 27. P. 45–58.

[Hussey, 1912] — *Hussey M.I.* Sumerian Tablets in the Harvard Semitic Museum. Pt. 1. Chiefly from the Reigns of Lugalanda and Urukagina of Lagash. Cambridge (Mass.), 1912 (HSS 3).

[Jacobsen, 1939] — *Jacobsen Th.* Assumed Conflict Between Sumerians and Semites in Early Mesopotamian History // *JAOS.* 1939. V. 59. P. 485–495.

[Jacobsen, 1939a] — *Jacobsen Th.* The Sumerian Kinglist. Chicago, 1939. (AS 11.)

[Jacobsen, 1957] — *Jacobsen Th.* Early Political Development in Mesopotamia // *ZA.* 1957. Bd. 52. S. 91–140.

[Jacobsen, 1958] — *Jacobsen Th.* Salinity and Irrigation Agriculture in Antiquity. Diyala Basin Archaeological Project: Report on Essential Results, 1957–1958 // *Sumer.* 1958. 14. P. 79–89.

[Jacobsen, 1960] — *Jacobsen Th.* The Waters of Ur // *Iraq.* 1960. V. 22. P. 174–185.

[Jacobsen, 1982] — *Jacobsen Th.* Salinity and Irrigation in Antiquity. Malibu, 1982. (BiblMes 14.)

[Jacobsen, 1987] — *Jacobsen Th.* The Harps That Once...: Sumerian Poetry in Translation. New Haven; L., 1987.

[Jaritz, 1958] — *Jaritz K.* Quellen zur Geschichte der Kaššû-Dynastie // *MIO.* 1958. Bd. 6. S. 187–265.

[Jean, 1931] — *Jean Ch.-F.* Larsa après les texts cunéiformes 2187 à 1901. P., 1931.

[Jestin, 1937] — *Jestin R.* Tablettes sumériennes de Šuruppak conservées au Musée de Stamboul. P., 1937.

[Jestin, 1957] — *Jestin R.* Nouvelles tablettes sumériennes de Šuruppak au Musée d'Istanbul. P., 1957.

[Jones, 1967] — *Jones T.B.* By the Rivers of Babylon sat we down // *Paths to the Ancient Past.* N. Y., 1967. P. 148–164.

[Jones, 1969] — *Jones T.B.* The Sumerian Problem, Major Issues in History. N. Y., 1969.

[Kienast, 1973] — *Kienast B.* Der Weg zur Einheit Babylonien unter staatsrechtlichen Aspekten // *Or.* 1973. V. 42. P. 489–501.

[King, 1910] — *King L.W.* A History of Sumer and Akkad. L., 1910.

[King, 1912] — *King L.W.* Babylonian Boundary Stones and Memorial Tablets in the 1912 British Museum. L., 1912. V. 1–2.

[Klein, 1991] — *Klein J.* A New Nippur Duplicate of the Sumerian Kinglist in the Brockmon Collection, University of Haifa // *Velles Paraules: Ancient Near Eastern Studies in Honor of Miguel Civil*. 1991. P. 123–129.

[Knudtzon, 1907–1915] — *Knudtzon J.* Die El-Amarna-Tafeln. 1–2. Leipzig, 1907–1915.

[Koschaker, 1963] — *Koschaker P.* Cuneiform Law // *Encyclopaedia of the Social Sciences*. N. Y., 1963. 15th print. V. 9. P. 211–218.

[Kozyreva, 1999] — *Kozyreva N.* Sellers and Buyers of Urban Real Estates in South Mesopotamia // *Urbanization in the Ancient Near East* / Ed. by M. Hadson, B. Levine. Harvard, 1999. P. 353–363.

[Kramer, 1963] — *Kramer S.N.* The Sumerians. Chicago, 1963.

[Kramer, 1983] — *Kramer S.N.* The Ur-Nammu Law Code: Who was Its Author // *Or*. 1983. V. 52. P. 453–456.

[Kraus, 1951] — *Kraus F.R.* Nippur und Isin nach altbabylonischen Rechtsurkunden // *JCS*. 1951. V. 3. P. 1–228.

[Kraus, 1952] — *Kraus F.R.* Zur Liste der älteren Könige Babyloniens // *ZA*. 1952. Bd. 17. S. 29–60.

[Kraus, 1954] — *Kraus F.R.* Le rôle des temples depuis la troisième dynastie d'Ur à la première dynastie de Babylon // *Cahiers d'histoire mondiale*. 1954. 1. P. 518–545.

[Kraus, 1955] — *Kraus F.R.* Provinzen des neusumerischen Reiches von Ur // *ZA*. 1955. Bd. 51. S. 45–75.

[Kraus, 1958] — *Kraus F.R.* Ein Edict des Königs Ammi-saduqa von Babylon. Leiden, 1958.

[Kraus, 1966] — *Kraus F.R.* Staatliche Viehhaltung in altbabylonischen Lande Larsa. Amsterdam, 1966.

[Kraus, 1970] — *Kraus F.R.* Sumerer und Akkader, ein Problem der altmesopotamischen Geschichte. Amsterdam, 1970.

[Kraus, 1984] — *Kraus F.R.* Königliche Verfügungen in altbabylonischer Zeit. Leiden, 1984.

[Krebernik, 1994] — *Krebernik M.* [Review] // *OLZ*. 1994. 89. S. 380–385. Rev. of: Green M.W., Nissen H.J. Zeichenliste der archaischen Texte aus Uruk (ATU 2). Berlin, 1987.

[Krebernik, 1996] — *Krebernik M.* The Linguistic Classification of Eblaite. Methods, Problems, and Results // *The Study of the Ancient*

Near East in the Twenty-First Century. The William Foxwell Albright Centennial Conference / Ed. by J.S. Cooper, G.M. Schwartz. Winona Lake, 1996. P. 233–249.

[Krebernik, 1998] — *Krebernik M.* Die Texte aus Fara und Tell Abu Salabih // Bauer J., Englund R.K., Krebernik M. Mesopotamien. Späturuk-Zeit und Frühdynastische Zeit. Annäherungen 1 / Hrsg. von P. Attinger, M. Wäfler. Freiburg (Schweiz); Göttingen, 1998. S. 237–427 (OBO 160/1) (см. также: [Bauer et al., 1998]).

[Krispijn, 1991–1992] — *Krispijn Th.J.H.* The Early Mesopotamian Lexical Lists and the Dawn of Linguistics // JEOL. 1991–1992. V. 32. P. 12–22.

[Kupper, 1957] — *Kupper J.-R.* Les nomades en Mésopotamie au temps des rois de Mari. P., 1957.

[Lamberg-Karlovsky, 1996] — *Lamberg-Karlovsky C.C.* The Archaeological Evidence for International Commerce: Public and/or Private Enterprise in Mesopotamia // Privatisation in the Ancient Near East and Classical World / Ed. by M. Hudson, B. Levine. Harvard, 1996. P. 73–108.

[Lambert M., 1956] — *Lambert M.* Les «réformes» d'Urukagina // RA. 1956. V. 50. P. 169–184.

[Lambert W., 1970] — *Lambert W.* The Reading of the Name uru. KA.gi.na // Or. 1970. V. 39. P. 419.

[Lambert W., 1974a] — *Lambert W.G.* The Seed of Kingship // Le Palais et la Royauté (Archéologie et Civilisation). XIX rencontre assyriologique internationale / Ed. P. Garelli. P., 1974. P. 427–440.

[Lambert W., 1974b] — *Lambert W.G.* The Home of the First Sealand Dynasty // JCS. 1974. 26/4. P. 208–210.

[Landsberger, 1924] — *Landsberger B.* Über die Völker Vorderasiens im dritten Jahrtausend // ZA. 1924. Bd. 35. S. 213–238.

[Landsberger, 1974] — *Landsberger B.* Three Essays on the Sumerians. Los Angeles, 1974. (MANE 1/2.)

[Langdon, 1928] — *Langdon S.* The Herbert Weld Collection in the Ashmolean Museum: Pictographic Inscriptions from Jemdet Nasr. Oxford, 1928.

[Layard, 1853] — *Layard A.H.* Discoveries in the Ruins of Nineveh and Babylon. L., 1853.

[Layard, 1854] — *Layard A.H.* Nineveh and its Remains. L., 1854.

[Leemans, 1950] — *Leemans W.F.* Old Babylonian Merchant. Leiden, 1950.

[Leemans, 1960] — *Leemans W.F.* Foreign Trade in the Old Babylonian Period. Leiden, 1960.

[Leemans, 1968] — *Leemans W.F.* King Hammurabi as Judge // *Symbolae Iuridicae Martino David Dedicatae I* / Ed. by J.A. Ankum, R. Feenstra and W.F. Leemans. Leiden, 1968. P. 105–128.

[Leemans, 1968a] — *Leemans W.F.* Old Babylonian Letters and Economic History // *JESHO*. 1968. V. 11. P. 171–226.

[Lieberman, 1980] — *Lieberman S.J.* Of Clay Pebbles, Hollow Clay Balls, and Writing: A Sumerian View // *AJA*. 1980. V. 84. P. 339–358.

[Limet, 1960] — *Limet H.* Le travail du métal au pays de Sumer au temps de la IIIe dynastie d'Ur. P., 1960.

[Limet, 1968] — *Limet H.* L'Anthroponymie sumérienne dans les documents de la 3e dynastie d'Ur. P., 1968.

[Lipinski, 1979] — State and Temple Economy in the Ancient Near East / Ed. by E. Lipinski. Leuven, 1979 (OLA 5).

[Liverani, 1966] — *Liverani M.* Sargon di Akkad. Milano, 1966.

[Liverani, 1984] — *Liverani M.* Land Tenure and Inheritance in the Ancient Near East: The Interaction between «Palace» and «Family» Sectors // *Land Tenure and Social Transformation in the Middle East* / Ed. by T. Khalidi. Beirut, 1984. P. 33–44.

[Liverani, 1993] — Akkad: The First World Empire — Structure, Ideology, Traditions / Ed. by M. Liverani. Padua, 1993 (HANE/S. 5).

[Liverani, 1997] — *Liverani M.* Ancient Near Eastern Cities and Modern Ideology // *Die orientalische Stadt: Kontinuität, Wandel, Bruch* / Hrsg. von G. Wilhelm. Saarbrücken, 1997. P. 85–107.

[Lloyd, 1947] — *Lloyd S.* Foundations in the Dust. Oxford, 1947.

[Lloyd, Safar, 1943] — *Lloyd S., Safar F.* Tell Uqair. Excavations by the Iraq Government Directorate of Antiquities in 1940 and 1941 // *JNES*. 1943. V. 2. P. 131–158.

[Lloyd, Safar, 1948] — *Lloyd S., Safar F.* Eridu: A Preliminary Communications on the Second Season's Excavations 1947–1948 // *Sumer*. 1948. V. 4. P. 115–125.

[Loding, 1974] — *Loding D.* A Craft Archive from Ur: [Dissertation]. Philadelphia, 1974.

[Loding, 1976] — *Loding D.* Old Babylonian Texts from Ur, 1 // *JCS*. 1976. V. 28. P. 233–242.

[Loding, 1989] — *Loding D.* Two Old Babylonian Texts from Ur // *Studies in Honor of Åke Sjöberg*. Philadelphia, 1989.

[Maaijer, 1998] — *Maaijer R. de*. Land Tenure in Ur III Lagas // *Landless and Hungry? Access to Land in Early and Traditional Societies* / Ed. by B. Haring, R. de Maaijer. Leiden, 1998. P. 50–73.

[Maekawa, 1974] — *Maekawa K.* Agricultural Production in Ancient Sumer // *Zinbun*. 1974. 13. P. 1–60.

[Malamat, 1997] — *Malamat A.* The Cultural Impact of the West (Syria-Palestine) on Mesopotamia in the Old Babylonian Period // *AoF*. 1997. Bd. 24. S. 310–319.

[Mander, 1986] — *Mander P.* Il Pantheon di Abu Salabikh. Contributo allo studio del pantheon sumerico arcaico. Napoli, 1986.

[Marzahn, 1991] — *Marzahn J.* Altsumerische Verwaltungstexte aus Girsu/Lagaš. Berlin, 1991 (VS 25).

[Marzahn, 1991a] — *Marzahn J.* Altsumerische Verwaltungstexte und ein Brief aus Girsu/Lagaš. Mainz, 1991 (VS 27).

[Matthews, 1993] — *Matthews R.J.* Cities, Seals and Writing: Archaic Seal Impressions from Jemdet Nasr and Ur. Berlin, 1993 (MSVO 2).

[Michalowski, 1978] — *Michalowski P.* Foreign Tribute to Sumer during the Ur III Period // *ZA*. 1978. Bd. 68. S. 34–49.

[Michalowski, 1983] — *Michalowski P.* History as a Charter // *JAOS*. 1983. V. 103. P. 237–248.

[Michalowski, 1989] — *Michalowski P.* The Lamentation over the Destruction of Sumer and Ur. Winona Lake, 1989.

[Michalowski, Walker, 1989] — *Michalowski P., Walker C.B.F.* A New Sumerian Law Code // *Studies in Honor Åke W. Sjöberg* / Ed. by H. Behrens. D. Loding, M. Roth. Philadelphia, 1989.

[Mieroop, 1992] — *Mieroop M. van de*. Society and Enterprise in Old Babylonian Ur. Berlin, 1992.

[Mieroop, 1995] — *Mieroop M. van de*. The City in Ancient Mesopotamia // *Terceira margem. Revista da pós-graduação em letras da UFRJ*. 1995. Ano 3. N 3. P. 97–103.

[Mieroop, 1997] — *Mieroop M. van de*. On Writing the History of the Ancient Near East // *BiOr*. 1997. V. 54. No. 3, 4. P. 286–306.

[Moorey, 1976] — *Moorey P.R.S.* The Late Prehistoric Administrative Building at Jamdat Nasr // *Iraq*. 1976. V. 38. P. 103–104.

[Moran, 1992] — *Moran W.L.* The Amarna Letters. Baltimore; L., 1992.

[Neumann, 1987–1993] — *Neumann H.* Handwerk in Mesopotamien. Untersuchungen zu seiner Organisation in der Zeit der III. Dynastie von Ur. Berlin, 1987–1993. (SGKAO 19.)

[Nissen, 1970] — *Nissen H.J.* Grabung in den Quadranten K/L XII in Uruk-Warka // *BaM.* 1970. 5. S. 101–191.

[Nissen, 1986] — *Nissen H.* The Development of Writing and of Glyptic Art // *Gamdat Nasr Gamdat Nasr: Period or Style?* / Hrsg. von U. Finkbeiner, W. Röllig. Wiesbaden, 1986. S. 316–331.

[Nissen, 1988] — *Nissen H.J.* The Early History of the Ancient Near East, 9000–2000. Chicago, 1988.

[Nissen, 1993] — *Nissen H.J.* Settlement Patterns and Material Culture of the Akkadian Period: Continuity and Discontinuity // *Akkad: The First World Empire — Structure, Ideology, Traditions* / Ed. by M. Liverani. Padua, 1993. P. 91–106.

[Nissen et al., 1990] — *Nissen H.J., Damerow P., Englund R.K.* Frühe Schrift und Techniken der Wirtschaftsverwaltung im alten Vorderen Orient. Berlin, 1990.

[Nissen et al., 1993] — *Nissen H.J., Damerow P., Englund R.K.* Archaic Bookkeeping and Writing: Early Writing and Techniques of Economic Administration in the Ancient Near East. Chicago, 1993.

[Oates, 1979] — *Oates J.* Babylon. L., 1979.

[Oates, 1984] — *Oates J.* Ubaid Mesopotamia Reconsidered // *The Hilly Flanks and Beyond. Essays on the Prehistory of Southwestern Asia Presented to Robert J. Braidwood.* Chicago, 1984. P. 251–281 (SAOC 36).

[Oates, Oates, 1976] — *Oates D., Oates J.* The Rise of Civilization. Oxford, 1976.

[Oates et al., 1977] — *Oates J., Davidson T.E., Kamilli D., McKerrel H.* Seafaring Merchants of Ur? // *Antiquity.* 1977. V. 51. P. 221–234.

[Oelsner, 1982] — *Oelsner J.* Landvergabe im kassitischen Babylonien // *Societies and Languages of the Ancient Near East. Studies in Honour of I.M. Diakonoff* / Ed. by M.A. Dandamayev et al. Warminster, 1982. P. 279–284.

[Oppenheim, 1977] — *Oppenheim A.L.* Ancient Mesopotamia. Portrait of a Dead Civilization. Chicago; L., 1977.

[Ormsby, 1972] — *Ormsby D.L.* An Old Babylonian Business Archive of Historical Interest // *JCS.* 1972. V. 24. P. 89–99.

[Parpola, 1988] — *Parpola S.* Proto-Assyrian // *Wirtschaft und Gesellschaft von Ebla, Akten der internationalen Tagung, Heidelberg, 4–7 Nov. 1986* / Hrsg. von H. Waetzoldt, H. Hauptmann. Heidelberg, 1988. S. 293–298 (HSAO 2).

[Parr, 1974] — *Parr P.A.* Ninhilia: Wife of Ayakala, Governor of Umma // *JCS.* 1974. V. 26. P. 90–91.

[Petschow, 1965] — *Petschow H.* Zur Systematik und Gesetztechnik im Codex Hammurabi // *ZA.* 1965. Bd. 57. S. 146–172.

[Petschow, 1974] — *Petschow H.* Mittelbabylonische Rechts- und Wirtschaftsurkunden der Hilprecht-Sammlung Jena. Berlin, 1974.

[Pettinato, 1969] — *Pettinato G.* Texte zur Verwaltung der Landwirtschaft in der Ur III Zeit. «Die Runden Tafeln». Roma, 1969. (AnOr 45.)

[Picchioni, 1984] — *Picchioni S.A.* Die Keilschriftichtung und ihre archäologischen Implikationen // *Sumer.* 1984. V. 42. P. 48–54.

[Polanyi, 1957] — *Polanyi K.* Marketless Trade in Hammurabi's Time // *Trade and Market in Early Empires. Economies in History and Theory* / Ed. by K. Polanyi, C.M. Arensberg, H.W. Pearson. N. Y., 1957.

[Polanyi, 1977] — *Polanyi K.* The Livelihood of Man. L.; N. Y., 1977.

[Postgate, 1994] — *Postgate J.N.* In Search of the First Empires // *BASOR.* 1994. V. 293. P. 1–15.

[Postgate, 1996] — *Postgate J.N.* Early Mesopotamia: Society and Economy at the Dawn of History. L.; N. Y., 1996.

[Powell, 1972] — *Powell M.A.* The Origin of the Sexagesimal System: The Interaction of Language and Writing // *Visible Language.* 1972. V. 6. P. 5–18.

[Powell, 1981] — *Powell M.A.* Three Problems in the History of Cuneiform Writing: Origins, Direction of Script, Literacy // *Visible Language.* 1981. V. 15. P. 419–440.

[Powell, 1985] — *Powell M.A.* Salt, Seed, and Yields in Sumerian Agriculture. A Critique of the Theory of Progressive Salinization // *ZA.* 1985. Bd. 75. S. 7–38.

[Reade, 1982] — *Reade J.* «Tell Taya», Fifty Years of Mesopotamian Discovery // *The British School of Archaeology in Iraq* / Ed. by J. Curtis. L., 1982. P. 72–78.

[Renger, 1979] — *Renger J.* Interaction of Temple, Palace and «Private Enterprise» in the Old Babylonian Economy // *State and Temple Economy in the Ancient Near East* / Ed. by E. Lipinski. Leuven, 1979. P. 249–256.

[Renger, 1984] — *Renger J.* Patterns of Non-institutional Trade and Non-commercial Exchange in Ancient Mesopotamia at the Beginning of the Second Millennium B. C. // *Circulation of Goods in Non-palatial Context in the Ancient Near East* / Ed. by A. Archi. Rome, 1984. P. 31–123.

[Renger, 1990] — *Renger J.M.* Different Economic Spheres in the Urban Economy of Ancient Mesopotamia: Traditional Solidarity, Redistribution and Market Elements as the Means of Access to the Necessities of Life // *The Town as Regional Economic Centre in the Ancient Near East* / Ed. by E. Aerts, H. Klengel. Leuven, 1990. P. 20–28.

[Renger, 1994] — *Renger J.M.* On Economic Structures in Ancient Mesopotamia // *Or.* 1994. V. 63. P. 157–208.

[Renger, 1995] — *Renger J.M.* Institutional, Communal and Individual Ownership or Possession of Arable Land in Ancient Mesopotamia from the End of the Forth to the End of the First Millennium B. C. // *Law Review.* 1995. V. 71, N 5. P. 269–319.

[Roaf, 1995] — *Roaf M.* Palaces and Temples in Ancient Mesopotamia // *Civilizations of the Ancient Near East* / Ed. by J. Sasson. N. Y., 1995. P. 423–441.

[Roberts, 1972] — *Roberts J.J.M.* The Earliest Semitic Pantheon. A Study of the Semitic Deities Attested in Mesopotamia before Ur III. Baltimore; L., 1972.

[Römer, 1999] — *Römer W.H.Ph.* Die Sumerologie: Einführung in die Forschung und Bibliographie in Auswahl. Münster, 1999 (AOAT; Bd. 262).

[Roth, 1995] — *Roth M.* Law Collections from Mesopotamia and Asia Minor. Atlanta, 1995.

[Rothman, 1994] — *Rothman M.S.* Sealings Use and Changes in Administrative Oversight and Structure at Tepe Gawra during the Fourth Millennium // *Archives Before Writing* / Ed. by P. Ferioli. Rome, 1994. P. 19–121.

[Rowton, 1967] — *Rowton M.B.* The Physical Environment and the Problem of Nomads // *La civilization de Mari* / Ed. J.R. Kupper. P., 1967. P. 109–121.

[Rowton, 1969] — *Rowton M.B.* The *abu amurrim* // *Iraq.* 1969. V. 31. P. 68–73.

[Rowton, 1973a] — *Rowton M.B.* Autonomy and Nomadism in Western Asia // *Or.* 1973. V. 42. P. 247–258.

[Rowton, 1973b] — *Rowton M.B.* Urban Autonomy in a Nomadic Environment // *JNES.* 1973. V. 32. P. 201–258.

[Rowton, 1974] — *Rowton M.B.* Enclosed Nomadism // *JESHO.* 1974. V. 17. P. 1–30.

[Safar, 1981] — *Safar F., Ali Mustafa M., Lloyd S.* Eridu. Baghdad, 1981.

[Sallaberger, 1993] — *Sallaberger W.* Der kultische Kalender der Ur III Zeit. I—II. Berlin; N. Y., 1993.

[Sallaberger, 1996] — *Sallaberger W.* Der babylonische Töpfer und seine Gefäße. Ghent, 1996.

[Sallaberger, 1999] — *Sallaberger W.* Ur III-Zeit // Sallaberger W., Westenholz A. Mesopotamien. Akkade-Zeit und Ur III-Zeit. Annäherungen 3 / Hrsg. von P. Attinger, M. Wäfler. Freiburg (Schweiz); Göttingen, 1999. S. 119—390 [см. также: Sallaberger, Westenholz, 1999].

[Sallaberger, 2001] — *Sallaberger W.* Die Entwicklung der Keilschrift in Ebla // Beiträge zur Vorderasiatischen Archäologie Winfried Orthmann gewidmet / Hrsg. von J.-W. Meyer, M. Nowak, A. Pruß. Frankfurt, 2001. S. 436—445.

[Sallaberger, Westenholz, 1999] — *Sallaberger W., Westenholz A.* Mesopotamien. Akkade-Zeit und Ur III-Zeit. Annäherungen 3 / Hrsg. von P. Attinger, M. Wäfler. Freiburg (Schweiz); Göttingen, 1999 (OBO 160/3).

[Salonen, 1968] — *Salonen A.* Agricultura Mesopotamica. Helsinki, 1968.

[Sassmannshausen, 2004] — *Sassmannshausen L.* Babylonian Chronology of the 2nd Half of the 2nd Millennium B. C. // Mesopotamian Dark Age Revisited: Proceedings of an International Conference of SCIEEM 2000 (Vienna, 8—9th November 2002) / Ed. by H. Hunger and R. Pruzsinszky. Vienna, 2004. P. 61—70.

[Sauren, 1966] — *Sauren H.* Topographie der Provinz Umma nach den Urkunden der Zeit der III. Dynastie von Ur. Tl. I. Kanäle und Bewässerungsanlagen: [Dissertation Ruprecht Karls Universität Heidelberg]. Bamberg, 1966.

[Scheil, 1902] — *Scheil V.* Délégation en Perse, Mémoires publiés sous la direction de M.I. Morgan, délégué général (= MDP). 2-e serie. T. 4. Textes élamites-sémitiques. P., 1902.

[Schmandt-Besserat, 1977] — *Schmandt-Besserat D.* An Archaic Recording System and the Origin of Writing. Malibu, 1977. P. 31—70 (SMS 1/2).

[Schmandt-Besserat, 1981] — *Schmandt-Besserat D.* From Tokens to Tablets: A Re-evaluation of the So-called «Numerical Tablets» // Visible Language. 1981. V. 15. P. 321—344.

[Schmandt-Besserat, 1982] — *Schmandt-Besserat D.* The Emergence of Recording // American Anthropologist. 1982. V. 84. P. 871—878.

[Schmandt-Besserat, 1986] — *Schmandt-Besserat D.* An Ancient Token System: The Precursor to Numerals and Writing // *Arhaeology*. 1986. V. 39. P. 32–39.

[Schmandt-Besserat, 1990] — *Schmandt-Besserat D.* Accounting in the Prehistoric Middle East // *Archeomaterials*. 1990. V. 4. P. 15–23.

[Schmandt-Besserat, 1992] — *Schmandt-Besserat D.* Before Writing. Austin, 1992. V. 1–2.

[Schneider, 1920] — *Schneider A.* Die sumerische Tempelstadt. Die Anfänge der Kulturwirtschaft. Essen, 1920.

[Schretter, 1993] — *Schretter M.* Sumerische Phonologie: Zu Konsonantenverbindungen und Silbenstruktur // *ActOr*. 1992. 54. P. 7–30.

[Seidl, 1989] — *Seidl U.* Die babylonischen Kudurru-Reliefs. Symbole mesopotamischer Gottheiten. Freiburg (Schweiz); Göttingen, 1989. (OBO 87.)

[Selz, 1989] — *Selz G.J.* Altsumerische Verwaltungstexte aus Lagaš. 1. Die altsumerischen Wirtschaftsurkunden der Eremitage zu Leningrad. Stuttgart, 1989 (FAOS 15/1).

[Selz, 1993] — *Selz G.J.* Altsumerische Verwaltungstexte aus Lagaš. 2. Altsumerische Wirtschaftsurkunden aus amerikanischen Sammlungen. Stuttgart, 1993 (FAOS 15/2).

[Selz, 1995] — *Selz G.J.* Untersuchungen zur Götterwelt des altsumerischen Stadtstaates von Lagaš. Philadelphia, 1995.

[Selz, 1999] — *Selz G.J.* Vom «vergangenem Geschehen» zur «Zukunftsbewältigung»: Überlegungen zur Rolle der Schrift in Ökonomie und Geschichte // *Munuscula Mesopotamica*. Festschrift für J. Renger / Hrsg. von B. Böck, E. Cancik-Kirschbaum, T. Richter. Münster, 1999. S. 465–512.

[Selz, 1999/2000] — *Selz G.J.* «Wirtschaftskrise – Legitimationskrise – Staatskrise»: Zur Genese mesopotamischer Rechtsvorstellungen zwischen Planwirtschaft und Eigentumsverfassung // *AfO*. 1999/2000. Bd. 46/47. S. 1–44.

[Selz, 2000] — *Selz G.J.* Schrifterfindung als Ausformung eines reflexiven Zeichensystems // *WZKM*. 2000. Bd. 90. S. 169–200. Rec. ad op.: Glassner J.-J. Écrire à Sumer. L'invention du cunéiforme. P., 2000.

[Selz, 2001] — *Selz G.J.* Irano-Sumerica // *WZKM*. 2001. Bd. 91. 259–267.

[Selz, 2002] — *Selz G.J.* Babilismus und die Gottheit Nindagar // *Ex Mesopotamia et Syria Lux*. Festschrift für Manfred Dietrich

/ Hrsg. von O. Loretz, K. Metzler, H. Schaudig. Münster, 2002. S. 647–684.

[Sigrist, 1984] — *Sigrist M.* Les sattukku dans l'Esumesa durant la période d'Isin et Larsa. Malibu, 1984 (BiblMes 11).

[Sigrist, Gomi, 1991] — *Sigrist M., Gomi Th.* The Comprehensive Catalogue of Published Ur III Tablets. Bethesda, 1991.

[Slanski, 2003] — *Slanski K.* The Babylonian Entitlement *narûs* (*ku-durrus*). A Study in Their Form and Function. Boston, 2003 (ASOR/B 9).

[Smith, 1940] — *Smith S.* Alalakh and Chronology. L., 1940.

[Snell, 1982] — *Snell D.C.* Ledgers and Prices. Early Mesopotamian Merchant Accounts. New Haven; L., 1982.

[Sollberger, 1967] — *Sollberger E.* The Rulers of Lagas // JCS. 1967. V. 21. P. 279–291.

[Sommerfeld, 1995] — *Sommerfeld W.* The Kassites of Ancient Mesopotamia: Origins, Politics, and Culture // *Civilizations of the Ancient Near East* / Ed. by J. Sasson. N. Y., 1995. P. 917–930.

[Steele, 1949] — *Steele F.R.* The Code of Lipit-Ishtar. Philadelphia, 1949.

[Steible, 1982] — *Steible H.* Die altsumerischen Bau- und Weihinschriften. Tl. 1. Inschriften aus Lagash. Tl. 2. Kommentar zu den Inschriften aus Lagash. Wiesbaden, 1982. (FAOS 5/1, 5/2.)

[Steinkeller, 1981] — *Steinkeller P.* More on the Ur III Royal Wives // ASJ. 1981. V. 3. P. 77–92.

[Steinkeller, 1987] — *Steinkeller P.* The Administrative and Economic Organization of the Ur III State: the Core and the Periphery // *The Organization of Power: Aspects of Bureaucracy in the Ancient Near East* / Ed. by M. Gibson, R.D. Biggs. Chicago, 1987. P. 19–41 (SAOC 46).

[Steinkeller, 1988] — *Steinkeller P.* The Date of Gudea and His Dynasty // JCS. 1988. V. 40. P. 47–53.

[Steinkeller, 1991] — *Steinkeller P.* The Reforms of Urukagina and an Early Sumerian Term for «Prison» // AuOr. 1991. 9. P. 227–233.

[Steinkeller, 1993] — *Steinkeller P.* Early Political Development in Mesopotamia and the Origin of Sargonic Empire // *Akkad: The First World Empire — Structure, Ideology, Traditions* / Ed. by M. Liverani. Padua, 1993. P. 107–130.

[Steinkeller, 1995] — *Steinkeller P.* [Review] // BiOr. 1995. V. 52. P. 689–713. Rev. of: Green M.W., Nissen H.J. Zeichenliste der archaischen Texte aus Uruk (ATU 2). Berlin, 1987.

[Steinkeller, 1999] — *Steinkeller P.* Land Tenure Conditions in Third Millennium Babylonia: Problem of Regional Variation // *Urbanization and Land Ownership in the Ancient Near East* / Ed. by M. Hadson, B. Levine. Cambridge (Mass.), 1999. P. 289–329.

[Steinkeller, 2001] — *Steinkeller P.* New Light on the Hydrology and Topography of Southern Babylonia in the Third Millennium // *ZA*. 2001. Bd. 91. 23–84.

[Steinkeller, 2003] — *Steinkeller P.* An Ur III Manuscript of the Sumerian King List // *Literatur, Politik und Recht in Mesopotamien* / Hrsg. von W. Sallaberger, K. Volk, A. Zgoll. Wiesbaden, 2003. S. 267–292.

[Stepien, 1996] — *Stepien M.* Animal Husbandry in the Ancient Near East. A Prosopographic Study of Third-Millennium Umma. Bethesda, 1996.

[Steward, 1955] — *Irrigation Civilizations: A Comparative Study* / Ed. by J.H. Steward. Washington, 1955.

[Stol, 1976] — *Stol M.* Studies in Old Babylonian History. Leiden, 1976.

[Stol, 1982] — *Stol M.* State and Private Business in the Land of Larsa // *JCS*. 1982. V. 34. P. 127–230.

[Stone, 1987] — *Stone E.* Nippur Neighborhoods. Chicago, 1987 (SAOC 44).

[Stone, 1990] — *Stone E.* The Tell Abu Duwari Project. Iraq, 1987 // *J. of Field Archaeology*. 1990. V. 17. P. 141–162.

[Stone, 1999] — *Stone C.S.* The Constraints on State and Urban Form in Ancient Mesopotamia // *Urbanization and Land Ownership in the Ancient Near East* / Ed. M. Hadson, B. Levine. Cambridge (Mass.), 1999. P. 203–219.

[Sürenhagen, 1986] — *Sürenhagen D.* The Dry-Farming Belt: The Uruk Period and Subsequent Developments // *The Origins of Cities in Dry-Farming Syria and Mesopotamia in the Third Millennium B. C.* / Ed. by H. Weiss. Guilford (Conn.), 1986. P. 7–45.

[Thureau-Dangin, 1903] — *Thureau-Dangin F.* Recueil des tablettes chaldéennes (RTC). P., 1903.

[Thureau-Dangin, 1905–1907] — *Thureau-Dangin F.* Die sumerischen und akkadischen Königsinschriften (SAKI). P.; Leipzig, 1905–1907.

[Waetzoldt, 1972] — *Waetzoldt H.* Untersuchungen zur neusumerischen Textilindustrie. Rom, 1972.

[Waschow, 1936] — *Waschow H.* Babylonische Briefe aus der Kassitenzeit. Leipzig, 1936. (MAOG 10/1.)

[Weeks, 1985] — *Weeks N.* The Old Babylonian Amorites: Nomads or Mercenaries? // OLP. 1985. 16. P. 49–57.

[Weiss, 1986] — The Origin of Cities in Dry-Farming Syria and Mesopotamia in the Third Millennium B. C. / Ed. by H. Weiss. Gilford (Conn.), 1986.

[Westbrook, 1988] — *Westbrook R.* Studies in Biblical and Cuneiform Law. P., 1988.

[Westenholz A., 1993] — The World View of Sargonic Officials. Differences in Mentality Between Sumerians and Akkadians // *Akkad: The First World Empire — Structure, Ideology, Traditions* / Ed. by M. Liverani. Padua, 1993. P. 157–170.

[Whiting, 1987] — *Whiting R.* Old Babylonian Letters from Tell Asmar. Chicago, 1987 (AS 22).

[Wiggermann, 1996] — *Wiggermann F.A.M.* Scenes from the Shadow Side // *Mesopotamian Poetic Language: Sumerian and Akkadian. Proceedings of the Groningen Group for the Study of Mesopotamian Literature* / Ed. by M.E. Vogelzang and H.L.J. Vanstipout. Groningen, 1996. P. 207–230 (CM 6).

[Wilcke, 1973] — *Wilcke C.* Politische Opposition nach sumerischen Quellen: der Konflikt zwischen Königtum und Ratversammlung, Literaturwerke als politische Tendenzschriften // *La voix de l'opposition en Mésopotamie* / Ed. A. Finet. Bruxelles, 1973. P. 37–65.

[Wilcke, 1989] — *Wilcke C.* Genealogical and Geographical Thought in the Sumerian King List // *DUMU-E2-DUB-BA-A: Studies in Honor of Ake W. Sjöberg* / Ed. by H. Behrens, D. Loding, M.T. Roth. Philadelphia, 1989. P. 557–571.

[Winter, 1986] — *Winter I.J.* The King and the Cup: Iconography of the Royal Presentation Scene on Ur III Seals // *Insights through Images* / Ed. by M. Kelly-Buccellati. Malibu, 1986. P. 253–268 (BiblMes 21).

[Winter, 1987] — *Winter I.J.* Legitimation of Authority through Image and Legend: Seals belonging to Officials in the Administrative Bureaucracy in the Ancient Near East. Chicago, 1987 (SAOC 46).

[Wittfogel, 1957] — *Wittfogel K.A.* Oriental Despotism. A Comparative Study of Total Power. New Haven, 1957.

[Woolley, 1924] — *Woolley C.L.* Excavations at Tell el-Obeid // *Antiquaries J.* 1924. 4. P. 329–346.

[Woolley, 1956] — *Woolley C.L.* The Early Periods: A Report on the Sites and Objects Prior in Date to the Third Dynasty of Ur Discovered in the Course of Excavations. Philadelphia, 1956. (UE 4.)

[Woolley, 1965] — *Woolley C.L.* The Kassite Period and the Period of Assyrian Kings. L.; Philadelphia, 1965 (UE 8).

[Woolley, 1976] — *Woolley C.L.* The Old Babylonian Period. Philadelphia, 1976 (UE 7).

[Wright, 1969] — *Wright H.T.* The Administration of Rural Production in an Early Mesopotamian Town. Ann Arbor, 1969.

[Yaron, 1969] — *Yaron R.* The Laws of Eshnunna. 2nd ed. Jerusalem, 1988.

[Yildiz, 1981] — *Yildiz F.* A Tablet of Codex Ur-Nammu from Sippar // Or. 1981. V. 50. P. 87–97.

[Yoffee, 1977] — *Yoffee N.* The Economic Role of the Crown in the Old Babylonian Period. Malibu, 1977 (BiblMes 5).

[Zarins, 1990] — *Zarins J.* Early Pastoral Nomadism and the Settlement of Lower Mesopotamia // BASOR. 1990. V. 280. P. 31–65.

[Zettler, 1977] — *Zettler R.L.* The Sargonic Royal Seal: A Consideration of Sealing in Mesopotamia // Seals and Sealing in the Ancient Near East / Ed. by M. Gibson, R.D. Biggs. Malibu, 1977. P. 33–41.

[Zettler, 1984] — *Zettler R.L.* The Genealogy of the House of Ur-Me-me: A Second Look // AfO. 1984. Bd. 31. S. 1–14.

[Zettler, 1987] — *Zettler R.L.* Sealings as Artifacts of Institutional Administration in Ancient Mesopotamia // JCS. 1987. V. 39. P. 197–240.

Учебное издание

Кузищин Василий Иванович
Дандамаев Магомед Абдул-Кадырович
Козырева Нэлли Владимировна и др.

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

Под редакцией В.И. Кузищина

Редактор *Т.А. Феоктистова*
Внешнее оформление *К.И. Мандель*
Технический редактор *Л.А. Маркова*
Корректор *Н.Е. Жданова*
Оригинал-макет *Н.Ю. Комаровой*

Изд. № РИФ-317. Подп. в печать 26.05.08.
Формат 60×88¹/₁₆. Бум. офсетная.
Гарнитура «Newton». Печать офсетная.
Объем 44,10 усл. печ. л., 44,84 усл. кр.-отт.
Тираж 2000 экз. Зак. № 3252.

ОАО «Издательство «Высшая школа»
127994, Москва, Неглинная ул., д. 29/14, стр. 1.

Тел.: (495) 694-04-56.
<http://www.vshkola.ru>
E-mail: info_vshkola@mail.ru

Отдел реализации: (495) 694-07-69, 694-31-47,
Факс: (495) 694-34-86,
E-mail: sales_vshkola@mail.ru

Отпечатано в ОАО «Ивановская областная типография»
153008, г. Иваново, ул. Типографская, 6.
E-mail: 091-018@rambler.ru

ISBN 978-5-06-005240-4

9 785060 052404

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЫСШАЯ ШКОЛА»